

**Съ дозволенія Московской
Цензуры.**

Д Ъ Т И

А Б Б А Т С Т В А.

Г Л А В А I.

Здравствуй, сладосное убѣжище младенчества моего! подѣ швоимъ крошкимъ покровомъ обитающѣ блаженство и нѣжное челоуѣколюбіе, кошорое щитишься сокрываешь дѣлаемое имъ добро. И вы, почтенныя древа! дайте мнѣ еще приспанище подѣ шбнію своею, какъ нѣкогда доспавляли оное забавамъ и рѣвоспямъ первыхъ лѣтъ моихъ; тогда, какъ безъ скорби и заботъ, подобно птицамъ лежающимъ по вѣшвамъ вашимъ, видѣла я пріятное печеніе дней моихъ, и

Часть I.

А

когда не знавала еще несчастія. Здѣсь по крайности сокроюсь отъ злобы челоѳческой; я хотя здѣсь не буду щаслива, но обрѣшу успокоеніе; въ сей тишинѣ могу ожидать, чтобъ буря злощастія миновалась, и чтобъ къ принятію меня разверзлись объятія отца моего. —

Таковы были чувства, объясняемая Аминшою въ минушу, когда наняшая ею въ сосѣднемъ городкѣ почтовая коляска, оставляя пространный путь, поворотилась на зеленую дорожку, обсаженную большими деревьями, кои съплещіаяся въ шѣви едва позволяли ей усмотрѣть маленькой домикъ кормилицы ея, къ ворошамъ котораго она подѣхла.

Множество иѳжныхъ воспоминаній шѣсли духъ ея, и она почти не въ состояніи была выдти изъ коляски; но кормилицы

ца и мужъ оной, съ неперифла-
веснiю ее ожидающiе, принимали
ее своими руками. Первая, влеко-
ма нѣжною приверженностiю,
осыпала ее ласками, тогда, какъ
Адвинъ съ почтенiемъ поцѣло-
валъ руку ея, и оспавлялъ видѣшь
въ глазахъ его, слезами омочен-
ныхъ, всю радость, копорой онъ
объяснить не могъ. Милосердый
Боже! говорилъ онъ: какая пере-
мѣна въ столь малое время! Ка-
жется, что еще нѣсколько дней
только назадъ тому, какъ я
сие милое дитя носилъ на ру-
кахъ своихъ, спрашивалъ ее
о здоровьѣ любезнаго Капитана
и Г. Оскара, копорый уже безъ
сомнѣнiя спалъ пригожiй моло-
дой человекъ. Аминша съ омочен-
ными глазами и съ усмѣшкой на
устахъ принуждала себя опвѣ-
чать ему; но столь много была
она пронута чувствами сихъ
добрыхъ людей, что мало имѣла

способности удовольствовашь всѣ
 ихъ вопросы ; и тогда , какъ
 мужъ началъ помогать сопровожда-
 ющему ее молодому человѣку
 выбирать изъ коляски , она по-
 ложила голову на плечо своей
 кормилицы , которая держала ее
 въ своихъ объятіяхъ . Любезная
 и добрая пищальница моя ! ска-
 зала она ей прерывающимся голо-
 сомъ : бѣдное дитя швое еще
 приходишь искать швоего покро-
 вительства . — А я ее принимаю
 въ оное , сказала добрая женщина ,
 плакавъ отъ радости , отъ всего
 моего сердца принимаю ! Я забо-
 шилась приготошшь для васъ
 комнату шоль чистую , шоль
 покойную и шоль и зрядно
 прибранную , чшобы и самая знаш-
 ная Госпожа не погнушалась по-
 жишь въ оной . Вотъ двѣ моло-
 дыя дѣвки , гошовыя , шакже какъ
 и я , служишь вамъ и повиновашь-
 ся волѣ вашей . Вотъ эшо Елена ,

ваша сестра молочная; а это Бешпи, малюшка, копорую вы опѣбзжая опѣ насѣ вѣ клыбе-лѣ оставили. Естѣ у меня еще два сына, ежели позволите мнѣ сказаѣь, пакіе хорошіе мальчики, какихѣ вы мало видали; они вѣ работѣ у откупщика, нашего сосѣда, но вѣ минушу здѣсь явля-ся. Слава Богу! мы всѣ щасшли-вы. Хошя и принуждены хлѣбѣ себѣ доставать своими шрудами, но шѣмѣ - по самымѣ онѣ для насѣ и лучше; ибо работа дѣ-лаешѣ его гораздо вкуснѣе, и мы сѣ нимѣ получаемѣ здоровье и блаженство.

Аминта сѣ нѣжностію обня-ла обѣихѣ молодыхѣ дѣвушекѣ, коихѣ лица означали здоровье и веселость. Проводили ее вѣ не-большую залу, примыкающую кѣ маленькой спальной комнашѣ; ша и другая для нее назнача-лись. Вѣ залѣ была пріятная

чистота; нашия убрания двѣ-
нами и сѣарыми чайными чаш-
ками, на показъ разспавленными;
позади двери были стѣнные часы;
въ шкафъ чернаго дерева было
довольное количество глиняной
посуды самой лучшей работы
той страны.

Кормилица, начиная оправ-
лять гостеприимство, сѣавила
Аминну, дабы прѣгосевить обѣдъ.
Щыпленокъ нопчасъ сварился,
сказала она. Елена припасала спар-
жу, Бетши поснинала скапершъ,
Эдвинъ доставалъ лучшее све-
еино, и принеся его на столъ,
возвращался въ поварню погово-
ривъ съ поварщикомъ пунеше-
сшвѣя Аминны, которому уже
онъ прѣдѣсавилъ, что сыскалось
лучшаго.

Обѣдъ для Аминны доволь-
но скоро былъ готовъ; бывъ
надѣбру много впревожена, не
могла она ѣсть, хотя и побуж-

дали се къ тому объясненіямъ
нѣжнѣйшаго участія, кои слу-
жили еще къ умноженію ея сму-
щенія.

Сердце, оскорбленное злобою
людей, или жертва безчеловѣч-
наго прищѣсенія, можетъ воз-
вышаться до чрезвычайной степе-
ни бодрости, и, такъ сказать,
превосходишь природу; но сія на-
ружная нечувствительность при
власѣ благости, приходящемъ раз-
дѣлять его мученія, какъ ледъ ис-
таиваетъ при сладостной тепло-
тѣ перваго весенняго сіянія солнца;
слезы благодарности и чувствитель-
ности доказываютъ, что оно
уступило наимѣжнѣйшимъ чув-
ствованіямъ; драгоценныя слезы,
коихъ источникъ есть въ любви
къ ближнему, и которыя только
одни добрые проливать удобны.

Скоро сыновья кормилицы
пришли съ ихъ работы: два мо-
лодые мальчика, спашные и

крѣпкіе. Они были собесѣдники младенчества и забавъ Аминшы; она ихъ приняла съ крѣпкимъ и нѣжнымъ благопріятствомъ.

Не съ давняго еще времени Аминша лишилась домашняго блаженства и сладостей деревенской жизни, коими она до сихъ поръ съ пріятностію наслаждалась; коихъ цѣну чувствовала она теперь больше, нежели когда нибудь; и ежели бы отецъ ея могъ быть съ нею, то ничего бы не недоспавало къ ея благополучію.

Тогда было половина Іюня, и деревня находилась во всей своей красотѣ. Жилище Эвина составлялъ откупъ земли, спокойной и изобильной, лежащей въ сѣверной части Валлискаго Княжества. Восхищательныя мѣстоположенія, каковыми Провинція сія изобилуетъ, совершенно соотвѣтствовали расположеніямъ Аминшы, до безконечности

чувствительной къ прелестямъ и величеству зрѣлицъ Природы. Наружность дома совсѣмъ изпещренною казалась различными высокораспуцыми и вѣющими цвѣтами; зеленая дорога, о коей недавно говорено было, освѣщаемая большими деревьями, соспавляла прѣшныи путь до самыхъ воровъ; съ одной стороны дома глубокий ровъ, лежащій между холмами, украшенными изобильною зеленью; въ ономъ пропекалъ чистый источникъ, простирая прѣшную прохладительность берегамъ, на коихъ спада поселянъ паслися; пропекалъ еще далѣе, и заспавлялъ работашъ мѣльницу. Съ другой стороны предспавлялись богашые луга, окончивающіеся густымъ лѣсомъ; многія строенія ошкупщиковъ, маленькая деревенька, дома которой шуда и сюда разсѣяны; церковная колокольня,

и прекрасный замокъ дренята-зданія, коего башни величественно возвышались превыше деревъ, окружающихъ его.

Задній дворъ, расположенный позади дома, преисполненъ пшщами всякаго рода, и разными инструменшами, пошребными для полевой работы; онъ онаго опдблялся садъ заборцомъ, украшеннымъ разными и вющимися цвбтами и розовыми кустьями. Садъ раздбленъ на нбкопорую часть земли для посбва цвбтовъ, на куряины плодовишыхъ деревьевъ, и на огородъ; онъ былъ при подошвб каменистой горы, покрывшюй желтыми и пурпуровыми цвбтами, шиміаномъ и другими благовонными расшеніями, гдб видимы были игри или чешыре козы, шо пышающіяся, шо ббгающія свъ свойственною имъ легкостію. Чисблшная вода изходила изъ горы, и проббгал

окружности молодого кустарника, несла въ долины пріятный шумъ свой и ручей; внизу подлѣ каменистыхъ горъ былъ натуральный гротъ, изпещренные мохомъ, и котораго входъ былъ украшенъ и до половины скрытъ премножествомъ разнообразней кустовъ и цвѣтовъ.

О всѣхъ сихъ предметахъ Аминта сохранила только весьма слабое воспоминаніе, такое, какъ имѣемъ о пріятномъ сновидѣніи, котораго рассказать не можемъ, хотя и оставилъ оно намъ сладчайшее впечатлѣніе.

Особенныя обстоятельства оплучали ее отъ отца, дабы сыскать безопасность въ семь жилищъ мира и преспоны. Спрахи ея исчезли, и въ то же самое время въ душѣ ея умножалось сладостное уныніе, потому что находилась въ шумѣ мѣстѣ, гдѣ

ея несчастная: машь, давъ ей жизнь, окончила дни свои.

Аминшб шогда было девятнадцать лѣшб; нельзя взяшься описывать ея лице и спанб, для шого что не возможно бы было дашь шочное поняшпе о прелесшяхб, кропосши и чувспвишельности одного, и о легкости, прятносшяхб и хорошихб расположеніяхб другаго.

Печаль помрачила живой цвѣшб лица ея, несчастія опца ея опягчили сердце, и цвѣшокб ослабѣвалъ сѣвѣшкой, служащей ему опорю. Опецб ея, огорченный прискорбнымб ссшояніемб его дочери, опправилъ ее вѣ Валлискую спрану шолько же для здоровья, какб и для безопасности ея. Предписано было ей козье молоко и умѣренное движеніе; но она твердо была увѣрена, что одинб шолько конецб

несчастій отца ея былъ въ силахъ изцѣлить ее.

Хотя розы на щекахъ ея были блѣдны, и въ глазахъ природный блескъ помраченъ, но все сіе не опинимало ея пріятноспей. Чшобъ безъ движенія видѣшь ее, шо надлежало бы бышь лишеннымъ всякой чувспвительности; ибо видъ ея былъ изъ малаго числа шѣхъ, кои привлекають и останавливають взоры, и копорые вскорѣ за удивленіемъ, произведеннымъ первымъ взглядомъ, заспавляютъ преслѣдовать дѣйствію чувства. Словомъ: разумъ и душа ея прямо сошвѣпшвовали красотѣ, о кошорой глаза могли судить.

Она вырвалась, шакъ сказать, изъ своего унынія, дабы изъяснить благодарность своимъ преданнымъ и доброхотнымъ друзьямъ. Пріѣздъ ея составилъ праздникъ на дачѣ; чашки изъ

шкафа были вынупы, и, по прозьбѣ Аминшы, полдникъ пригѣповленъ былъ въ садовомъ грѣшѣ. Мисприсъ Эдвинъ послѣдовала нуда съ своею семьею, принеся горячій пирогъ такой величины, что по мнѣнію Аминшы половинѣ шего околodka доспалось бы раздѣлить его.

Зрѣлище было прекрасное и довольно хорошо устроенное для изгнанія всякой печали, выключая шой, копорую производить опчаяніе. Аминша позволила разсѣяваться шоскѣ своей; ибо она надмѣру шверда была въ законѣ, чтобѣ не сохранять надежды, и среди печалей своихъ возлагала свое упованіе на шо Существо благое и всемогущее, копорое обѣщало вѣрующаго никогда не оставлять въ бѣдспвіяхъ.

Аминша наслаждалась невинною веселостию своихъ хозяевъ, ихъ шушкою безвредною и ра-

дешнымъ смѣхомъ; ибо благопворишельная душа утѣшается благополучіемъ другаго. Захожденіе солнца, казалось, придавало еще пріятнѣйшія красоты всей сценѣ. Мичаніе спадъ повпорялось экомъ сосѣдственныхъ горъ; веселое пѣніе крещьянъ приносилось прохладнымъ вѣтеркомъ вечера, развѣвающимъ благовопіе, похищенное имъ съ цвѣтковъ, кошорымъ прикасался; шрудолубивыя пчелы, окончавъ дневную работу, съ журчаніемъ возвращаются въ свой улей; не было шумъ, какъ говоришъ Томпсонъ, ни одного дерева, ни одной былинки, ни одного кусточка, кошорой бы не присодинялъ гармоніи. Наконецъ, для усовершенствованія сцены, слѣпой игрокъ на арфѣ, кошорый въ лѣпшее время прокодя шу сторону, жилъ своимъ ремесломъ, вошедъ въ садъ, и порядочно пополдни-

чавъ масла, сыру и добраго пива,
началъ играть.

Появленіе шарика музыканта, простое и пріятное согласіе его арфы, возобновили въ памяти Аминты повѣствованія древнихъ вѣковъ, часпо забавлявшія ее. Она мыслию обратилась къ тѣмъ старымъ временамъ, когда Барды прославляли Героевъ, уже оставившихъ свѣтъ сей, и когда души тѣхъ, коихъ великія дѣла воспѣвали, несомыя шумящими вѣтрами, приходили къ онымъ съ радостію внимать повѣствованію ихъ подвиговъ. Приводила себѣ на память по прекрасное мѣсто изъ Оссіана, гдѣ древній Король Морвенъ вскричалъ: „Нѣкошорые изъ воиновъ
„моихъ уже мершвы! я внимаю
„гласъ смерти, выходящій изъ
„арфы: Оссіанъ! коснись еще
„шрепещущей струны, извлеки
„еще печаль изъ оной! Тогда

„Оссіанъ вѣ присущствіи Короля
„играетъ на арфѣ; звуки были
„жалостны и важны: Приидите
„несомыя на облакахъ своихъ
„души опецъ моихъ, приидите!
„оставьте окровавленные пухи,
„коиими несли ужасъ; возьмите
„сѣ собою павшаго Полководца,
„копья бы онъ пришелъ изъ стра-
„ны опдаленной, или вознесся
„изъ середины волнъ разъяренна-
„го моря; пригошъвьше ему облач-
„ную его одежду, копье и мечъ
„воинскій на бедро его; сдѣлай-
„те чрезъ полуугасшее воздуш-
„ное явленіе, чпобъ взоръ и по-
„ступь его пріятны были, дабы
„друзья его сѣ удовольствіемъ
„на него возрѣли! Приидите не-
„сомыя на облакахъ души опецъ
„моихъ, приидите!,,

Заботливая кормилица пре-
рвала сладостный восторгъ, вну-
шаемый Аминтѣ положеніемъ, вѣ
коемъ она находилась, заспавя

ее замѣнить, что роса, падающая въ великомъ количествѣ, можетъ ее обезпокоить. Она бы охотно осталась еще долѣе въ саду, но услѣдила желаніямъ Мисприсъ Дэвиъ, и возвратилась домой. Хотѣлось также ей удалиться въ свою комнату; и поелъ легкаго супа изъ земляники и сливокъ, еще ей только блюдъ могли убѣдить ее принять пищу, пошла къ себѣ, сопровождаема кормилицю и двумя дочерьми ея; всѣ при думали, что услуга ихъ нужна ей будетъ, и съ прудомъ уговорила ихъ Аминна одну ее оставить.

Возвращенная самой себѣ, Аминна поражена была нѣкимъ ужасомъ, смѣшаннымъ съ нѣжностью и почтеніемъ, увидя себя въ той комнатѣ, гдѣ умерла мать ея. Воспоминаніе несчастій, прежде времени ее во гробъ препроводившихъ, и шѣхъ, кошорья

отецъ ея и она сама испытывали онѣ сего приключенія, и мысль о шѣхѣ, ноихъ она еще ожидать могла, извлекли изъ глазъ ея источникъ слезъ. Подошла къ кроватѣ и спавъ на колѣни: О мать моя! сказала она: естли дана тебѣ возможность проспирапъ взоръ на сію землю, внемли и пріими покорное прошеніе швоего дитяти, умоляющаго помощи швоей къ избѣжанію сѣшей ей поставляемыхъ! — Такъ продолжала она: Сіе благодѣтельное Существо, которое пеклося о тебѣ, изліетъ и на меня благость свою и защиту, ежели не совращусь со сшезей добродѣтели. Къ Нему-то обращаю шеплыя мольбы мои, да уничтожишъ всѣ ковы, сооружаемые невинности моей. —

Послѣ усердной молитвы ея, разсѣяныя мысли остановились въ возмущеніе духа у ш и х л о.

Искреннее и прямое благочестіе, умбующее изливашь цблительный бальзамъ вб раны спраждущаго чловбчества, просшерло вб сердце ея сладостную надежду, которая швердила слуху ея сіи ушбщительныя слова: ббдствія твои окончатся! —

Она приподнялась гораздо спокойнбе и опшажнбе; все вб домб предалося сну. никакого движенія не слышно было, кромб маятника стбнныхъ часовъ вб сосбдспвенной комнашб. Подошла она кб окну, лежащему прошивб холма; оной былб освбщенб сілніемб луны, украшающей деревья сребрискымб и крошкимб свбпомб, и опдбляющей ручей какб бы нбкую прозрачную полосу. Все было покойно, и Природа казалась спала вб обвяшяхб шишины. Тогда, какб она разсмашривала сіе зрблице, соловей прилешблб на вбшку ближайшаго

дерева, и заспавилъ ее слушать свою сладкую и жалостную мелодію. Наконецъ Аминта рѣшилась взять прибѣжище ко сну, копорой не замедлилъ закрыть глаза ея и принести забвеніе всѣхъ прискорбій.

Г Л А В А 2.

Фипзаланъ, отецъ Аминты, происходилъ отъ древней Ирландской фамили, кошорая лишилась своего богатства и пышности за долго еще до рожденія сего единственнаго опраля, кошорый ничего уже не наследовалъ, кромѣ славнаго имени, приобрѣшеннаго знаменистыми дѣйствіями предковъ его. Отецъ Фипзалана жилъ отъ одного не большаго мѣста, даннаго ему Правительствомъ, которое доставляло ему возможность дѣлать

въкоторыя издержки, дабы дать сыну своему хорошее воспитаніе:

Финзалахъ рано потерялъ отца и мать своихъ. Посвятивъ нѣсколько времени свсей печали, продалъ собранное имъ малое имущество, чпобъ купить воинскій чинъ: ремесло сіе сходствовало съ склонностями, соспоаніемъ и участвію его.

Открывалась война между Америкою и Франціею, и полкъ Финзалаха былъ посланъ въ Америку. Театръ, представляющійся войною, хотя глубоко поражалъ превосходную чувствительность души его, но не ослаблялъ бодрости; ибо наследовалъ вмѣстѣ съ именемъ храбрость предковъ своихъ.

Однимъ случаемъ имѣлъ онъ щастіе спасти жизнь Аглинскому солдату; находясь въ крайности отъ обмана проводниковъ, войско ихъ захвачено было въ лѣ-

су, которой надлежало до конца пробхашь, чтюбъ соединишья съ опрядомъ, имъ принадлежащимъ. Къ спасенію одно для нихъ оставалось средство то, чтюбъ добранься до небольшой крѣпости, изъ которой они вышли; но бывъ, шакъ какъ они, покрышы непріятелями, сіе не иначе, какъ съ великою трудностію могло сдѣлаться. Въ минушу, когда они входили въ крѣпость, Фипзаланъ увидѣлъ бѣднаго солдата уже равенаго, окруженнаго двумя Индѣйцами. Уступая благородному состраданію, которое засшавляетъ забывашь самого себя, Фипзаланъ обратился ему на помощь; и бросаешь между имъ и двумя непріятелями, одного убилъ, а другога держалъ въ осадѣ до шѣхъ поръ, какъ Англичанимъ вошелъ въ крѣпость. Сіе отважное дѣйствіе, подвергавшее его великимъ опасностямъ, доспа-

вило ему признашельность солдата. Имя его было Эдвинъ, пошъ самый, который теперь дочери его даетъ пристанище.

Эдвинъ въ молодости своей учинилъ нѣкоторыя погрѣшности, раздражившія родителей его. Заслуживъ ихъ немилоспъ, въ опчаяніи рѣшился вступишь въ полкъ, не подалеку кваршировавшій; но пріобыкши къ спокойной жизни и къ нѣкоторому роду изобилія, никакъ не могъ полюбить новое свое состояніе. Признашельность его къ Фишзалану была неограниченна; ему одолженъ жизнью. Когда Фишзаланъ отпустилъ своего слугу, то Эдвинъ убѣждалъ прозьбою, взять его къ себѣ во услуженіе. Фишзаланъ на то согласился. Онъ полюбилъ поступки и свойства Эдвина; и узнавъ послѣ исторію его несчастій, обѣщавъ ему, по возвращеніи ихъ въ Европу,

въ пользу его употребить свои старанія у своихъ пріятелей.

Въ продолженіе пребыванія ихъ въ Америкѣ, Фипзаланъ получилъ чинъ Капитан - Поручика; жалованье его было единсе средство къ содержанію себя, и такимъ образомъ находилась оспанавливаема благотворительность его, всегда готовая предаться движеніямъ нѣжнаго чело-вѣколюбія.

Полкъ возвратился въ Европу, и Фипзаланъ выпросилъ Эдвину отсшавку, привезъ молодаго челоѡка въ Княжество Валлиское, гдѣ онъ отъ родителей своихъ принятъ былъ съ великою радостію. Они забыли погрѣшности его, копорыя въ самомъ дѣлѣ никогда не были важныя. Во время ошсущствія его, они лишились двухъ другихъ дѣтей своихъ, и сей оставался един-

спвеннымъ утѣшеніемъ старости ихъ.

Молодой его господинъ и покровитель былъ принявъ ими съ живѣйшею благодарностію. Фишаланъ пролилъ слезы радости и чувствительности при зрѣлищѣ удовольствія отца и матери, и раскаянія сына, и оставилъ ихъ, вкусивъ съ ними шо столь сладостное благополучіе, которымъ всегда человѣколюбивое дѣйствіе въ возмездіе бываетъ сопровождаемо.

Онъ отправился съ своимъ полкомъ въ Шотландію, гдѣ былъ опряженъ на кеарширы, въ крѣпость, расположенную въ отдаленной части государства.

Близъ крѣпости было древнее и прекрасное Аббашство, принадлежащее фамиліи Дунраша. Оно было на плоскомъ мѣстѣ, и окружалось возвышенностями покрытыми лѣсомъ, близость ко-

иорыхъ спроенію придавала видъ
врачнаго уединенія.

Обладатель сего замка, Графъ
Дунрашъ, былъ погда въ весьма
престарѣлыхъ лѣтахъ. Два ра-
за былъ женатъ, съ желаніемъ и
надеждою имѣть мужескаго полу
наслѣдника своему великому бо-
гатству, и два раза надежда его
была обманута. Первая его жена
умерла, произведя на свѣтъ дочь.
За нѣсколько лѣтъ до смерти
своей, взяла она подъ свое по-
кровительство одну молодую дѣ-
вушку, ничего не имѣющую по
нещастію, постигнувшему семей-
ству ея. По смерти покровитель-
ницы своей, сія молодая особа
удалилась въ сосѣдствѣ къ одно-
му изъ своихъ родственниковъ.
Графъ Дунрашъ, привыкши къ ея
сообществу, при удаленіи ея за-
мѣтилъ умноженіе своего умынія.
Какъ обыкновенно снисходилъ сво-
имъ склонностямъ, то прежде

окончанія праурнаго времени предложилъ руку двѣицѣ, которая не колебалась принять ее.

И когда прекрасная сирота сдѣлалась госпожа дому, то уже болѣе не принуждала всего характера: она была тщеславна, нечувствительна, надменна; скоропостижное ея возвышеніе разрушило всѣ преграды, полагаемыя благоразуміемъ и собственною выгодною прошиву спрасшей ея.

Скоро приобрѣла она полную власть надъ разумомъ Лорда; она въ совершенствѣ умѣла употреблять улыбки снисхожденія и гласъ чувства.

Забывъ милости покойной благошворительницы своей, съ дитяшею Лади поступала съ холодностію и безчеловѣчіемъ, которыя еще умножились, когда произвела она на свѣтъ дочь. Она не могла сносить мысли, что

Августа, ея дочь, вмѣсто того, чтобъ наследовать все имѣніе, должна раздѣлять съ Мальвиною имущество и нѣжность отца своего. Скоро она умѣла вдохнуть Лорду отвращеніе къ первой его дочери, и искала средствъ лишить ее также и наследства.

Застращенное грубостію и строгостію мачихи, молодое дитя было уныло и робко. Расположенія шаковыя Лади Дунрашъ легко могла изобразить мужу своему упрямствомъ и худымъ нравомъ. Ея же дочь, исполняя только свою волю, безъ принужденія отдавалась всей веселости лѣтъ своихъ, была для Графа непрерывнымъ источникомъ забавы, припомъ же мать ея всегда научала дѣлать отцу разныя маленькія угодности и осыпая его ласками, кошорыя, соединясь съ младенческими пріятностями, нечувствительнымъ образомъ при-

обрѣли ей непреборимую приверженность отца, и припомъспараго.

И шакъ Малевина была несчастлива прежде, нежели знала, что значить слово несчастіе; но, во зло зависши и дурнымъ съ нею поступкамъ, съ лѣшми открывались въ ней всѣ пріяшности лица, и всѣ качества ума и сердца, коими отличалась мать ея; видъ ея былъ свободный и благородный, и физиогномія преисполненная крошости, а на глазахъ начертана была чувствительность души ея.

Августа также не лишена была красоты, но недоставало ей пріяшней и плѣнительной скромности Малевины; она не иначе показывалась, какъ убранною съ великимъ тщаніемъ, и увѣренные взоры ея казались требовали и ожидали всеобщаго уваженія.

Гарнизонные Офицеры той крѣпости всегда охотно принимаемы были въ Аббатствѣ. Лади Дунрашъ, стараясь пребыванію ихъ сдѣлать пріятнымъ, приглашала сосѣдственныхъ фамиліи и пріѣзжающихъ изъ другихъ округъ.

Съ давняго уже времени. Лордъ Дунрашъ подверженъ былъ различнымъ немощамъ, коими на послѣдокъ и заключался въ своей комнатѣ; но не взирая на слабость шѣла, онъ еще сохранялъ всю бодрость своего разума.

На случай прибытія полка, Лади Дунрашъ дала балъ, къ которому приглашены были Офицеры. Гошическое строеніе украшено и освѣщено было съ великолѣпіемъ и вкусомъ; изобиліе огней, музыка, убранства и веселость всего общества, доставили Мальвинѣ никогда неиспытанное ею пріятное движеніе, и цвѣтъ го-

раздо живѣйшій, нежели обыкновенно, оживотворялъ чершы ея.

Молодыя наслѣдницы весьма похваляемы были воинами. Мальвина, какъ старшая, открыла балъ съ Полковникомъ. Видъ ея привлекъ все вниманіе Фишзалана, который не могъ отвести отъ нея взоръ своихъ до тѣхъ поръ, какъ убѣжденный разговорами Августы, нашелся принужденнымъ оказать ей нѣсколько глупеваемыхъ ею учтивостей; и когда въ танцахъ взялъ руку Мальвины, прошивъ воли своей удержалъ ее долбе, нежели надлежало, она покраснѣла, и застѣнчивый взоръ, который отворачиваясь бросила на него, сдѣлалъ въ немъ пріятное и глубокое впечатлѣніе.

При перемѣнѣ паръ, онъ воспользовался первымъ встрѣтившимся случаемъ предложить себя Мальвинѣ; ея крошкій голосъ,

простота и вмѣстѣ съ оною изрядство рѣчи, dokonчили побѣду надъ сердцемъ его, начашу главами и пріятностями вида.

Никогда не встрѣчалъ онъ споль пріятнаго и споль обязаптельнаго предмета; не могъ онъ выдерживать предъ нею шопъ шонъ живаго и опборнаго разглагольспвя, копорой велъ съ Августою. Гдѣ сердце много участвуетъ, тамъ разумъ мало свободы имѣетъ.

Физзаланъ былъ весьма пригожій человекъ; къ большому, ловкостію и благородспвомъ замѣчательному. роспу присоединялись хорошія и правильныя черпты; бѣлизна лба означала, каковъ былъ цвѣтъ и всего лица его прежде пребыванія его въ опдаленныхъ спранахъ, и воинскихъ прудовъ, помрачившихъ оной. Физиогномія его имѣла въ себѣ явчшо задумчивое; глаза

возвѣщали всю чувствительность души его, а улыбка, играющая на устахъ, могла бы украсить лице и самой прекрасной женщины.

Какъ только опшанцовалъ сѣ. Мальвиною, то Августа и захватила его на весь остатокъ вечера. Нашедъ его пріятнѣйшимъ изъ всей компаніи человекъ, не переставала занимать его. Вѣжливость повелѣвала ему сообществовать ея исканіямъ, а товарищи его и не преминѣвали положить его въ число обожателей Августы. Онъ поддержалъ сію ошибку: охотно сносилъ шутки о томъ, что отъ мысли его удалено было, и самъ еще, какъ и они, забавляясь говорилъ о присупѣ, какой бы надлежало сдѣлать къ сей крѣпости, дабы учинишься обладателемъ оной.

Не ослѣплялъ себя однако же воображеніемъ о возможности достигнуть цѣли настоящей славы своей; видѣлъ для себя непреодолимая препятствія обладать Мальвиною; но довольно имѣлъ гордости, чтобъ жаловаться на участь свою. Побѣдилъ свое уныніе, и казался столько же прилеженъ и больше веселъ, нежели когда нибудь.

Посѣщенія его въ Аббатство сдѣлались гораздо чаще. Лади Августа принимала ихъ на свой счетъ, и ободряла его исканія. Какъ мать ея давала ей полную свободу во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, то она непременно всегда имѣла полковыхъ Офицеровъ при своемъ шуалешѣ. Лади Мальвина въ сіи часы рѣдко показывалась, но обыкновенно въ сіе время чію нибудь читала для своего оупца; или когда оное ему не надобно было, въ своей комнатѣ занима-

лась пріятными ей упражненіями; или выходила прогуляться между каменистыхъ горъ, окружающихъ море, и представляющихъ восхищительные виды: сіи уединенныя прогулки много ее забавляли; часто шакже посѣщала она крестьянъ, копорые рассказывали ей о добрыхъ поступкахъ машери ея, и заславляли ее проливать слезы, напоминая о невозвратной потерѣ, ею въ ней учиненной.

Въ одинъ день Фипзаланъ, пришедъ по обыкновенію своему въ Аббашство, и проходя галерею, ведущую къ уборной комнашѣ Августы, взглянулъ на поршрешы обѣихъ дочерей Графа, кои лучшимъ художесшвомъ недавно были окончаны и шущѣ поставлены.

Лади Августа была изображена небрежно облокотившеюся на дерновой посшелъ въ нишѣ,

украшенномъ зеленью ; развѣвающіяся завѣсы открывали ея прелестный станъ ; казалось , что Купидоны забавлялись ея темно-русскими волосами , и розами усыпали поспешю ея .

Лади Мальвина изображена была въ поселянской одеждѣ , сидящая на зеленомъ бугоркѣ , подлѣ копораго текъ прозрачный источникъ ; спсодо ея паслось не подалеку ; собачка ея покоилась подъ большимъ дубомъ ; вѣшви онаго , распроспраняясь надъ головою паспушки , защищали ее отъ солнечнаго жара .

О премилый портретъ ! вскричалъ Физзаланъ , и какъ хорошо изображаетъ онъ ангельской видъ подлинника !

Проговоря сіи слова , услышалъ вздохъ позади себя ; оборачивается , и видитъ Лади Мальвину . Смѣшавшись , заикаясь объясняетъ еще свое удивленіе къ

живописи, не понимая и самъ, что онъ говорилъ, устремляя глаза на Мальвину. И въ самомъ дѣлѣ очень хорошо, сказала Мальвина, казавшаяся думать совсѣмъ о другомъ; и прошла въ уборную комнату сестры своей.

Лади Августа занималась дѣланіемъ банша изъ лентъ; но по приходѣ Фришзалака оставила свою работу, и спрашивала его, хорошъ ли ему казался портретъ ея? — Очень хорошъ, сказалъ онъ, и удивленіе, съ которымъ не могъ не остановиться подлѣ него, заставило меня нѣсколько времени промѣшкашь засвидѣтельствованіемъ моего почтенія подлиннику, продолжая и еще многое симъ пономъ въжливости, въшренности, и безъ всякой искренности. Въ сихъ забавныхъ разговорахъ укралъ у нее лентовой баншъ, и булавкою приколовъ его прошивъ своего сердца,

объяснялъ, что всегда бы онъ путь его носилъ, какъ палисманъ, кошорой вездѣ защищалъ бы его отъ всякаго другаго очарованія.

Взглянувъ шихонько на Мальвину, видѣлъ ее держащую въ рукахъ книгу; глаза ея обращены на него, и примѣшилъ явную перемену въ лицѣ ея.

Вся веселость Фригзаланова исчезла. Вспавъ сказалъ, что ему необходимо должно было идти пошчасъ. Прискорбіе, замѣченное имъ въ Мальвинѣ, опягошило сердце его; нѣжності его сіе было легче, но болѣзненно для чувствительности.

Возвратясь въ крѣпость, и вышедъ изъ оной уже послѣ обѣда, направилъ стопы свои къ берегу, и долго бродилъ между каменистыхъ горъ, окружающихъ сію часть моря. Зрѣлище было дико и прогапельно. Темноша вечера начинала распро-

спраняшьяся; волны съ глухимъ шумомъ въ берега ударялись; влажный вѣшеръ моря шихо колебалъ распенія морскія, возвышающіяся въ ущелинахъ каменистыхъ горъ; пницы, шупъ обитающія, съ громкимъ и унылымъ крикомъ слетались и скапъ гнѣздъ своихъ; нѣкопорыя изъ нихъ съ легкостію касались поверхности воды, тогда, какъ другія возвышаясь въ ближнихъ пустыняхъ, толпою своею составляли какъ бы облака надъ лѣсомъ, покрывающимъ верхушки горъ. Фитзаланъ бродилъ въ задумчивости, погруженъ въ унылое и глубокое размышленіе, какъ вдругъ извлеченъ былъ изъ онаго Шопландскою пѣснею пріятнаго и мелодическаго голоса. Обращивъ глаза въ ту сторону, откуда слышалъ пѣніе, увидѣлъ Лади Мальвину на каменистой горѣ, коей опдаленная часть, болѣе воз-

вышенная, какъ бы пѣдесталь ей составляла. Картина сія была прекрасна. Вѣпрѣ по волѣ своей развѣзалъ ея бѣлую одежду и длинные волосы. Она изображала одно изъ воздушныхъ зрѣлищъ, копорыя Оссіанъ любилъ описывать. Фитзаланъ сзади подошелъ къ ней пихонько. Она при пѣніи проливала слезы, и окончавъ опирала оныя. Ахъ, дражайшая мать! на что ты меня безъ себя оставила? „Чтобъ дѣлать „людей лучшими и щасливыми „ми „ отвѣчалъ Фитзаланъ. Она произнесла крикъ и упала бы отъ удивленія, ежели бы Фитзаланъ не поддержалъ ее. Онъ упросилъ ее сѣсть на горѣ, и позволилъ ему оштаться при ней до тѣхъ поръ, какъ она успокоится. Спѣ чего, сказалъ онъ, Лади Мальвина опдаешся унынію, бывъ одарена всемъ тѣмъ, что можетъ жизнь ея сдѣлать пріятною? Сіе печаль-

ное убѣжище, сія прогулка между песчаныхъ и каменистыхъ горъ, принадлежишь только однимъ несчастнымъ, и, мыслишь прибавишь, такимъ, какъ я. Могу ли запретишь себѣ, продолжалъ онъ, удивляясь вашей печали тогда, какъ вижу въ васъ соединенными всѣ качества, обнадѣживающія щастіемъ?

Наружность часто бываетъ обманчива, прервала Мальвина (забывъ на шопъ разъ правило, ею самой себѣ данное, и твердо наблюдаемое: никогда никому не даешь познанія о худыхъ мачихи ея съ нею поступкахъ), и я по собою испытываю. Лестный видъ богатства для чувствительной души ничто, въ сравненіи уединенія и умѣреннаго состоянія, ежели можно присоединить къ оному наслажденіе дружбы, и вдохнуть соучастіе.

И кто бы могъ, вскричалъ Фипзаланъ, бросивъ на нее выразительный взоръ, кто бы могъ знать Лади Мальвину, не любя ея добродѣтелей и не раздѣляя прискорбія ея? Говоря такимъ образомъ, держалъ руку Мальвины и прижималъ оную къ своему сердцу. Она, ощутивъ бантъ ленты, украденной Фипзаланомъ у Августы, съ поспѣшностію вырвала свою руку, и бросивъ на него гордый взглядъ, сказала ему: вы шли, мнѣ кажется, Капитанъ Фипзаланъ, сдѣлашь посѣщеніе Августы; я не хочу васъ ошъ того удерживать.

Въ сію минушу Фипзаланъ, въ испуленіи ошъ спрасти своей, никакъ не могъ воздержаться: опорвалъ ошъ своего плащя бантъ, кошорой къ оному былъ приколонъ, и бросилъ его въ море. Я, сказалъ онъ, я шелъ дѣлашь посѣщеніе Августы? лю-

безная сеспра ея можетъ такъ ошибаться? — Ахъ, Лади Мальвина! я признаю теперь могущесивенное очарованіе, которое влечетъ меня въ Аббаліство. Истинная и безнадежная спрасъ не можетъ сносить шушки, и щипся убѣгать примѣчательныхъ взоровъ. Моя сокрывалась въ глубинѣ сердца моего, и я съ удовольствіемъ видѣлъ, что посѣщенія мои не къ насъпоящей оныхъ причинѣ, а совсѣмъ къ другой относились, но есть желанію понравиться такому предмету, къ которому я весьма равнодушенъ, и тогда, какъ я только хотѣлъ найти случай видѣть обожаемый мною.

Мальвина покраснѣвъ чувствовала въ себѣ великое волненіе, и послѣ минушнаго молчанія: Фитзаланъ! сказала она: я лукавства ненавижу.

И я имъ также гнушаюсь, Лади Мальвина, сказалъ онъ ей; но на что же спарашься мнѣ увѣришь васъ въ моей искренности, когда никакого отъ того плода получишь не могу? Простите и въ помѣ, что уже нѣсколько далѣ знашь вамъ; и вѣрьте, что съ чувствительнымъ сердцемъ умѣю обуздывать самолюбіе, которое бы считалъ для себя предосудительнымъ.

Подаль ей руку, и проводилъ ее въ Аббатство. Она съ намѣреніемъ не поролилась идти, и ежели бы Фишзаланъ могъ примѣчать, то бы во взорахъ ея увидѣлъ болѣе удовольствія, нежели досады. Она, казалось, ожидала отъ него полного объясненія; но Фишзаланъ былъ надмѣру смущенъ, чтобъ на то отважиться, и при томъ рѣшился не касаться болѣе сего нѣжнаго разговора. Они шли въ молчаніи,

и пришедъ къ ворошамъ Аббашства, онъ пожелалъ ей доброй ночи. Скоро ли мы увидимся? сказала ему Мальвина смущеннымъ голосомъ и такимъ пономъ, которой, казалось, укорялъ его въ томъ, что такъ скоро ее оставляетъ. — Нѣтъ, дражайшая! оповѣчалъ ей Фитзаланъ, обращая на нее страшный взоръ: я намѣренъ заключиться въ крѣпости. Что это! развѣ вы боишься нападенія? сказала она ему улыбаясь, и глаза ея объясняли смыслъ сихъ словъ. — Такъ, сказалъ онъ, сошвѣстствуя шуткѣ; это то, чего я уже давно боялся, и вижу теперь, что страхъ мой былъ основателенъ. Всѣ силы должно мнѣ употребить, чтобъ прогнать непріателя. Поцѣловалъ ея руку, и съ скоростію ушелъ.

Лади Мальвина вошла въ свою комнату, вспрѣвожена нѣ-

которымъ родомъ удовольствія, какого она еще никогда не испытала. Фишзаланъ ей понравился съ перваго раза, какъ она его увидѣла. Хотя и относилъ онъ свои учтивости къ Лади Августѣ, но глаза его, обращаемыя на Мальвину, опровергали то, что повсюду успа. Она обрѣтала въ немъ качества, коими сама была опличаема: крошость и чувствительность. До сихъ поръ она находилась работою своею и ширанила мачихи своей; и въ первой разъ въ человѣческомъ существѣ встрѣтила сію утѣшительную нѣжность, которая могла бы нѣкій цѣлительный бальзамъ излишь на раны, данныя ея чувствительности. Она испытала вдругъ и великое смущеніе и великое удовольствіе. Удаляла всякую мысль о предлогахъ, могущихъ опровергнуть намѣренія ея, и съ нешерпѣливо-

спію ожидала отъ Фитзалана совершеннаго об'ясненія чувствъ, о которыхъ далъ ей знать.

Что до него, то положеніе его было весьма различное. Есльи и былъ любимъ, то едва могъ вкусить удовольствіе, познавъ сіе, какъ уже и размышлялъ о со-спояніи своемъ, которое не оспа-вляло ему ни малѣйшей возмож-ности воспользовапсья сею выгод-ностію. Не смѣлъ онъ помыслишь о такомъ союзѣ, послѣдствія ко-его конечно были бы гибель и уничтоженіе той, которую онъ любилъ. Не могъ онъ льстипсья, чпобъ такой бракъ когда либо былъ одобренъ Графомъ; ибо спрогоспъ онаго была ему извѣ-сна. Самъ онъ не имѣлъ ника-кова средства содержапъ Маль-вину безнужнымъ образомъ. И такъ рѣшился тщательпо убѣ-гать ея присутствія, и жесто-ко укорялъ себя въ томъ, что

далъ ей знать о любви, возже-
ной въ сердцѣ его сею прелестною
дѣвицею.

Въ слѣдствіе сего располо-
женія, онѣ дѣлалъ не столь ча-
стыя посѣщенія въ Аббашсво,
и мало по малу совсѣмъ ихъ
прервалъ. Въ сосѣдственныхъ до-
махъ удавалось часто вспрѣ-
чаться съ Лади Мальвиною; но
хранилъ возложенное на себя мол-
чаніе, и со всякою осторожно-
стію убѣждалъ оказавъ ей какое
либо преимущество. Полкъ его
уже готовъ былъ идти въ Шон-
ландію, и Лади Мальвина вмѣ-
сто того, чшобъ получить ошѣ
Финзалана столь усердно желае-
мое ею объясненіе, видѣла его
всегда равно щщательнымъ убѣ-
гать ее.

Мальвина надмѣру нѣжное и
чувствительное и мѣла сердце,
чшобъ снести такую печаль, не
спавъ унылою. Общество сдѣла-

лось ей несносно; чаще искала она уединенных прогулок, дославлявших ей возможность без принужденія отдаваться печали, за которую честолюбіе ея иногда укоряло ей.

На шой недѣлѣ, когда гарнизонъ долженъ былъ выходить изъ крѣпости, Мальвина въ одинъ вечеръ пришла на ту гору, гдѣ Фишзаланъ открылъ ей любовь свою; сіе же самое чувство его шуда сопровождало. Онъ видѣлъ всю опасность, но никакъ не въ силахъ былъ извлечь себя изъ оной. Сѣлъ подлѣ Мальвины, и нѣсколько времени разговаривали о ничего незначащихъ вещахъ; наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ минутъ молчанія, Мальвина ему сказала: и шакъ вы ошсюда выходите, господинъ Фишзаланъ? и конечно съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвращаться? — Эшо правда, сказалъ онъ. — И

такъ мы уже никогда болѣе не увидимся? прервала она . . . Изобильныя слезы текли по ея прекраснымъ щекамъ , которыя украсившись движеніемъ ея сердца , походили на распускающуюся розу , омоченную каплями упренней росы.

Увы ! мой милой другъ ! сказалъ ей Фитзаланъ : въ самомъ дѣлѣ я спрашусь того , что не возможно будетъ намъ когда либо увидѣться , кромѣ какъ въ будущей лучшей жизни , въ которой прервутся мученія наспоющей ! Сказавъ сіи слова , вздохнулъ , и положилъ свою препещущую руку на Мальвинину . — Мысли ваши севодни весьма печальны , сказала Мальвина , едва имѣя силы произнести сіи слова.

Ахъ ! возможно ль вамъ помудивитесь ? вскричалъ онъ въ изступленіи отъ внутренняго движенія , и забывъ все , на чш

рѣшилса. Можешъ ли удивляшъ васъ печаль моя тогда, какъ думаю, что сія есть послѣдняя минута зрѣть глазамъ моимъ единственную женщину, которую я когда либо любилъ, и что сказавъ ей прости, я лишаюсь блаженства жизни моей ?

Мальвина не могла уже болѣе удержашъ своихъ нѣжныхъ чувствованій; положила голову свою на грудь Фризалана и слезы ея текли во изобилии. Небо! вскричалъ Фризаланъ, коего сердце пререшало подъ милымъ упавшимъ на оное бременемъ: какое мучительное мое положеніе! Но, Мальвина! я не хочу искашь вашей гибели; военное ремесло приняло мною болѣе по нуждѣ, нежели по склонности; инаго дохода не имѣю, какъ жалованье мое; для себя недоспапокъ я могу снести, но оный для васъ совершенно лишилъ бы меня бодро-

ещи. Заспавя васъ раздѣлять мою бѣдность, оскорбилъ бы я всѣ законы чести, и жизнь моя учинилась бы несчастнѣйшею, естлибъ ваша была шягостна и неудовольственна. Разлука наша, увы! еспь необходима.

Ахъ, иѣтъ! вскричала Мальвина: оспанавливающія васъ затрудненія преодолѣть возможно. Давно уже отецъ мой меня не любилъ, и къ участи мсей конечно равнодушенъ. Да я имѣю также нѣкопорыя причины думать, что ему бы не прошивно было встрѣшиться какойнибудь предлогъ, для котораго бы большую часть имѣнія Августѣ оставилъ, въ чемъ бы я никакъ не позавидовала, естлибъ Судьба моя была та, кошорою возношусь шеперь. — Слова сіи сопровождала взоромъ сколь кропкимъ, споль и нѣжнымъ, обращеннымъ на Фишзалана, кошорый со всею

горячностію и неизвѣсною
нѣжностію поцѣловалъ ея руку.
Но, продолжала она, хошя ошецѣ
мой и великое къ Августѣ при-
спрастіе имѣетѣ, увѣрена я,
что онѣ безчеловѣчнымѣ оп-
цомѣ никогда не будетѣ, и дав-
ши сестрѣ моей большую часпѣ
своего имѣнія, онѣ все еще споль-
ко мнѣ оставитѣ, чтобѣ доволь-
ствоватѣ желанія и нужды такѣ
умѣренныя, какѣ мои; а Лади
Дунрашѣ сама же будетѣ за
меня ходатаемѣ у моего опца,
чтобѣ шолько видѣтѣ удаленіе
мое изѣ дома опеческаго.

Твердоспѣ, съ каковою гово-
рила Мальвина, увѣряла Фишза-
лана, что онѣ былѣ любимѣ;
душа его совсѣмѣ была пронзен-
на чувствіемѣ благополучія, ко-
шораго онѣ еще не испытывалѣ,
и кошорое уже восхищало его.
Н а п р а с н о благоразуміе пред-
осперало его, что М а л ь в и н а

могла льститься ложною надеждою ; всякое размышленіе побѣждалось упоеніемъ любви. И съ необходимостію снова взявъ руку прекрасной Мальвины, робко спрашивалъ ее, согласится ли она на всякую опасность, чтобъ только навсегда соединишь судьбу ихъ ?

Мальвина, твердо увѣренная въ шѣхъ Лорда Дунрата къ ней расположеніяхъ, о коихъ теперь рассказывала, и считая разлуку съ Фишзаланомъ величайшимъ изъ всѣхъ несчастій, какія бы могли ей встрѣтиться, краснѣла, и препещуца сказала ему, что опъ всего сердца на все согласна.

И такъ они оба занимались исполненіемъ ихъ предиріяшя. Воображеніе Фишзалана надмѣру плодовишо было, чшобъ вдругъ не представиль ему какого расположенія. Рѣшилса с д ѣ л а ш ѣ

довѣренность своему полковому Священнику, и просишь его завтрашній день около вечера проводишь его въ церковь Аббашсва, куда Лади Мальвина согласилась придти съ своею горнишною служанкою, кошорой думала, что могла сдѣлать сію довѣренность.

Положено было, чшобѣ Фипзаланѣ поупру завтра побывалѣ въ Аббашсвѣ, и ежели удастся ему уговорить Священника, чрезѣ знакѣ увѣдомилѣ бы о томѣ Мальвину.

Умножающаяся темнота напомнила имѣ, что время уже разсвѣтѣ. Фипзаланѣ проводилѣ Мальвину до рѣшотки Аббашсва, гдѣ они разошлись, каждый имѣя душу преисполненную и возмущенную надеждой, страхомѣ и желаніями.

На другой день, поупру, Мальвина руководѣе свое при-

несла въ уборную комнату сестры своей. Пришелъ гуда Фрицзаланъ. Августа побранила его за долговременное отсутствіе ; онъ защищался, ссылаясь на полковые недосуги. Послѣ нѣкошорыхъ, ничего незначущихъ разговоровъ, просилъ Августу сѣсть за форшетіамо, и тогда на Мальвину бросивъ взглядъ, сдѣлалъ ей уреченной между ими знакъ.

Она пошупила глаза, помышляя о поступкѣ, къ кошорому обязалась. Густой румянецъ покрылъ ея щеки, и скоро попомъ чрезмѣрная блѣдность зашупила мѣсто онаго. Голова ея едва могла держаться, и ешлыбы она была примѣчаема, то смущеніе ея спокрашно бы изобличило ее. Но какъ Фрицзаланъ старался спашь между ею и сестрою ея, кошорую занялъ разговорами: то Мальвина имѣла время удалиться, не давъ замѣшишь разшройки своей.

Какъ скоро только она одна находилась и пришла нѣскольکو въ себя, кликнула свою горнишную, и взявъ отъ нее твердое обѣщаніе о ненарушеніи тайности, сообщила ей о своемъ предпріятіи. Гораздо уже было за полночь, какъ Мальвина рѣшилась идти въ церковь. Въ пуши своемъ обѣща была чрезмѣрнымъ шрепешомъ, и нѣкоторой родъ ужаса овладѣлъ душою ея. Начинала думать, что предпріятіе ея было неблагоприятно; но рассуждая попомъ о некорысполубныхъ и человеколубивыхъ чувствіяхъ Физзалана, и при размышленіи, что сама она побудила его взять мѣры, о коихъ условились, сомнѣнія ея и нерѣшимость исчезли. Взавъ руку своей горнишной, пробиралась чрезъ поспоронніе переходы, сошла тихо съ лѣспницы, вошла въ большую залу, или пріемную; ошшуда былъ

темный со сводами проходъ въ церковь.

Зданіе сіе было мрачное и особенной работы, соотвѣствующей монашескому суевѣрію того вѣка, когда устроивалось. Подъ церковью были погреба, служившіе кладбищемъ фамиліи Графовъ Дунрашовъ, коихъ почести, дѣла и поступки напамятованы были монументами, гошическою надписью о с ы п а н н ы м и . На сводахъ висящія знамена ихъ, молчаливые свидѣтели древняго благородства, Геройскихъ дѣлъ и доспоинствъ, развѣвалися вѣтромъ ; разбишья окончины давали свободный входъ оному.

Свѣшъ, который горнишная держала въ рукахъ, шуда и сюда отбрасывалъ шѣни, придающія еще болѣе унылости мѣсту сему.

Ихъ еще здѣсь нѣтъ, сказала Мальвина, бросая вокругъ

устрашенные взоры. Подошла къ двери, кошорая была къ споронѣ густаго лѣса, и не слышашъ, какъ шолько журчаніе вѣтра на поверхности деревьевъ; возерашилась опяшъ, и сѣла на ступенькахъ амвона, имѣя глаза омоченныя слезами, и сердце, преисполненное печальными и нѣжными чувствіями. Легкій шорохъ коснулся слуху ея; она видашъ шихо отворяющіяся церковныя двери, и Фишзаланъ съ Священникомъ входашъ. Они давно уже находились въ лѣсу, и ожидали шолько увидѣшъ огонь въ дерквѣ. Фишзаланъ привелъ Мальвину къ Олпарю, и чрезъ нѣсколько минутъ она сдѣлалась супруга Фишзалана.

До самага дня вышупленія ихъ полка въ Англію, она не имѣла отважности объявишъ Графу о бракѣ своемъ. Графиня Дуирашъ чрезъ преданную ей гор-

нишную была уже о томъ увѣдомлена, и поржествовала погибелью Мальвины. Приключеніе сіе льстило недоброхошству ея къ падчерицѣ и жадности ко умноженію богатства для Августы; и другія припомѣ радovaťся сему имѣла она причины. Августа, почувствовавъ къ Физзалану шоль же великую привязанность, могла бы учинить ту же самую погрѣшность, которой избавилась, бывъ предупреждена неблагоприятіемъ Мальвины.

Пылкой нравъ и спрасъ Августы могли устрашать сею опасностію. Она подлинно любила Физзалана, и бракомъ сестры своей приведена была въ ончаяніе. Она кляла ее со всею горестію сердца своего, и присоединилась къ матери разгорячить свойшвенную спрогость и жестпокой нравъ Графа до шакого шшепени, что онъ поржественно

отказалъ прощеніе Мальвинѣ, и навсегда изгналъ ее изъ дома и присущствія своего.

Теперь - по Мальвина вступила въ дебри несчастной жизни; и хотя проводникъ ея преисполненъ былъ нѣжнѣйшей къ ней приверженности, ни что не могло усладить мученія, чувствуемаго ею, повергнувъ его въ споль шрудныя обстоятельство, изъ копорыхъ не могла извлечь и самая великая душа его. Они прѣѣхали въ Англию. Первый годъ брака ихъ даровалъ имъ сына, копорого они назвали именемъ мапериной фамиліи: Оскаръ Дунрашъ. Слѣдующіе четыре года препроводили они въ нужномъ и нераздѣльномъ отъ бѣднаго соспояніи, отъ описанія копорого чашашель избавляется. Въ сіе время наросли долги ихъ. Фитзаланъ принужденнымъ находился продать половину своего жалованья.

Мальвина , бывъ еще беременна , льстивалась , что положеніе ея авосьли бо возможетъ пронуть сердце отца ея. И рѣшась все апробовать , лишь бы только хопя малѣйшую получишь помощь для мужа ея и дѣшей , убѣдила Фипзалана проводить ее въ Шотландію.

Остановились у одного крестьянина въ сосѣдствѣ Аббашпва. Человѣкъ сей рассказывалъ имъ , что немощи Лорда Дунраша вседневно умножались , и что онъ горжесшвовалъ бракъ дочери его Августы съ Маркизомъ де Рослиномъ. Сей господинъ со спрастію уважалъ Лади Мальвину. Лади Дунрашъ весьма бы желалось замѣшить чувства сіи къ ея дочери. Послѣ брака Мальвины онъ путешествовалъ , и спросилъ его угасла. По возвращеніи въ Шотландію не отвергнулъ предложеній со стороны

Лорда и Лади Дунрашъ. Двѣ свойственныя ему склонности, гордость и жадность къ богатству, спановились удовольствованы обладаніемъ единственной наслѣдницы дома Дунраша.

На другой день по прїѣздѣ ихъ, Лади Мальвина послала въ Аббатство маленькаго Оскара, сопровождаемаго старымъ креспьяниномъ. Оскаръ какъ ангелъ былъ хорошъ: онъ изображалъ самую свѣжестъ, непомяченную красоту еще нераспустившагося цвѣтка, пышину и крошость невинности природы при наступленіи весны.

Лади Мальвина дала ему къ Графу письмо, въ кспоромъ умилишельно описывала свое горестное положеніе; умоляла его позволить невинности въздѣль къ нему руки. Креспьянинъ поджидалъ часа, въ который Лади Дунрашъ имѣла привычку до обѣда въ каретѣ проѣзжаться; тогда

пошребовалъ увидѣшь Графа, и былъ къ нему введенъ. Нашедъ его одного, рассказалъ ему о возложенномъ на него препорученіи. Графъ казался пронупымъ, но не оказывалъ сопротивленія, какого ожидалъ отъ него кресстьянинъ. Размышленія о самомъ себѣ и новыя чувства собшвеннаго своего положенія гораздо умягчили сердце его. Онъ былъ несчастливъ. Жена и дочь его, выманивъ у него все ожидаемое ими, не имѣли уже болѣе о немъ заботъ и поеченій, требуемыхъ лѣшами его. Отказалъ онъ однако же принять письмо. Маленькой Оскаръ, которой съ самой мннушы, какъ вошелъ въ комнату, глазъ съ него не спускалъ. Подбѣжалъ къ нему, схватилъ его руку, и съ пріятною улыбкой вскричалъ: ахъ! пожалуйста примите письмо отъ бѣдной маминьки моей! — Графъ, какъ

будшо пропивъ воли своей, взялъ его, и лишь только началъ чисташь, лице его означало состраданіе, изъ глазъ его нѣсколько слезъ упали на руку юнаго Оскара. Точно такъ же моя бѣдная маминька плачешъ, сказалъ онъ. — А за чемъ пвоя маминька тебя ко мнѣ прислала? сказалъ Графъ. — Она мнѣ сказала, прервалъ Оскаръ, что нада иди за шѣмъ, что вы мой дѣдушка; она мнѣ приказываетъ любить васъ, и всякой день заспавляетъ меня Богу за васъ молишся. — Боже тебя благослови, мой милой говорунчикъ! вскричалъ пронупый Графъ, глядя своими руками голову младенца. Въ самую шуминушу Лади Дунрашъ вбѣгаетъ въ комнату. Одинъ изъ ея любимцевъ побѣжалъ къ ней увѣдомишь о всемъ, что въ домѣ происходило, и она со всевозможною поспѣшностію возвраши-

лась, чтобъ предупредишь опасныя для нее впечатлѣнія, копорыя бы не мудроно было воспріять Графу. Вся раскраснѣлась отъ гнѣва. Графъ, зналъ ея жестокость, и не имѣлъ силы прошивишься оной. И самъ еще первый приказывалъ у д а л и ш ь с я крестьянину и младенцу. Однако же рассказываніе ихъ, какъ они были приняты, воздвигнуло лестную надежду въ душѣ бѣдной матери; всякой день считая всѣ часы, мнила она, что получишь изъ Аббатства приглашеніе ее шуда. Но никакой слухъ до нее не доходитъ. Еще чрезъ день, опять послала робенка; но приворошникъ отказалъ пропустить его, сказавъ, что исполнялъ сіе по особенному повелѣнію Милорда. Дитя, испрашенное грубостію приворошника, съ плачемъ возвращается. Несчастная мать предается отчаянію, видя уничто-

жающимся послѣднее упованіе свое; утѣпаетъ въ слезахъ, и горестнѣйшими жалобами выражаетъ печаль свою. При приближеніи уже ночи, вдругъ ободрилась она и вскричала: я сама пойду! попробую пронуть сіе ожесточенное сердце. Увы! никакое презрѣніе не должно опривращать дѣшей ошъ шого, чшобъ шребовашъ прощенія у раздраженнаго ошца. Бодрость и шербнѣіе сущъ должности супруги и машери, желающей предметы нѣжності своей извлечь изъ бѣдсшвія, въ кошорое самую ею они повергнушы.

Ночь была шемна и погода неблагопріяшная; не хошѣла она, чшобъ Фипзаланъ сопровождалъ ее, и взяла руку крешшьянина, кошорой водилъ сына ея. Прошла воршшы, не взирая на ошказъ приворошника, и досшигла большшой залы. Тушѣ Лади Дунрашѣ

явилась къ ней. Гордымъ и жестокимъ образомъ спказала ей свиданіе съ отцомъ ея, объясняя, что на сіе ешь непрѣмѣнная воля Лорда Дунрата. Изъ одинаго чловѣколюбія дайше мнѣ его хопъ на минушу увидѣть! сжимая руки говорила милая просительница; наипреданнѣйше умоляю васъ о помѣ!

Выведите отсюда сію безумную шварь! говорила слугамъ своимъ Лади Дунратъ, препенуща отъ гнѣва. Вамъ отъ меня достанется, ешьли вы потчасъ не выгоните вонъ ее! Мнѣ спокойствіе Милорда надмѣру дорого, чпобъ я могла допустить распревожитъ оное такимъ сумазброднымъ воплемъ.

Грозное ея повелѣніе въ минушу было исполнено, хопя, какъ говоришь Корделія въ повѣствованіи о Королѣ Леаръ, ночь была шемна и время столь дурно,

что существо, имѣющее самое малѣйшее сосприданіе, не согла-силось бы собаки своего злодѣя со двора согнать. Дождь шелъ проливной, море было развѣрено, пресильный вѣтрѣ, колеблющій лѣсъ, казалось желалъ съ корнями вырывать деревья. Добрый крестьянинѣ прикрылъ Мальвину свою одежду; вышедѣ, она продолжала путь, сама не зная что дѣлала, находясь почти вѣ безчувственномѣ состояніи. Фипзаланѣ ожидалѣ ее у воровѣ; она бросилась вѣ руки кѣ нему и лишилась памяти. Долго пребывала она, не подавая ни малѣйшаго знака жизни. Вѣ облегченіе неизбѣжимой горести, Фипзаланѣ обливалѣ ее слезами своими, и не могѣ воспрешить себѣ проклинать то нечувствительное существо, которое могло имѣть кѣ ней столь великую жестокость. Мало по малу она возвратилась кѣ жизни,

и сказала ему, когда онъ прижималъ ее къ груди своей: Ударъ свершился! я изгнана изъ дому отеческаго!

Домикъ, гдѣ они шеперь находились, не могъ доставить имъ ни самыхъ просвѣдѣвшихъ потребностей жизни, къ кошорымъ они привыкли. Для положенія, въ какомъ находилась Мальвина, Фишаланъ боялся продолжашъ шупъ свое пребываніе. Но куда же онъ могъ перевезшъ ее? онъ, не имбющій никакова приспанища на земли! Наконецъ вспомнилъ о вѣрномъ Эдвинѣ, и твердо надѣялся, что тамъ она найдетъ благопріятное страннопріимство, и всѣ потребныя положенію ея нѣжныя попеченія.

На другой день, рано поушру, пошелъ онъ искашь средства пробрашъся въ Валлиское Книжесство, и Мальвина опдала Шотландіи послѣднее прощаніе.

Лади Дунрашъ, прогнавъ Мальвину изъ дому опеческаго, съ мученіями собственнoй укоризны однако же, возвратилась въ свою комнату. Тамъ царствовало пріятное великолѣпіе, но спокойствія обрѣсти не могла. Совѣсть вопіяла уже въ ней, что ежели Мальвина не переживетъ сего безчеловѣчнаго съ нею поступка, то матица ея будетъ убійцею ей. Блѣдное изображеніе сей жертвы несчастія безпрестанно было въ глазахъ ея; сердце ея содрогалось отъ страха, увеличивающагося ужасомъ ночи; слышалась ужасная буря вo кругъ Аббашства, и глухой и продолжительный звукъ вѣтра въ большихъ коридорахъ казался быль печальнымъ воплемъ душъ древнихъ обладатель сего стариннаго зданія, спящихъ о участи любезнѣйшей изъ рода ихъ дѣвицы. Къ без-

человѣчю и неблагодарности
Лади Дунрашъ присоединила
обманъ. Мужъ ея склонялся сни-
сходишь на убѣдительныя прозь-
бы дочери своей, какъ она ему
ложнымъ повѣствованіемъ разби-
ла мысль сію. Не менѣе для нее
ужасны были ночныя сновидѣнія:
она видѣла во снѣ умирающую
предъ нею Мальвину, и покой-
ную Лади Дунрашъ, благодѣшель-
ницу свою, стоящую подлѣ по-
спели и укоряющую ее въ сей
жестокости. Мнила она слы-
шашъ рѣчи ужасной пѣни ея:
эшо ты, воспитанная моею нѣж-
ностію, кошорая могла содѣ-
лашь споль ужасное дѣйствіе,
кошорая изгнала дочь мою и до-
вела ее до бродящей и неща-
снѣйшей жизни!

О совѣсшь! сколь жестоки
укоризны твои! ты конечно су-
дія, низпосланный опъ Бога, и
щобю начинается мщеніе преж-

де, нежели вся мѣра онаго исполнился. Можешь злодѣяніе одержать побѣду, но никогда не можешь быть прямо щастливо; ты лишаешь его защиты прошиву шпрѣль неизбѣжныхъ. Пронзенное побою сердце, обливаясь кровію, среди богатствъ и разсѣянія твои удары ощущаешь.

Нещастные путешественники вспрѣчены были отъ благодарнаго Эдвина самымъ пріятнѣйшимъ образомъ госпепримства. По возвращеніи его изъ Америки, онъ женился на молодой дѣвушкѣ, къ кошорой еще отъ нѣжной юности своей имѣлъ привязанность. Родители его умерли, и онъ наследовалъ маленькое ихъ имѣніе. Фитзаланъ увидя, что Мальвина успокоилась, и что съ почтеніемъ и усердіемъ служивали ей, надѣялся возвращенія ея здоровья и нѣкошораго благополучія. Онъ распо-

лагался, какъ будетъ ей полегче, уговорить ее оспаться на нѣсколько времени у Эдвина, а самому попробовать, не удастся ли какъ умножить получаемое имъ жалованье.

Наспупала минуша, въ которую надлежало ей даровать ему дочь. При началѣ мученія ея все сосѣдство вспревожилось; да и не напрасный былъ страхъ ихъ: нѣсколько часовъ только жила она послѣ родовъ. Благословляя дѣшей, скончалась на рукахъ мужа своего.

Печаль Фришзалана описать не удобно. Съ начала превышала она въ немъ весь разумъ, и нѣсколько времени держала его въ совершенномъ изступленіи; по возвращеніи же къ нему чувствительности, печаль его не была уже безразсудная, но сдѣлалась глубокая и основательная; насквозь пронзая сердце его, не

могла еще облегчить онаго слезами. Долго въ пишинѣ сидѣлъ онѣ подлѣ постели, хранящей еще остатки дражайшей супруги его; устремивъ глаза на блѣдное лице сіе, которое смерть, какъ будто изъ жалости къ нему, не обезобразила, цѣловалъ еще охладѣвшія уста, вскричавъ: ахъ! на что я узналъ ее? безъ того она бы жила еще! Можно бы ему сказать съ однимъ Писателемъ его опечесхва: горе тебѣ, крошкѣй и прелестный цвѣтокъ! гибелью для тебя была та минута, въ копорую я узрѣлъ тебя!

Но когда увидѣлъ онѣ приуготовленія къ послѣдней церемоніи погребенія, тогда - то уже печаль его границъ не имѣла. Какъ возможно изобразить сердечныя терзанія нѣжнаго супруга, видящаго половину свою поверженную въ послѣднее ея жи-

лице? Заперся въ шой комнатѣ, гдѣ она скончалась, запретивъ Эдвину и всему семейству его приходишь шуда. Бросился въ ея постель; положилъ голову на ея подушку, прижималъ оную къ груди своей, омочалъ ее слезами, помышляя, что она послѣдній вздохъ на ней испустила.

Пошомъ мѣста, обипаемыя ею, казались ему унылы, мрачны, пусты. Сіе уединеніе, сказалъ онъ, не будетъ болѣе оживляемо сладостнымъ согласіемъ голоса Мальвины! глаза мои не утѣшались болѣе взоромъ ея образа небснаго!... Изнуренный печалію, предавался сну, и въ сномъ зрѣлъ Мальвину возлѣ него сидящую. Въ восшоргѣ пробуждался, и не испребивъ живаго впечатлѣнія сновидѣній, просширалъ руки, дабы прижать ея къ груди своей. Тщешныя усилія! онъ обнималъ шѣнь единую. Вспавалъ; горе-

ещно спеная ; шихими спепами проходилъ комнашу , садилсѧ подлѧ маленькаго окна , извѧ кошораго могѧ видѧшь колокольню церкви , гдѧ она погребена была . Ахѧ ! вскричалъ онѧ : какѧ крѧнокѧ сонѧ моей любезной Мальвины ! гласѧ любви возбудишь ее не вѧ силахѧ , и даже сновидѧше не изображаетѧ ей шого , кошорой оплакиваетѧ среди глубокой ночи , и навсегда оплакивать ее не престанетѧ !

Не примѧчалъ онѧ шого , что холодѧ ночи ударялѧ ему вѧ голову ; мысль о Мальвинѧ всю душу его наполняла ; воображеніе ему представляло ее просыпающею покрывающею , и онѧ вскрикивалъ : что это ? сіе блѧдное лице , сіе бездушное шѧло , суть единственныя ошашки шоликой красоты и пріятности !

Вѧра единая могла шолько умягчать изсшупленія сшоль

живѣйшей печали. Сіе благодѣтельное и священное могущесиво, изливающее цѣлительный бальзамъ на раны сердечныя, и спасающее отъ опчаянія покоряющихся оному, гласило ему, что перцѣливое преданіе себя волѣ Небесъ, есть надежнѣйшее для него средство, нѣкогда увидѣвшись съ возлюбленною Мальвиною.

Мальвина погребена была въ кладбищѣ того селенія; вмѣсто всякаго надгробнаго украшенія положенъ былъ камень, на копоромъ ясно вырѣзана была слѣдующая надпись:

Мальвина, Фитзаланъ, сколь любезная, столь и несчастная.

Фитзаланъ не хотѣлъ изображать шипловъ ея. Она скончалась, говорилъ онъ, женою бѣднаго солдата, а не дочерью богатаго Вельможи.

Приказывала она, чтобъ дочь ея носила ея имя. Воля сія была

исполнена, и при крещеніи нарекли младенца: Аминта Мальвина. Жена Эдвинова кормила тогда первую свою дочь; она сыскала ей кормилицу, а свою грудь дала дочери Фитзалана.

Деньги Фитзалановы, полученные за продажу его должности, были уже на исходе; а онъ однако еще надмѣру былъ унылъ, чпобъ помышлять о дѣлѣ и о расположеніи какого либо предпріишія для будущаго существованія своего. Два мѣсяца уже прошло по смерти Мальвины, какъ пріѣхалъ въ сосѣдство одинъ знатный человекъ, копорый нѣкогда съ Фитзаланомъ соединенъ былъ тѣсною пріязнію. Знакомство скоро возобновилось; печальное состояніе, въ каковомъ находился Фитзаланъ, и повѣствованіе о его несчастіяхъ, столь пронули и такъ разжалобили его покровителя, что онъ

безъ убѣдительной прозбы доставилъ ему рошу въ полку, стоящемъ тогда въ Англіи на непремѣнныхъ квартирахъ. Фитцаланъ съ унылымъ духомъ и разспроеннымъ здоровьемъ вступилъ въ службу. Пробывъ четыре года въ полку, чрезмѣрно желалось ему увидѣть дѣшей своихъ, единые остатки обожанной жены, и взять на себя попеченіе о воспитаніи ихъ. Съ помощію друга своего онъ получилъ позволеніе продать рошу свою. Оскаръ тогда былъ восьми, а Аминта четырехъ лѣтъ. Нѣжный отецъ ихъ при свиданіи съ ними прижавъ ихъ къ груди своей, обливалъ ихъ слезами печали и удовольствія.

Замѣшивъ въ Девонсгирѣ, гдѣ квартировалъ полкъ его, небольшое убѣжище, пріятное положеніе кошораго соотвѣтствовало вкусу и соспоанію его,

купилъ оное и перевезъ туда дѣтей своихъ, къ крайнему при-скрбію Эдвина и жены его, ко-шорые ихъ какъ собственныхъ дѣтей своихъ любили. Двѣ изряд-ныя школы въ сосѣдствѣ сооб-щали Оскару и Аминтѣ надле-жащія къ хорошему воспитанію пособія; но какъ они жаждали туда только на часы, то самъ отецъ дома съ великимъ прилѣ-жаніемъ и охотою занимался ими. Ему-то наиболѣе обязаны они скорыми успѣхами въ ихъ наукахъ, равно какъ кротостію нрава и пріятною простотою поступокъ. За попеченія свои довольно награжденъ былъ, видя въ обѣихъ всѣ почтенныя и привлекательныя качества, ко-шорыхъ онъ только могъ желать имъ. Оскаръ выросшая новыхъ требовалъ отъ Фишзалана за-боты. Отецъ никакого не имѣлъ средствъ доставить ему соспо-

ніе. Оскаръ , довольно наслышавшись о томъ опъ опца , оказывалъ охоту къ военной службѣ ; но съ опважностію въ немъ не разлучно находилось челобколюбіе и нѣжностъ ; свойство его было крешко , просто и чувствившельно. Онъ достигъ осмнадцашилѣтняго возраста , какъ умеръ обладатель земли , на которой состояло малое имущество Фипзалана. Наслѣдникъ его , одинъ Полковникъ , пріѣхалъ въ Лондонъ принять владѣніе , скоро познакомился съ Фипзаланомъ , кошорой разговорившись нѣкогда , повѣрилъ ему свое прискорбіе въ разсужденіи сына своего. Полковникъ обьяснялъ сожалѣніе , что шоль хорошей молодой челобкѣ не былъ нигдѣ опредѣленъ , и оставилъ Девонсгиръ , ни мало не оказавъ истиннаго намѣренія посшараться облегчить сію печаль.

Фитзаланъ находился въ крайнемъ замѣшательствѣ ; не могъ для сына сего купить чинъ, не повергнувъ самого себя въ весьма худое состояніе. Съ пѣхъ поръ, какъ оставилъ службу, онъ не продолжалъ перелиски съ благошворительнымъ господиномъ, оказавшимъ ему споль хорошую услугу ; но часто объ немъ слыжалъ. Рассказывали ему, что онъ совсѣмъ предался большому свѣпту, а сіе обыкновенно погашаетъ всякую чувствительность ; и шакъ опнесшись къ нему, боялся онъ худаго успѣха ; честолюбіе его не позволяло ему подвергаться ошказу.

Нечаяннымъ образомъ изъ запрудненія извлеченъ былъ письмомъ ошъ Графа Шербюри, которой, всегда сохраняя къ нему одинакую дружбу, увѣдомлялъ его, что онъ исходатайствовалъ Ошвару чинъ Прапорщика въ полку

Полковника Бельграва. Благопріятное обспояшельспво, говорилъ онъ; попому что Полковникъ, давно уже лично знавъ молодаго человекѣ, конечно не опречешся оказашъ ему всякую благосклонность, какая шолько опъ него зависѣшь будешъ. Журилъ припомъ Графъ Физзалана за шо, что споль долгое время не писалъ къ нему. Не испребляя давняго дружества, онъ съ радостію воспользовалси случаемъ доказашъ ему онсе въ лицѣ сына его, и что за случай сей обязанъ Полковнику Бельграву, досшавившему ему оный.

Сердце Физзалана преисполнено было признашельности и радости. Толчасъ писалъ къ Графу и Полковнику, обьясняя имъ всѣ чувства свои. Полковникъ Бельгравъ принялъ благодаренія, какъ будпо бы заслуживъ оныя; чего однако же не бывало. Человѣкъ сей совершенно лишенъ былъ

чувствительности и всякой нравственности ; никогда ни одной минутой не помышлялъ онъ оказать услугу Фишзалану, или сыну его.

Въ одномъ большомъ собраніи, гдѣ находился и Графъ Шербюри, коснулась рѣчь до фамиліи Дунраша и потомъ и Фишзалана ; иные осуждали его, а другіе извиняли въ разсужденіи брака ихъ, и Полковникъ безъ всякаго намѣренія вошелъ въ разговоръ о положеніи Фишзалана и его сына, которой, говорилъ онъ, скоро, какъ второй Синсинатусъ, оставя шпагу, за плугъ возьмется.

Лордъ Шербюри не пропустилъ сего безъ вниманія. Хотя и погруженъ былъ въ полицикль и различныхъ инпригахъ, но сохранялъ еще нѣкоторое челоуѣколюбіе, и внималъ гласу онаго хоть тогда по крайности, когда не раз-

рушало оно выгудностей и плановъ его. Съ шой минушы взялъ въ мысль , и выполнилъ свое намѣреніе услужить другу своему Фитзалану , какъ мы шо теперь видѣли.

Оскаръ , потчасъ какъ получилъ должность , оставилъ Девонсгиръ , взявъ отъ отца къ Полковнику письмо , въ которомъ Фитзаланъ препоручалъ своего сына въ его покровительство , какъ молодаго человека , имѣющаго нужду въ наставленіяхъ о поведеніи въ свѣтѣ , еще совсѣмъ ему неизвѣстномъ.

Съ сего времени всѣ попеченія Фитзалана обрапились на Аминшу , и она съ избыткомъ вознаграждала оныя. Желаніе сослужить благополучіе отца , служило ей сильнѣйшимъ побужденіемъ къ образованію разума и къ усовершенствованію , араваній ея. Безъ него не занималась

она никакою наукою и никакими забавами. Онъ былъ ей другъ, дядька и покровитель. Никакое описаніе не удобно выразить, и никакое сердце, кромѣ отеческаго, не можетъ почувствовать испытываемаго имъ восхищенія, видя сіе милое твореніе украшаемое и образуемое рукою его, какъ бы Галафея другога Пигмаліона, шоль прекрасная въ глазахъ его, что всѣ прелести прочихъ женщинъ казались ему посредственными, или таковы, какихъ и она не была лишена.

Нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда Оскарова, Полковникъ Бельгравъ не былъ въ Девонсгирѣ. Наконецъ онъ туда пріѣхалъ, получа въ Ирландіи въ супружестве женщину, одаренную всѣми пріятностями ума и вида, могущими плѣнить сердце, и коихъ Оскаръ въ письмахъ своихъ не переславалъ возносишь похвалами.

Полковникъ прибылъ безъ жены. Фишзаланъ, счишая его благодушелемъ и другомъ, спбшилъ поздравить его съ прїбздомъ, и просилъ сдѣлать ему честь своимъ посѣщеніемъ. — Чрезъ нѣсколько времени удовольствовалъ се приглашеніе. Не замедлилъ бы онъ шакъ долго, естльибъ извѣстенъ былъ о столь привлекательномъ предметѣ, заключающемся въ домѣ Фишзалана. Онъ былъ до такой степени развращенъ, что не было для него ни мѣста столь священнаго, ни положенія столь достойнаго уваженія, которое могло бы основать его въ извисканіи удовольствій, возбуждаемыхъ желаніями его.

Когда Бельгравъ оставлялъ страну сію, тогда Аминта еще надмѣру молода была, чтобъ привлечь вниманіе его. Онъ не ожидалъ, чтобъ цвѣшокъ, кошора-

го онъ не забоиился видѣть ,
споль прелестно распустился.

Удивленіе и восхищеніе его
было чрезмѣрно , какъ вошедъ въ
комнату Физзалаана , увидѣвъ онъ
молодую дѣвицу прекраснаго спа-
на , розовыя уста которой прі-
ятною улыбкой возвѣщали удо-
вольствіе при встрѣчѣ его , и пре-
красныя постоянныя глаза ея
извѣсняли ему живѣйшую благо-
дарность. Онъ полагаѣ въ ней
свою добычу , и благословляѣ
случай , заставившій Физзалаана
признавать его своимъ благодѣ-
телемъ. Тинло сіе въ домъ его
давало ему свободнѣйшій входъ ,
копорого бы онъ безъ погю-
имѣшь не могъ.

Съ сего времени онъ безпре-
спанно былъ у Физзалаана ,
выключая только шѣ дни , въ ко-
торые онъ приглашалъ его къ
себѣ , или когда имѣѣ неболь-
шія съ Аминною прогулки.

Не пропускалъ онъ ни единого случая , копорымъ бы могъ вкрадываться непримѣтнымъ образомъ въ благосклонность Аминшы. Случаи сего рода часто доставлялись ему ошкровеннымъ нравомъ Фипзалана ; часто съ Бельгравомъ оставлялъ онъ одну Аминшу , какъ бы по было съ роднымъ брапомъ ея. Никогда не прошивился онъ, чюобъ они двое шолько прогуливались , и безъ всякой недовѣрчивости принималъ его пошпру, и шогда, какъ самъ бывалъ занятъ домашними дѣлами , прятно ему было мыслить , что разговоры и дарованія его дочери способшвовали увеселенію друга его. Аминша , безъ всякаго свѣденія о шомъ , воспламеняла спрасшь Бельграва , оказывая ему разныя угодности, копорыя она въ знакъ своей признашельности должными съ своей шпороны считала. Часто

говорила она ему о своемъ любезномъ Оскарѣ ; иногда дѣлала также похвалы его прекрасной супругѣ , но на семъ пункшѣ всегда видѣла его холодность.

Бельгравъ не такой былъ человекъ , кошорой бы могъ на долго обуздывать спраспи свои ; онъ вообразилъ себѣ , что несчастное положеніе Фишзалана можетъ благопріятшвовашъ мыслямъ его , принятымъ въ разсужденіи дочери его , и осмѣлился , прогуливаясь на единѣ съ Аминшою , предложить ей свои намѣренія.

Сначала шрудно ей было понять оныя ; но какъ , умножая дерзость свою , онъ совершенно объяснился : шо удивленіе , презрѣніе и ужасъ овладѣли ею , и слѣдуя первымъ впечатлѣніямъ , она , побѣжавъ къ дому , съ грубостію оставила его , удаляясь отъ него , какъ отъ чудовища.

Бельгравъ оспался въ спыдѣ и бѣшенствѣ повергнушѣ. Обыкновенная кропосшь пошупковѣ и нрава Аминшы зашавляли его мыслишь, что онѣ въ разсужденіи ея сдѣлалѣ нѣкоторыя услѣхи, и что побѣда сія для него будетѣ легкая.

Бѣдная Аминша не иначе осмѣлилась показашѣся на глаза опца, какѣ нѣсколько поправяшѣ опѣ своего замѣшашельства. Она боялась, что бѣ и самое сокращенное о томѣ разсказываніе не произвело бы какихѣ пагубныхѣ слѣдствій. Подлѣ него находилась она, какѣ приносяшѣ ей письмо. Не ожидая, что бѣ Бельгравъ имѣлѣ безспыдство пишашѣ къ ней, развернула оно въ присушствіи опца своего, полагая, что письмо сіе опѣ кого нибудѣ изѣ сосѣдства. Досада ея была чрезмѣрна, когда увидѣла, что онѣ самѣ снимашѣ съ себя жи-

чину. Блѣдностъ ея и смущеніе устрашили Фипзалана, спрашивающаго о причинѣ тому. Долбе не могла она скрыватьъ, и бросившись къ ногамъ отца своего, положила ему въ руки письмо, убѣдительно прося его, сколько можно воздержаться. Прочтя оное, поднялъ дочь свою, и приказалъ ей порядочно увѣдомить его обо всѣхъ подробностяхъ, относящихся къ претерпѣваемому ею поруганію. Она повиновалась, хотя спрашилась при повѣствованіи семъ увидѣвъ отца своего шрепещуща ошѣ гнѣва. Когда она окончила, тогда, обнявъ ее нѣжно, запретилъ ей выходить изъ дому, взялъ свою шляпу и располагался идти. Легко догадаешься, куда онъ шелъ. Ужасъ Аминшы умножился; шрепещущимъ и прерывающимся голосомъ убѣждала его не подвергать опасности жизнь свою.

Съ строгоспію, какой она никогда не видывала, приказалъ ей молчать. Спрахомъ на нѣсколько времени она остановлена была; но не могла уже выдержашь, какъ увидѣла, что онъ выходитъ изъ комнаты, побѣжала за нимъ, схватила его за шею, и безъ чувства упала къ нему въ руки. Въ семъ положеніи несчастный отецъ принужденъ былъ оставить ее попеченіямъ служанки, опасаясь, чтобъ нѣжныя ея убѣжденія не отсрочили мщенія, въ которомъ онъ рѣшился противъ злодѣя, сооружавшаго столь безчестное и столь жестокое предприятие. Не нашедъ дома Бельграва, едва только возвратился домой, чтобъ приложить попеченія о несчастной дочери своей, какъ получаетъ письмо отъ Бельграва, которой дѣлаетъ въ ономъ гнуснѣйшія предложенія, и овѣшуетъ, порядочно размы-

сливъ, опвѣстивовати ему; ибо, говоритъ онъ, положеніе ваше повергаешъ въ мои руки участь вашу.

И въ самомъ дѣлѣ существовала сія плачевная справедливосшь. Физзаланъ попробовалъ къ владѣнію своему прибавишь еще довольное количество земли, въ чаяніи, что съ пользою употребитъ оставшуюся у него малосшь денегъ. Въ семъ случаѣ гораздо болѣе, нежели онъ имѣлъ, надлежало познанія и опытносши въ хлѣбопашествѣ; сіе - шо невѣденіе, соединенное съ чесшносшию и довѣріемъ, сосшавило изъ него для нѣкоторыхъ жадныхъ и лукавыхъ сосѣдей изрядную добычу. Весь его маленькой капиталъ поглощенъ былъ безуспѣшнымъ опытомъ, и далеко не равенъ онъ былъ Бельграву.

Подлость, съ каковою Бельгравъ превозносился положеніемъ своимъ, еще болѣе умножила негодованіе его; опять ходилъ искашь его, и также безъ успѣха.

Бельгравъ, познавъ, что мерзкая корысть не возмогла поколебать ни отца ни дочери, рѣшился попробовать, не сдѣлаешь ли ихъ нужда поснисходительнѣе. Оставилъ ту сторону, приказавъ своему повѣренному со всякою жестокостію гнать Фипзалана.

Въ слѣдствіе сего повелѣнія, имущество Фипзаланово было захвачено и распродано, и безъ защиты одного сосѣда, добраго опкупщика, самъ бы онъ былъ задержанъ. Съ помощію его въ nocturnое время онъ съ Аминпою скрылся, и оправились въ Лондонъ, куда безъ всякаго прошивнаго случая прибывъ, остановились въ самой опдаленной часши.

Въ несчастіи своемъ Фитзсалахъ презрѣвъ пустую гордосшь, писалъ къ Лорду Шербюри; просилъ его исходатайствовать ему какую либо должностъ, которая бы могла извлечь его изъ горестнаго положенія, въ какомъ онъ находился. Тщательно припомъ сокрылъ отъ него происшествіе свое съ Бельгравомъ. Онъ не могъ равнодушно снести и мысли той, чшобъ узнали о томъ, чшѣ могли унизить его даже до испытанія столь безчестныхъ предложеній.

Отъ тайны сей также зависѣла безопасность Оскара; ибо отецъ твердо зналъ, что никакая опасностъ и никакой чинъ не могли бы отъ бѣшенства Оскарова защитить несчастнаго, дерзнувшаго сплестись съ сестрѣ его такое поруганіе.

Крайне огорчился онъ, увидя принесенное назадъ письмо

его къ Лорду Шербюри, копорой былъ въ ошсущствіи, и на нѣсколь-ко мѣсяцовъ ошправился для пущешествія во Францію. Фипзаланъ проводилъ сіе время во всѣхъ ужасахъ горести и нужды; на послѣдокъ рѣшилъ ошправиль Аминшу въ Валлиское Княжество, для поправленія шамъ ея здоровья, весьма разсшроеннаго горестями и печальнымъ положеніемъ ошца ея.

Бельгравъ преслѣдовалъ бѣглецовъ своихъ; и хошя Фипзаланъ весьма ошсерегался бышь насшигнушымъ, но Полковникъ нашелъ средсшво досшавляшь къ Аминшѣ письма, наполненныя безчешными и дерзкими убѣжденіями. Въ оныхъ увѣрлялъ Аминшу, что прошивъ воли своей зашпавилъ упошребишь къ ошцу ея жестшокосшь, и что оная въ шу минушу прекрашится, какъ

только примешь Физзаланъ его предложенія.

Сіе - по служило Физзалану еще важнѣйшею причиною удались Аминшу опъ Лондона. Но кому ввѣришь сокровище сердца своего? Вспомнилъ онъ о сынѣ шего добраго опкупщика, копторой при выѣздѣ его изъ Девонсгира помогалъ ему перебраться въ Лондонъ. Молодой человекъ часто прѣзжалъ въ городъ, и никогда не оставлялъ увидѣть Физзалана; весьма охотно взялся онъ оказашъ сію услугу. Физзаланъ, приказавъ Аминшѣ называшься Дунфоршъ, опсправилъ ее въ Валлисское Княжество, для лучшей безопасности, въ почтовой коляскѣ; раздѣлилъ съ нею оставшуюся у него малость денегъ, и препоручилъ покровительству Небесъ милую и дражайшую дочь свою. Разспаваясь съ нею, горько ему было опшу-

спишь ее, но приятно мыслить, что она побжала обрѣсти здоровье и покой. Онъ общалъ увѣдомишь ее о возвращеніи Лорда Шербюри, отъ котораго надѣялся получишь какую нибудь переѣну въ его положеніи. Фитзаланъ, не объяснивъ сихъ обстоятельствъ, возбудилъ въ Эдви-нахъ крайнее любопытство; и не смѣя понуждать Аминшу въ помѣ ихъ удовольствоваться, вывѣдывали отъ товарища ея путешествія, которой не замедлилъ рассказать имъ всѣ гнусные поступки, прешерпѣнные ею отъ Лорда Бельграва; въ помѣ мѣстѣ, гдѣ жилъ Фитзаланъ съ своею дочерью, всѣмъ сосѣдямъ оныя извѣстны были.

Г Л А В А 3.

Легкимъ шорокомъ въ ея комнашѣ Аминта пробудившись отъ сна, видяшѣ подлѣ своей кровати кормилицу, принесшую ей чашку козьего молока. Съ улыбкою благодарности приняла она сіе цѣлительное пише, и пошчасѣ вспавѣ, въ нѣсколько минушѣ одѣлась. Давно уже не была она споль покойна, какъ чувствововала себя шеперь. Размѣнѣ узкой и шемной улицы на расположенное въ прекрасной деревнѣ жилище, сосшавилѣ бы ея радосшные воспорги, есиълибѣ не помышляла она, что въ покинутомъ ею скучномъ мѣстѣ ошавался опецѣ ея.

Вышедѣ изъ комнашы, нашла все семейство въ упражне-ніи: Эдвинѣ и сыновья его косили ближайшій къ дому лугѣ; кормилица ея сбивала масло; Елена

въ ручьѣ на долині полоскала молочные горшки, а Бешми мѣсила пироги къ завтраку.

Чайной столъ былъ не подалеку отъ окна, противъ кошораго прелестныя росли цвѣты, распускающіе по всей комнатѣ пріятное благовопіе; пчелы прилетали брать сокъ ихъ, и бабочки, блестящія разноцвѣтною крыльевъ своихъ, вокругъ летали. Сіяющее солнце возвеселяло всю Природу; упренній пріятный вѣтерокъ прохлаждалъ зной онаго, и несъ на крылахъ своихъ съ росю сладчайшее благовопіе цвѣтовъ. Пѣніе птицъ слышно было во всѣхъ лѣсочкахъ добраго сосѣдства, и крестьяне, разсѣянные въ полѣ, занимаясь различными работами, всю сцену сію оживошворяли присутствіемъ человека.

Съ пріятностію наслаждалась Аминша новымъ положеніемъ

своимъ ; она писала къ отцу своему, что къ благополучію ея только его одного недоспавало. Сопровождавшій ее молодой человекъ , взявъ письмо, отправился туда , гдѣ должно было найти почтовую повозку , которая бы доставила его въ Лондонъ.

Утро препроводила Аминта въ прибираніи своей комнаты, въ замѣчаніяхъ окружности дома, и въ разговорахъ съ кормилицею о прошедшихъ временахъ и о настоящемъ положеніи ея. Чтobъ болѣе сдѣлать ей удовольствія, то отобѣдали въ садовомъ гротѣ, гдѣ благовонный воздухъ и пріятность окружающихъ предметовъ казалось самымъ просшымъ кушаньямъ наилучшій вкусъ придавали.

Вечеру просила она Елену прогуляться съ нею ; на что та охотно согласилась. Елена нарядилась какъ можно лучше : надѣ-

ла бѣлой передникѣ, праздничной свой чепчикѣ, соломенную шляпу, украшенную цвѣтными лентами, и въ зеркало сама собою любуясь — Мисѣ! спрашивала она, куда же мы пойдѣмъ?

На приходское кладбище, сказала Аминта. Ахѣ, Боже мой! вскричала Елена, за чѣмъ туда идти? это самое скучное гулянье. Любезная Елена! сказала Аминта: согласишься пожалуй только показатъ мнѣ туда дорогу. Есть тамъ одно мѣсто, которое мнѣ нужно посѣпить. — Кладбище было при входѣ въ небольшое селеніе; гошическое построеніе церкви показывало древность оной. Оно было окружено старыми шисовыми и большими вязовыми деревьями, которыя казалось древностію своею не уступали зданію, и тѣнію своею покрывали они землю, гдѣ покоились оспашки, древнихъ жилищей селенія;

грубая надпись и не обработанной камень испрашивали имъ онъ прохожаго дань сожалѣнія.

Сію - то дань Аминша приходила отдашь своей матери, которую Елена указала ей. Камень оной покрывался густымъ дерномъ, и надпись почти изглажена временемъ. Аминша упала на колѣни, цѣловала сію священную для нее землю, а глаза ея усстремилися на надгробный камень. Душа, возвратившаяся къ Богу! говорила она: Небо заспраданія твои теперь тебя успокоиваетъ. О мать моя! ежели по оставленіи свѣта сего позволено еще обращать взоръ на оный, то съ вѣкою любовью взгляни на дитя швое! Ежели предназначено ей Судьбою проходить жизнь свою столь же грубымъ и колючимъ путемъ, какъ ты пропекала оную: то да дася ей равное тебѣ терпѣніе

и равная покорность, и да окажется она шакой же благочестивыи спрахъ и шакую же преданность къ соизволеніямъ Творца своего! —

Трогательная сія молитва извлекла слезы изъ очей Елены, копорой сердце было нѣжное и доброе; она уговаривала Аминшу удалиться отъ сего печальнаго мѣста. Аминша вспала вся въ слезахъ; духъ ея былъ въ жестокомъ уныніи. Дневныя упражненія разсѣивали скорби ея. Но пишина и уединеніе вечера возвращали плачевныя ея воспоминанія. Она страшилась, чшобъ здоровье опца ея, уже довольно разспроеяное, не сдѣлалось еще хуже, лилась прилагаемыхъ ею о немъ попеченій; и помышляя о бѣдности, одиночествѣ, уныніи, въ какомъ она оставила Физзалана, раздиралось сердце ея, видя себя съ нимъ разлученною.

Печаль ея была замѣчена хозяевами. Елена рассказала матери о плачевной прогулкѣ, въ кошорой она соповариществовала Аминтѣ, что и обьясняло скорбь ея. Добрая женщина всячески старалась развеселить ее, но не могла произвести, какъ только принужденную улыбку. Блѣдна, уныла и грусна, рано удалилась въ свою комнату.

По утру, возвращеніемъ дня разсѣялось уныніе ея; но въ первый разъ почувствовала она, что часы бы для нее текли медленно, естлибъ она осталась лишенною всѣхъ пріятныхъ и переменныхъ упражненій, коими занимаешься она уже привыкла; ей казалось неспасно проводить время въ шягошномъ бездѣйствіи, или безъ всякой цѣли и намѣренія пробѣгать окружности дома. Примѣшила она также, что по ушрамъ присущствіе ея хозяевамъ и мѣша-

ло въ работахъ ихъ, попому что при ней они совѣстились опправлять оныя; знала же, что покорные друзья ея, какъ пчелы должны были лѣтомъ запасаться на всю зиму, и такъ время для нихъ дорого.

Въ поѣздѣ ихъ съ опцомъ поперяны ея книги, карандаши и музыкальные инструменшы; а у Эдвина нашла она шолько одну Библию, молишвенникъ, и изорванной одинъ Томъ старинныхъ повѣстей.

Добрая кормилица къ увеселенію ея не щадила своихъ прилѣжаній. Милая моя! говорила она ей: вспѣ что мнѣ пришло въ голову. Вамъ бы можно сходишь въ Тудор - Гальскую Библиотеку: тамъ сполько книгъ, что доспало бы вамъ для чшенія, ешъли бы вы и такъ долго, какъ Мафусаилъ, прожили на свѣшѣ; и увѣряю васъ, что очень

хорошія книги. Есльи бы онѣ не были таковы, то бы Священникѣ нашѣ говѣлъ, не ходилѣ шуда такѣ часто, тогда, какѣ у него еще не было своихѣ книгѣ. Все семейство шеперь вѣ ошсупствіи; вѣ хорошую погоду для перемѣны воздуха открывающѣ Библиотеку, и вы можеше идши шуда не опасаясь кому либо бышь вѣ шлягосшь; да прищомѣ еще бѣдная шарушка Миссриссѣ Абергвилли очень рада вамѣ будешѣ, есльи вы общаешесь не уносишь сѣ собою ни одной книги. Но какѣ вы застѣнчивы, то не согласишесь ли лучше немного подождать? я схожу шуда спросишь позволенія. — Ахѣ! очень хорошо, моя любезная! пощому что безѣ щого я бы не желала шуда идши. Елена севодни же вамѣ покажешѣ дорогу, и всякое утро это для васѣ будешѣ очень хорошее небольшое гу-

лянье. Добрая женщина пошла, и скоро возвратилась съ позволеніемъ оупъ Мисприссы Абергвилли, ходишь Аминшъ въ Библиошеку, какъ только ей угодно будетъ. Она поитчасъ симъ воспользовалась, и пошла съ Еленою къ Тудор - Галлу, кошораго бѣ-лыя башенки изъ дому Эдвина были видны. Это былъ обширный и старинный замокъ, лѣсомъ окруженный. Библиошека была въ споронѣ, и двери въ оную двойныя. Елена оставила тамъ Аминшу, съ удовольствіемъ разсмапривающую пріятную комнату сей простору, кошора привлекла ея удивленіе. Одна спорона была вся въ окошкахъ гошического вкуса, а прошивная оной соопѣпспвовала каждому окошку впадиною, въ коихъ книги поставлены были. Всѣ перегородки оныхъ украшались лавровыми гирляндами, наилучшимъ

искусствомъ сработанными, и въ
верху надъ каждою поставленъ
былъ медаліонъ какого нибудь
славнаго Спихотворца. Каминъ
сдѣланъ изъ лучшаго Италіан-
скаго мрамора, обогащенный
медаліонами и рѣзьбою изрѣд-
нѣйшаго вкуса. Живопись Пла-
фона также хорошей работы
и изображенія аллегорическаго.
Трудно было рѣшить, что превос-
ходило: красота плана, или ра-
бота онаго. Два большіе глобуса,
одинъ небесной, другой земной,
высокой цѣны, и великое множе-
ство ландкартъ украшали так-
же Библіошеку. Комната сія по
положенію своему и по опдѣлкѣ
весьма приличествова а къ уче-
нію и размышленіямъ. Вокругъ
ее царствовала тишина и молча-
ніе, которыя нарушались толь-
ко шорохомъ вѣтерка, тихо ко-
леблющаго листьа деревъ, наса-
жденныхъ предъ окнами, коя, за-

щищая отъ дневнаго свѣтила, оставляли входить въ оную только кропкому и пріятному свѣшу. Прошивъ дверей, со входа, отворены были другія такія же двери. Аминта не могла прошивитъся своему любопытству: вошла въ другую большую и прекрасную комнату, гораздо болѣе освѣщаемую большими окнами, и украшенную во вкусъ не столь важнымъ; она представляла прогательную прошивность суровому виду той, которую она оставила. Украшеніе ея и различныя находящіяся шуть инструмены показывали, что то была музыкальная зала. Обои были изъ камки блѣднозеленой съ золотыми цѣшми и съ розовою каймою. Столы наклеенные изъ дорогихъ деревъ; великолѣпныя паникадилы висѣли оняѣ плафоновъ, изображающихъ рукою лучшихъ Художниковъ различныя картины

и пастушескія сцѣны. Оркестръ въ концѣ комнаты означался возвышеніемъ и перилами, изъ бѣлаго мрамора искусно сработанными.

Окнамъ предсавлялся пріятный видъ: глубокой ручей, прямо романической; бугры, между копорыхъ извивался онъ, доставляли удивительную разнообразность видовъ: они осыпаны были лѣсомъ, прерываемымъ индѣ зелеными долинками, а индѣ каменистыми горами, пѣною покрытыми. Изобильная, съ самаго возвышенія упадающая вода, составяя пріятные каскады, низверженіемъ своимъ разбиваясь о коренья деревъ и высунувшіеся камни, давала себѣ множество различныхъ пущей, и прошекая въ шѣни, съ блескомъ выходила орошать луга.

Долго стояла Аминпа у окна, наслаждаясь симъ пріятнѣйшимъ зрѣлищемъ, и удивляясь

вкусу, расположившему комнату сію такимъ образомъ, чтобъ вдругъ увеселять и слухъ и зрѣніе. Находилось пущѣ не запертое форшепіано; она попробовала, и видя, что весьма хорошо наспроеено. Аминша спрашно любила музыку, и имѣла способность къ оной. Отецъ ея, самъ имѣя сіе дарованіе, обрабошалъ оное и въ ней. Преподавалъ ей сіи уроки, было для него иссточникомъ удовольствія; ибо музыкою въ душѣ его производились сладоснѣйшія и швердыя впечатлѣнія.

Аминша не могла запретишь себѣ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, предспавлявшимъ удовольствованіе любимой ея забавы. Довольно долго, сказала она, мое съ гармоніей знакомство было прервано! Сѣла, и заиграла нѣжную арію. Вспомнила попомъ шѣ, кошорыя отецъ ея болѣе любилъ, и играла нѣкошорыя изъ

нихъ съ опмѣннымъ вкусомъ.
Ахъ! сказала она горестно вздох-
нувъ: любезный и нѣжный ро-
дитель! для чего нѣтъ тебя
здѣсь, чтобъ раздѣлить мое удо-
вольствие?.. Оперла слезы, испек-
шія при семъ прогашельномъ вос-
поминаніи, и запла:

Надежда льстива! зришь ли сто-
ны?
Къ тебѣ найдешь ли сердце слѣдъ?
Оставишь ли безъ обороны
Меня отъ стрѣлъ жестокихъ
бѣдъ?

Разпоргни шучи черны, мрач-
ны,
Запмили кои небеса!
Пошли предметы доброзрачны
Мои утѣшишь очеса!

Се ночь Авроры убѣгаетъ,
Зима отъ красныхъ скрылась дней;
А сердце, кое грусть снѣдаетъ,
Ждетъ сильной помощи своей.

Когда отъ горестна спра-
данья

Опчаянью даюсь во влась:
Останови предлогъ рыданья,
Готову слезу съ вѣждъ упась.

Въ комнатѣ сей находилось
множество музыкальныхъ книгъ;
Аминта признала въ оныхъ по-
ренія лучшихъ Авшоровъ. Хотѣ-
лось бы ей очень еще побыть
подлѣ фортепіано, но разсмотрѣвъ
Библіотеку, возвратилась
туда, и нашла въ оной лучшія
древнія и новыя книги; взяла од-
ну, и сѣла у окна, чѣмъ наслаж-
даться прохладностію вѣтерка,

провѣвajícíаго извѣлса. Въ семѣ упражненіи она забыла, что часы пекушѣ, и не помышляла о возвращеніи домой, какѣ Елена пришла ее увѣдомитѣ, что обѣдѣ гоповѣ, ее ждущѣ кѣ оному, и что она обезпокоишя, шакѣ долго ничего не кушая. Аминша не мѣшкая слѣдовала за Еленою; но швердое приняла намѣреніе, всякой день приходитѣ въ Тудор-Галлѣ, гдѣ находила она споль сладчайшія удовольствія, и наслаждашя шакже въ паркѣ уединенными прогулками, споль хорошо соотвѣтствующими вкусу и положенію ея. Она то и исполняла. Прощла шакѣ цѣлая недѣля; между шѣмѣ получила опѣ опца своего письмо, въ кошоромѣ увѣдомляешѣ ее, что подозрѣваешѣ онѣ, не подкуплена ли Полковникомѣ Бельгравомѣ ша женщина, гдѣ онѣ кварширу имѣешѣ; и шакѣ проситѣ не пишашѣ кѣ не-

му болѣе до шѣхъ порѣ, какѣ онѣ доставилѣ ей адресѣ; къ сему присовокупилѣ онѣ, что можетѣ быть дастѣ ей извѣстіе о Лордѣ Шербюри, котораго ежедневно ожидающѣ.

Г Л А В А 4.

Всякое утро Аминша продолжала посѣщать Тудор - Галлѣ; она шамѣ попеременно играла и читала. Также ходила она туда и около вечера, но уже не записалась въ Библиотекѣ, а брала обыкновенно книгу и уходила читать, сидя подлѣ какого нибудь большаго дерева на корняхъ его, мохомѣ покрытыхъ, съ пріятностію внимая шороху листьевѣ, надѣ головою ея въпрямѣ колеблемыхъ, и журчанію крылатыхъ насекомыхъ, гурьбами

летающихъ въ лучахъ солнца, опъ которыхъ она была въ защитѣ. Когда не могла, или не хотѣла болѣе читать, клала книгу, гдѣ оную взяла; заходила въ густыя части лѣса; шупъ-по пріятно ей было бродить тогда, какъ молчаніе, кропкая тѣнь, приближеніе ночи успокоивали возмущеніе спрасней; тогда - то чувствовала она, что душа ея бодрствовала и возвышалась; тогда - то любила она приводить на память протекшіе дни, и сооружать планы будущаго благополучія, которые, казалось ей, могли бы совершиться. Иногда предавалась она всему восхищенію юнаго и романическаго воображенія, и сама преносилась въ тѣ времена, гдѣ лѣса, подъ тѣнію которыхъ она бродила, были, какъ говоритъ Томпсонъ, убѣжищемъ размышленія. Зрѣлище сіе оживляло древа-

нихъ Бардовъ , когда они въ восторгѣ духа и возвышенные отъ земли , разглагольствовали съ швореніями небесными и безсмертными , низпосылаемыми къ людямъ съ божественнымъ посланіемъ , поддерживать колеблющуюся добродѣтель на краяхъ пропасти порока.

Здоровье ея день отъ дня укрѣплялось , и душа становилась покойнѣе ; щеки покрылись румянцемъ , и глаза ея воспріяли опять пріятный и пронзительный блескъ сквозь длинныя рѣсницы.

Въ одинъ вечеръ возвратилась она однако же съ большимъ прошивъ обыкновеннаго уныніемъ . Когда уснула , сновидѣнія изображали мысли , ее занимающія , преслѣдовали имъ плачевные виды спраданія мащери ея , удрученной бременемъ нещастія ; тогда , какъ оплакивала сію горе-

спную судьбину, мнила она видѣть разверстыя облака, и женщину опмѣнной красоты съ нѣжнымъ взоромъ, преклоняющуюся къ ней, и казалась говоритъ ей: я щасплива, дочь моя! Среди сна сего Аминта пробуждена была пріятною музыкою. Она сѣла вспревожена удивленіемъ, и казалось видѣла въ комнатѣ своей необычайное освѣщеніе; сновидѣніе ея споль сильное сдѣлало ей впечашлѣніе, что она вся была обѣята ужасомъ и шрепеломъ; не могла поняшь, что она чувствовала. Великое движеніе сіе нѣсколько успокоилось удивленіемъ, какъ она внизу подъ окномъ услышала прекрасной голосъ человека, поющаго слѣдующіе стихи Комвляя, на голосъ копорой слышала она игранный на инспрументѣ, что было только преддверіемъ:

Воспрянь ты, лира, отъ забвенья!

О помощи швоей воплю;
Виновницѣ всего мученья
Дай чувствовашь, что я шерплю,

Надѣлавшей однихъ веща-
спныхъ,
Не дай заснуть спокойно ей!
Внеси ей въ сердце въ звонахъ
спрасныхъ
Смяшенье отъ ея очей.

Но слабъ швой гласъ, безиль-
ны лады;
Лѣчишь ты можешь, не язвишь;
Она не дастъ вобкѣ опрады
Въ шо сердце, что могла про-
нзидь.

Нѣшѣ , нѣшѣ ! твои пріятны
звукѣ

Не могутъ скорби умягчитьъ ;
Лѣкарство можешь не отъ муки,
Лишь пищею по любви служишь.

Твой звукъ не дастъ душевна
мира ,

Мнѣ помощи не принесешь !
Молчи , и спи , немощна лира !
Гускай хозяйнѣ твоей умрешь.

Здѣсь голосъ пересталъ
пѣть. Аминта отъ смущенія
своего, произведеннаго сновидѣніемъ,
скоро оправилась; опдѣрнувъ занавѣсъ у окна,
познала она, что удивившій ее свѣтъ
происходилъ отъ луны, которая
была тогда въ полномъ ея сіяніи.
Осташокъ ночи проводила

она въ размышленїи о спрѣнномъ семъ происшествїи; не могла она сомнѣваться, чшобъ вечернее пѣніе сіе не къ ней относилось; но въ сосѣдствѣ она никого не видала и не знала, отъ кого бы могла ожидать такого привѣщія. Разсуждала при шомъ, чшо такого рода уваженіе должно происходить отъ какого-нибудь челоука, знающаго свѣтъ. Рѣшилась поутру завтра употребить всѣ изысканія, которыя бы могли довести ее до открытія сего. Полученные ею свѣдѣнїя увѣрили ее, что музыкантомъ былъ не иной кто, какъ Предикантъ Говель, котораго она никогда не видала, и отъ котораго не ожидала бытъ знаема до шѣхъ поръ, какъ пришло ей въ мысль, что можетъ статься онъ ее видѣлъ идущую въ Тудор-Галль, или бродящую въ окружностяхъ лѣса.

Съ шѣхъ поръ, какъ пришла ей въ умъ сія мысль, размышляла она, что не благоразумно бы было посѣщать Тудор - Галлѣ; однако же сполько находила она тамъ забавы, что безъ великаго сопротивленія не могла опказать себѣ сихъ посѣщеній. Разсудила напослѣдокъ, что имѣя при себѣ поварища, ни мало не будетъ шо противно благопристойности. Елена обыкновенно занималась вязаньемъ; Аминша разчишывала, что дѣвушка сія, ходивъ съ нею, равно употребитъ время свое; и шакъ просила ее сошовзрищесшвовашъ ей, на что Елена съ охотою согласилась.

Пока вы будете читашъ, сказала ей Елена, какъ вошли онѣ въ Библиотеку, я оплучусь на минушу за небольшимъ дѣльцомъ. Хорошо, сказала Аминша, лишь бы оплучка швоя не долго

продолжилась. Елена по общала, и ушла въ поле не подалеку отъ замка. Она видѣла въ работѣ Тимъ-Шипа плотника. Дѣшина сей былъ Адонисъ ихъ околodka; давно уже онъ оказывалъ Еленѣ преимуществво, возбуждающее противъ нее ревность всѣхъ деревенскихъ дѣвокъ, и она гордилась пріятною сердцу ея побѣдою, и копорая ошличала ее отъ прочихъ подругъ.

Аминта вошла въ музыкальную залу, и вспомня о пѣніи, слышанномъ ею подъ окномъ, пробовала играть оную на фортепіано; что ей и удалось; а какъ слова Комвлея ей были знакомы, то она играя начала пѣть. Окончавъ послѣдній куплетъ, слышавъ, что позади ее кто - то вскричалъ: какой божественный глосъ! Успрашенная и встревоженная Аминта вспаенъ и видя въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ себя пригожаго и високаго
молодаго челоуѣка. Боже мой!
вскричала она, покраснѣвъ и по-
спѣшая къ дверямъ: гдѣ же Еле-
на? — Не думаете ли вы, спавъ про-
шивъ нее, сказалъ незнакомецъ по-
номъ, однако же почтительнымъ,
чтобъ я васъ шакъ отсюда вы-
пустилъ? Нѣтъ, прелестная осо-
ба! я бы былъ самое нечувствительное
твореніе, естлибъ не
воспользовался симъ способомъ,
который доставляетъ мнѣ ща-
сливой случай испросить у васъ
самихъ позволеніе оказывать вамъ
мои учтивости. Сказавъ сіи
слова, онъ взялъ руку Аминшы.
Будьте увѣрены, государь мой!
что щасливый случай, какъ
вы по называете, сближаю-
щій насъ теперь, весьма мнѣ не
благопріятенъ; пошому что онъ
подвергаетъ меня столь свобод-
ному со мною обращенію, котора-

ю я никакъ не привыкла сносить.

Возможно ли это, прервалъ незнакомецъ, чѣмъ вы на меня какую досаду чувствовали? Но я возвращаю свободу моей милой плѣнницѣ, если она удостоитъ еще нѣсколько минутъ пребыть здѣсь, и позволитъ мнѣ проводить ее до двора.

Я поспѣшнѣе хочу быть свободна! вскричала Аминша. Повинуюсь, отвѣчалъ онъ, оставляя руку ея, и нѣсколько пожавъ одну въ своей; вы свободны, а о себѣ не могу того сказать.

Аминша съ поропливостію вышла въ лѣсъ, и вся въ смущеніи, не попала на наспящую дорогу. Тщешно искала Елену. Незнакомецъ преслѣдовалъ ее глазами во всякой предпринимаемой ею поворотѣ, и подходя ближе, кричалъ ей: на что же вы бѣжите отъ меня? для чего не

хопите, чтобъ я васъ проводилъ? Можно ли, увидя васъ, не спарашься опять увидѣшь? — Аминша ничего не отвѣчала, и поспѣшала удалиться. На послѣдокъ усталость и смущеніе, въ слабомъ состояніи, въ какомъ она еще находилась, принудили ее остановиться облокотиться на дерево. Движеніе, копорымъ опягопила себя, оживило цвѣтъ лица ея; распущенные волосы по волѣ въпра развѣвались по ея шеѣ, и глаза, украшенные прелестнымъ замѣшательствомъ кропоспи, были опущены, дабы избѣжать спрашныхъ взоровъ молодого человѣка. Онъ казался объятъ нѣжнѣйшимъ удивленіемъ, и въ невольномъ восшоргѣ самъ себѣ сказалъ: Боже мой! какой небесной Ангелъ!

Вы очень устали, сказалъ онъ ей, и это для того, чтобъ уйти отъ меня! Ежели бы вы могли чашать въ моемъ сердцѣ,

погда бы вы увидѣли, что никакой причины не имѣете убѣгать меня. Иррлпнностями вашими въ чувствительной душѣ возбужденныя движенія никогда не могутъ быти врагами вашей безопасности.

Въ сію минушу Аминша примѣшила пробирающуюся сквозь загородку Елену, которая оставила наконецъ Тимъ-Шипа, обѣщая ему въ послѣднѣе вечерѣ придти въ хороводъ, гдѣ арфа слѣдова соспавитъ шанцы. Она прибѣжала; но увидя Лорда Моршимера, весьма удивясь, вдругъ остановилась. Слава Богу! сказала Аминша; я думала, что ты уже никогда не придешь.

И такъ вы идете, сказалъ незнакомецъ, не подавъ мнѣ надежды къ вторичному свиданію? и взявъ руку продолжалъ: ахъ! скажите, позволили ли мнѣ явиться къ вамъ? Эшо не воз-

можно, прервала: Аминша, и я совершенно несчастною сочту себя, еспьли вы еще меня удержише.

Смотрите же, сказалъ онъ ей, отворяя калипку, которая была изъ лѣса на дорогу, съ какимъ великодушiемъ вѣжливый Кавалеръ освобождаетъ васъ изъ шемницы вашей! Но не думай, споль прекрасная, сколь и жестокая! улыбаясь продолжалъ онъ, чшобъ я оставлялъ всякую надежду побѣдить вашу швердѣсть.

Ахъ, Боже мой! сказала Елена, когда вышли онъ изъ лѣса: какъ вы это повстрѣчались съ Лордомъ Моршимеромъ? Лордъ Моршимеръ? прервала Аминша. Такъ, ошвѣчала Елена; это онъ самъ. Я никогда не бывала въ такомъ удивленiи, какъ увидя, чшо онъ глядитъ на васъ съ такою нѣжностiю; онъ очень хорошiй человекъ, а къ шому же

Тудор - Галлѣ ему принадлежитъ. Весьма въспревожилась Аминша услыша, что онѣ былъ господинѣ шого дома, въ которомъ онѣ нашелъ ее поселившуюся съ такою свободою и смѣлостію, какъ бы въ своемъ собственномъ.

Какъ входили онѣ въ домъ Эдвина, Елена, дергая Аминшу за рукавъ, говоритъ ей: посмотрише, посмотрише, Миссѣ! Аминша оглянувшись видитъ Лорда Моршимера почти до половины дороги вдали ихъ преслѣдовавшаго. Увидя, что его примѣтили, улыбнулся; и поклонясь рукою, возвратился назадъ.

Кормилица обрадована была, что Лордѣ Моршимерѣ видѣлъ ея милое дитя, о чемъ Елена не пропустила уведомить ее. Она не сомнѣвалась, чтобъ красота Аминши не возбудила удивленія Лорда; а отъ удивленія одинъ шолько шагъ до чего нибудь го-

раздо важнѣе. Весьма пріятное чувство ощущала Аминта въ сердцѣ своемъ, когда Елена изображала мапери своей нѣжныя взоры Лорда Моршимера. Она начала думать, не онъ ли столь пріятно попревожилъ сонъ ея. Но разсудя порядочно, оставила мысль сію. Казалось, что Лордъ Моршимеръ въ этотъ день только пріѣхалъ въ Тудор-Галль, иначе была бы она уже о томъ извѣстна. И хотя бы онъ видалъ ее и прежде, то представлялось весьма невѣроятнымъ, чтобъ взялъ на себя трудъ такимъ образомъ ввести себя къ такой особѣ, которую по всѣмъ наружностямъ надлежало ему считать очень низкаго прошивъ него соспоянія; однако же ясно было, что случай одинъ не могъ бы привести его въ комнату, гдѣ онъ ее заспалъ. Вѣжливосшь, обычная всѣмъ свѣтскимъ лю-

дямъ, сплела ему рѣчи, которыя онъ употреблялъ съ нею. При мысли сей она вздохнула, и заключила сама съ собою, что почто Предикантъ Говель составилъ для нее вечернее пѣніе. Въ ту минуту рѣшилась она, увидясь съ Священникомъ, какъ скоро только онъ дастъ ей хотя малѣйшій знакъ о своей привязанности, тотчасъ опныть у него всякую надежду, какую бы только щеславіе ни заставило его сооружать.

Г Л А В А 5.

Послѣ чаю Аминша увела Бешпи прогуливаться; ибо Елена во всемъ своемъ нарядѣ пошла къ танцамъ. Аминша не такъ скоро отправилась въ пущь, какъ жмѣла къ тому привычку. Чел-

чикъ ея былъ столь тяжелъ и
столь къ ней не присталъ, что
ей не лзя было рѣшиться надѣсть
его, не сдѣлавъ въ немъ какой
нибудь перемѣны. И шутъ-таки
находила его не очень ловкимъ.
Примѣрнула шляпу; она ей при-
стала, и пошла наконецъ; не
останавливалась она объяснять
свое удивленіе, какъ по обыкно-
венно дѣлала всякой разъ, когда
попадалось ей въ глаза новое мѣ-
сто, или пріятной видъ полей.
Она столь углублена была въ мы-
сляхъ, что представлялась какъ
будто вдругъ опъ сна пробуж-
денная, когда Бешпи приставала
къ ней, что она часто дѣлала,
прося ее нарисовать чтонибудь
на песокъ, или сорвать ей цвѣ-
шокъ полевой. Едва зная, куда
она шла, Аминша поворошилась
къ селенію; и чувствуя уста-
лость, вошла на кладбище оп-
дохнуть на камняхъ фундамента.

Гробницы украшены были цвѣтными гирляндами : дань деревенскихъ дѣвушекъ памяти пошерянныхъ ими друзей !

Аминна сѣвши начала сплести гирлянду изъ цвѣтовъ, нарванныхъ ею съ Бетши, и повѣсивъ оную на надгробный камень, воздвигнутый на помѣ мѣстѣ, гдѣ погребена Лади Мальвина. Прекрасные глаза ея, обращаясь къ небу, какъ бы призывали мать ея, принявъ полевой даръ отъ дитяти своего ; приложивъ руки къ груди своей, она вскричала : увы ! сіе есть единая жертва, которая въ разсужденіи участи моей оспается мнѣ возможною предложить тебѣ !

Въ ту минуту услышала, что не поддалеку ея тихо говорили. Она оборачивается, и видитъ Лорда Мэрпимера съ молодымъ Священникомъ скрывшихся за деревомъ, и со вниманіемъ

примѣчающихъ ее. Покраснѣвъ и смѣшавшись, надвинула на лице шляпу свою, взяла Бепши за руку и возвратилась домой.

Лордъ Моршимеръ бродилъ въ окружностяхъ дома Эдвинсва, въ надеждѣ встрѣпить Аминту около вечера. Увидя ее вышедшую, издали слѣдовалъ за нею, и при входѣ на кладбище, встрѣтился онъ съ Предикантомъ. Охотно бы обошелся онъ безъ сего шоварища, въ минушу, споль благопріятную подойти къ Аминтѣ; ибо онъ познакомился съ нею желалъ гораздо болѣе, нежели самъ себѣ въ шомъ признавался.

Лордъ Моршимеръ находилъ ся тогда въ самой цвѣтущей веснѣ жизни своей; онъ былъ счастливъ, поступки его привлекательны и ловки, улыбка плѣнительной пріятности; глаза, полные выраженія, блищали раз-

умомъ и возвѣщали чрезмѣрную чувствительность; ясность и чистота рѣчи съ крошкимъ голосомъ его присоединяли къ себѣ пріятность, которой трудно было проливиться; душа его съ природы была жилищемъ всѣхъ добродѣтелей. Но высокій чинъ, великое богатство доставляли ему такое положеніе, гдѣ добродѣтель часто трудною становилась, и онъ не всегда имѣлъ силу упорствовать окружающимъ его искушеніямъ. Но попуская себя иногда соврашиться въ сторону, никогда не вступалъ на стези порока; никогда не переспавалъ уважать невинность, не сдѣлавъ поспуска, которой бы могъ оскорбить сердце друга; свое же имѣлъ отверсто ко всѣмъ благороднымъ склонностямъ, которыя намъ даетъ Природа. Состраданіе къ несчастію было одно изъ главнѣйшихъ чувствъ его, и никогда

рука его не опказала ему въ великодушнѣйшихъ онаго побужденіяхъ. Между различными обработанными имъ дарованіями, то, копорое имѣлъ въ музыкѣ, доведено было до высочайшей степени совершенства. Въ семь много способствовало ему пребываніе его въ иностранныхъ земляхъ. Довольно бы было сладкаго и согласнаго голоса Аминты, чшобъ овладѣшь сердцемъ его; но присоединились къ тому всѣ прочія пріяшности сей милой дѣвицы, и онъ былъ побѣжденъ.

Въ Валлійское Княжество пріѣхалъ онъ въ намѣреніи посѣлится одного стариннаго пріятеля, живущаго на островѣ Англезеи. Не имѣлъ мысли останавливаться въ Тудор - Галлѣ; но за нѣсколько миль отъ его дома, фаэтонъ, въ которомъ онъ путешествовалъ, опрокинулся, и онъ

довольно жестоко ушибся. Нанялъ коляску и прїѣхалъ въ Тудор-Галлъ, чтобъ пооправилься попеченіями старой шувъ живущей домоправительницы, Мисприссѣ Абергвилли, имѣющей столь великое познаніе о врачевной наукѣ, какъ бы самая Лади Буншифюль. Скорѣе, казалось ему, могла она изцѣлить раны его, нежели бы какой лѣкаръ маленкаго городка. Запретилъ онъ разглашать о томъ, что онъ шувъ находился. Въ краткое время пребыванія его здѣсь, не хотѣлъ бытъ обезпкоенъ посѣщеніями, копорыя бы не приминули ему сдѣлать, какъ бы скоро шолько узнали о его прїѣздѣ. Въ близкой отъ музыкальной залы комнатѣ слышалъ онъ Аминшу. Хотя еще и разстроенный своимъ паденіемъ, но при первыхъ удареніяхъ голоса ея приблизился къ двери,

она была нѣсколько опшверста , и давала ему удобность видѣть ее , ни мало не бывъ ею видимымъ. Одно только слабое состояніе , въ которомъ онъ находился тогда , могло воспрепятствовать ему тотчасъ предъспать предъ нею , чтобъ изъяснить ей произведенное въ немъ удивленіе. Какъ скоро она вышла , послалъ за домоправительницею , дабы узнать отъ нее , кто была сія прелестная незнакомка. Миссриссъ Абергвилли не могла болѣе ему сказать объ ней , какъ то , что сама знала , то есть , что она была молодая Госпожа , не давно пріѣхавшая изъ Лондона , и живетъ въ домѣ Эдвина , котораго жена просила у нее позволенія читать ей въ Библіотекѣ. Видя , что Милордъ всегда читаетъ въ своемъ кабинетѣ , она разсудила не отказать ей въ томъ. Ежели же она чрезъ

то сдѣлала неудобное Милорду, то пошлетъ сказать къ Эдви-намъ, чтобъ Лади Дунфоршъ болѣе не приходила. Откуда не предпринимай сего, сказалъ Лордъ Морпимеръ ; и такъ Аминша продолжала посѣщенія свои, не сомнѣваясь ни мало, чтобъ имѣла въ такомъ ближнемъ разстояніи отъ себя кого либо столь внимательно примѣчающаго и столь срасшно удивляющагося ей. Лордъ Морпимеръ день отъ дня укрѣплялся ; но казалось совсѣмъ забылъ цѣль путешествія своего въ Валлисское Княжество. Въ умѣ и нравѣ его находилось нѣчто романическое ; въ слѣдствіе чего по выздоровленіи своемъ позволилъ себѣ, взявъ люпню, сдѣлать вечернюю музыку для милой особы, живущей у Эвина.

Какъ не возможно ему было, не оказавъ неучливости, избавившись отъ Говеля : то удоволь-

ствовався шѣмъ, чтобъ съ Священникомъ слѣдовать за нею до кладбища, гдѣ спрятавшись за деревья, онъ и поварищъ его примѣчали ее, не бывъ видимы, до шѣхъ поръ, какъ невольное восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ Лорда Моршимера, измѣнило его восхищенію. Когда она ушла, чиналъ онъ надпись на надгробномъ камнѣ: но по причинѣ различія именъ, не могъ никакого получить свѣденія о касающемся до Лади Дунфортъ. Говель также не умѣлъ доставить ему въ помѣ какое либо объясненіе. Это былъ молодой человекъ, которому недавно порученъ приходъ сей, и копорой сего вечера еще въ первый разъ увидѣлъ Аминшу.

Лордъ Моршимеръ безмѣрно мучился желаніемъ развѣдать, кто была сія Лади Дунфортъ. Какъ Священническая должность

Говеля давала ему свободный входъ въ дома его прихожанъ, но за лучшее разсудилъ опнеспись къ нему, чшобъ получить о томъ полное свѣденіе. И шакъ объяснилъ ему Лордъ желаніе свое узнать, кто шакова сія особа, чшобъ удовлетворить, говорилъ онъ, простое любопытство, и просилъ его, ешльи еіѵ въ томъ не находишь какого неудобства, скоро за нею войши въ домъ Эдвина, и постарайся опъ сихъ добрыхъ людей вывѣдашь какое нибудъ познаніе о ней. Говель весьма охотно взялся за сіе препорученіе. Поступки и видъ задумчивой, къ шому же и самое благочешивое дѣйствіе Аминшы, коему онъ былъ свидѣтель, шрогали чувствительность его и весьма возбуждали любопытство.

Нѣсколько времени спустя послѣ нее, пришелъ онъ въ домъ

Эдвина, нашелъ ее смѣющуюся пророчествамъ кормилицы, которая предвѣщала ей, что почто она знашная Госпожа нѣкогда будетъ. При входѣ Предиканша Аминша хотѣла оставишь комнату; но увидя ея намѣреніе, онъ объявилъ, что ежели присутствіе хощя мало ихъ распростроишь, то онъ топчасъ уйдетъ. Она опять сѣла, и нѣсколько рада была, что ее удержали, пошому что чрезъ какой нибудь видъ, или слово Священника мыслила узнать, не онъ ли давалъ ей слышанную ночью музыку. И по сей-то самой причинѣ она не замедлила войши съ нимъ въ разговоры.

Все семейство, выключая мать, послѣдовало за Еленою къ шанцамъ. Добрая женщина рассудила, что за честь, которую ей сдѣлалъ Говель своимъ посѣщеніемъ, не могла лучше возблагодаришь его, какъ предсхавишь

небольшой ужинъ. Доброхотное расположеніе Говеля, хорошее свойство его, и крошкая веселость его нрава всѣхъ прихожанъ заставляли любить его; иногда забавлялъ онъ ихъ простосердечными пѣснями и пріяшными повѣствованіями. Аминша оставалась съ нимъ на единъ, тогда, какъ кормилица приготавливала ужинъ; шакже скоро Аминша сдѣлалась довольна простопою его рѣчи и поступковъ, какъ и онъ пріяшностію и крошестію, въ ней соединенными. Окружающіе ихъ полевые предметы шопчасъ обратили къ себѣ разговоръ ихъ, а потомъ непримѣнно заговорили о Поэзіи. Матерія сія весьма пріяшна была для Говеля, который часто въ полевыхъ прогулкахъ оказывалъ преданность Музамъ. Аминша, сама усердно имъ предаваясь, скромностію своею то сокрывала. Разговоромъ

симъ доведена была прочесть
нѣчто изъ любимыхъ ею Авпо-
ровъ. Пріятная чувствительность
ея выраженія восхитила Говеля.
Онъ на нее глядѣлъ и слушалъ
такъ, какъ бы глаза его никог-
да не могли насытиться зрѣньемъ,
равно какъ уши слышать ее. По
прозьбѣ его она проговорила уми-
лительное описаніе свойства Пре-
диканша Гольдсмиша Десертеш-
скаго селенія, и милыхъ достой-
ныхъ дочерей его. Говель, неволь-
нымъ движеніемъ влекомый, нало-
живъ на ея руки одну свою,
вскричалъ: Боже! какой Ангелъ!
какой Ангелъ!

Хорошо, хорошо, сказала
Аминта, улыбаючись сему восхи-
щенію. Вамъ бы по крайности
льсшишь мнѣ не надлежало.

Льсшишь? сказалъ онъ съ
важностію; Небо мнѣ въ помѣ
свидѣтель, что я весьма далекъ
ещѣ сего.

Изрядно, сказала она, желая перемѣнить рѣчь; но пожалуйте впредь не употребляйте такихъ выраженій, которыя бы заставляли меня сомнѣваться о вашей искренности.

Мудрено бы было льстить вамъ, сударыня; наивеличайшія похвалы нашлись бы всегда гораздо недоспашочны прошиву, шѣхъ, кои вы заслуживаете.

Еще - шаки! сказала Аминта.

Поверьте, сударыня, перехватила онъ, что лесть считаю гнусною подлостью; выраженія же, которыя все льстивыми называете, вырвались у меня истиннымъ ощущеніемъ и чувствительностію, которой не имѣвъ, я самъ бы себя презрѣлъ.

Цыпленокъ и зеленой горохъ были представлены, но щепно кормилица понуждала Говеля принявша за пищу. Глаза, усшрем-

ленные на Аминшу, ничего иного внимашь ему не позволяли. Добрая женщина, не возмогши убѣдись его въ семъ случаѣ, просила прогнать одну изъ спаринныхъ любимую ея пѣсню. Онъ отговаривался. Аминша присоединила также прозбы, имѣя на то свои причины. Какъ только услышала она его голосъ, то и оспалась увѣренною, что не онъ пѣлъ подъ ея окошкомъ. Послѣ Говелева къ ней свисхожденія, нельзя и ей было отказать ему также запѣшь. Звукъ ея голоса коснулся сердца Предиканшова; сноровившись какою-то могущественною пріятностію, казался прикованнымъ на своемъ спулѣ. Онъ слушалъ еще и тогда, когда она уже пѣшь переспала, и не помышлялъ вспасть, а еще меньше домой иди, до пѣхъ поръ, какъ кормилица увѣдомила его, что уже поздно, и что опасает-

ся, не беспокоило ли для Аминшы такъ долго сидѣть.

Пришедъ домой, онъ вздыхалъ, и вздохи сіи были первые, выпускаемые имъ о посредствѣнности состоянія своего. Однако же, говорилъ онъ, окидывая глазами свою комнату, и въ шоль маломъ уголкѣ обладаешь такою Аминшю могъ бы еще найти блаженство!

Бѣдный Префикашъ совсѣмъ забылъ причину сѣбланнаго имъ дому Эвина посѣщенія, и порученіе, возложенное на него Лордомъ Морпимеромъ. Сей же просилъ Говеля по исполненіи посольства своего ужинашь съ нимъ, и съ чрезмѣрной нетерпѣливостію ожидалъ его. Весьма превозвился, видя, что время шечешъ, а онъ не возвращается. Не умѣя обладать пылкостью чувствъ своихъ, пришелъ къ Говелю тогда, какъ онъ шолько что воз-

вращился. Спрашивалъ его съ нѣкоторою досадою, для чего не выполнилъ своего обѣщанія съ нимъ ужинашь? Говель въ смятеніи; одна только мысль господствовала надъ нимъ; въ замѣшательствѣ не умѣлъ найти никакого порядочнаго извиненія; говорилъ то, что была сущая правда, то есть, что онъ совершенно забылъ свое обязательство.

Я полагаю, сказалъ Моршимеръ смущеннымъ голосомъ, что вы тамъ препроводили пріятный вечеръ?

Сладчайшій! сказалъ Говель.

Часъ ошчасу умножалось неудовольствіе Лорда Моршимера, но болѣе однако же на самага себя, нежели на Предиканта. Раскаивался въ глупости своей, предлагивъ такое искушеніе спезямъ Говеля, и доставивъ въ немъ можешь быть себѣ соперника.

Ну! сказалъ онъ походя нѣсколько по комнашѣ, что же узнали вы о Миссѣ Дунфоршѣ.

О Миссѣ Дунфоршѣ? повшорилъ Говель, выходя изъ своей задумчивости. Ахъ! ничего.

Какъ ничего? сказалъ Лордъ Моршимеръ.

Ничего, прервалъ Говель, кромѣ того, что это Ангелъ!

Тогда - шо Лордъ Моршимеръ совершенно былъ увѣренъ, что вскружилась голова бѣднаго проповѣдника, и рѣшился послѣ сего произшествія впредь шаковыя дѣла самому для себя опправлять. Однако же упросилъ его рассказать ему о сей вечеринкѣ. Тотъ прогашельно изобразилъ ему оную, и онъ завидовалъ щаспливымъ часамъ, близъ Аминшы проведеннымъ.

Г Л А В А 6.

На другой день поутру во время завтрака Аминта получила письмо, которое Бешпи принесла ей. Она ожидала извѣстія отъ отца своего. Въ скорости развернула письмо, и къ великому своему удивленію читаетъ слѣдующее :

Къ Миссѣ Дунфорть.

„Лордъ Моршимеръ принимаетъ смѣлосшь увѣрить Миссѣ Дунфорть, что онъ до тѣхъ поръ не примирился самъ съ собою, пока не возможеть лично оправдаться въ замѣшательствѣ, ей причиненномъ отъ него въ Тудор-Галлѣ. Ежели крѣпость и доброта ея шакovy, какъ чершы лица ея о нихъ возвѣщаютъ : по скоро надѣется получить себѣ прощенье ; не сочтетъ однако же

преступленіе свое забытымъ, ежели Миссѣ Дунфортъ прерветъ посѣщенія свои въ Библіотеку. Лордъ Моршимеръ поставитъ себѣ за щастіе и честь, естли она можешъ находить въ Тудор-Галлѣ что нибудь удобное доставитъ ей забаву, или удо-стоишься ея вниманія.,,

17 Іюля . . .

Ошъ Лорда Моршимера! вскричала Аминша вся вспрезо-жена; я въ крайнемъ удивленіи!

Ахъ, Боже мой! сказала вос-хищенная кормилица.

Аминша дала ей знакъ мол-чашь, для шого что слуга былъ въ ближней комнашѣ. Она позва-ла Бешпи; скажи слугѣ, гово-ришъ она ей

Кормилица, прерывая ее и дергая за рукавъ, говоритъ въ полголоса: миленькая моя! напи-ши пожалуй хошь полспрочки

къ Милорду, хошь шолько для
люго, чшобъ показашь ему, какъ
вы прекрасно пишеше.

А м и н а не могла воздер-
жашь себя, чшобъ не улыбнуться;
но вырвавшись изъ рукъ доброй
женщины, и подходя къ слугъ,
просила его сказашь Милорду,
что она его благодаритъ за его
вѣжливосшь и благорасположеніе,
но что впредь ей не можно при-
ходить въ Библиошеку. Какъ
шолько возвратилась она въ ком-
нашу, то Мисприссѣ Эдвинѣ съ
прискорбіемъ пеняла ей, для че-
го она не хошѣла написашь. Ве-
личайшія дѣла, говоритъ она, по-
маленьку начинающся. Она не
понимала, для чего бы она шакъ
посшупала съ Милордомъ. Она со-
всѣмъ не шакова была къ сво-
ему Эдвину. Очень помню, гово-
рила она, что ни одной, ни ма-
ленькой не получала ошъ него
записочки, на копорую бы шак-

же письменно не ошвѣчала. Аминша старалась увѣришь ее, что пишашь ей въ семъ обстоятельствѣ не было никакой надобности, ни приличности. Довольное время провели онѣ въ сихъ спорныхъ разговорахъ, какъ пришедшіе изъ Тудор - Галла двое слугъ принесли небольшой ящикъ книгъ, надписанной къ Миссѣ Дунфоршъ, съ поклономъ отъ своего господина, кошерой скоро самъ будешь ей свидѣтельствовать свое почтеніе.

Извѣстіе сіе весьма смутило Аминшу; но смущеніе ея было смѣшено съ невольнымъ удовольствіемъ. Комната ея всегда находилась въ порядкѣ; однако же кормилица и обѣ дочери ея бросились осмашривашь, не возможно ли какъ еще лучше прибрашь ее; пошли искать въ саду новыхъ цвѣшовъ, и не прежде захошѣли возвращишья ош-

туда, какъ уже увидѣли Лорда Морпимера приближающагося къ дому. Аминта, открывъ ящикъ съ книгами, взяла одну изъ нихъ въ руки, дабы не подашь вида, что полько однимъ его приходомъ занималась.

Онъ входилъ съ видомъ вдругъ свободнымъ и почтительнымъ, и испрашивалъ прощенія въ принятой имъ въ Тудор-Галлѣ вольности. Аминта покраснѣла, и что-то проворчала въ замѣшательствѣ, причиненномъ ей таковою нечаянностію. Онъ ее просилъ сѣсть, и подвинувъ кресла, самъ сѣлъ подлѣ нее. Онъ говорилъ, что послалъ къ ней нѣсколько книгъ для заававы ея, пока до того времени, какъ она соблаговолишь сама бышь въ Библиотекѣ, какъ ее о томъ и просишь покорнѣйше, обѣщая, что ежели она удостоитъ придти туда, то Библиотека и му-

зыкальная зала будутъ для нее одной, и самъ онъ безъ повелѣнія ея не предстанетъ тамъ. Она благодарила его за учтивость, но продолжала упорствовать и склонилась на то. Лордъ Мортимеръ взиралъ на нее съ нѣжнымъ удивленіемъ. Трогательна для него была разность, встречаемая имъ между ею и большею частію видимыхъ имъ свѣтскихъ женщинъ, въ коихъ онъ часто замѣчалъ, что идоламъ убранства и моды жертвуютъ благоприспособленію, и даже красою ихъ. Легкій румянецъ, оживляющій щеки Аминны, весьма ясно означалъ невольное дѣйствіе ея скромности. Одежда ея замѣтельна была простию своею: платье ея было канифасное; покрывало, изъ прозрачнаго флера, предохраняло отъ зноя солнечнаго, не сокрывая лица ея, и придавая оному крошечное изображе-

ніе Мадамы Рафаэлевой , или Гвидовой ; прекрасные віющіеся волосы ея , развѣваясь , самага пояса касались , и сославляя букли , украшали лобъ.

Боже мой ! вскричалъ Моршимеръ : сколько образъ вашъ въ прошедшую ночь меня преслѣдовалъ ! Еслии я восхищенъ былъ упромъ , шо уже около вечера увидя васъ исполняющую благочестивыя должности , нашелъ взоры ваши и положеніе гораздо прѣвыше всего шого , что бы могло предсавишь себѣ воображеніе о красотѣ и пріятности. Плакивая одну изъ подругъ вашихъ , вы мнѣ небеснымъ казались швореніемъ . Я почувшвовалъ себя пронзеннымъ почшеніемъ и шакимъ чувшвомъ , кошорое до обожанія простиралось.

Смущенная сими похвалами , и дѣйшвіемъ рѣчи и взорова шрасшнаго Моршимера , Аминшѣ

едва понимая, что она дѣлаешь, оборачивала листы у книги, держимой ею въ рукахъ, какъ вдругъ увидѣла на первой страницѣ надписанное имя Графа Шербюри. — Шербюри! съ удивленіемъ сказала она.

Не знаете ли вы его? спросилъ ее Моршимеръ. Не знаю лично, сказала она; но уважаю и почипаю его, какъ наилучшаго и самаго истиннаго друга опцу моему.

О! какъ бы щасшливъ былъ сынъ его, вскричалъ Лордъ Моршимеръ, еспьлибъ могъ вдохнуть вамъ чувства, оказываемыя вами къ опцу его!

Сынъ его! повшорила Аминта, усшремляя взоръ на Лорда Моршимера. Такъ, прервалъ онъ; возможно ли эшо, чшобъ вы въ истинну не знали, чшо онъ опецъ мой?

Удивленіе ея нѣсколько минушь заставило ея хранить молчаніе. Отець ея никогда ничего не рассказывалъ ей о фамиліи Графа до тѣхъ поръ, какъ счелъ за нужное прибѣгнуть къ нему; а съ сего времени она споль была занята нещастіемъ отца своего, что не могла никакого дать вниманія ко всему тому, что во вселенной было чуждо для нее; никогда не слыхала она о Лордѣ Шербюри, пошому что Тудор-Галлъ не принадлежалъ ему, и оставленъ Лорду Морпимеру въ наслѣдство однимъ дядею.

Конечно, Милордъ, сказала ему Аминта нѣсколько оправившись, слыхала я называемаго васъ по фамиліи вашей; но обспояшельства, въ коихъ я находилась, не позволяли мнѣ сдѣлать къ тому довольное примѣчаніе.

Ахъ! не воспрещайше, вскричалъ Лордъ Морпимеръ съ плѣшишелою улыбкой, чптобъ дружество оццсвѣ ушвердилось шакже и между дѣтьми ихъ; и позволыпе, сказаъ онъ взявъ руку ея и прижавъ къ губамъ своимъ, чптобъ сей знакъ почтенія былъ пому залогомъ. Освѣдомлялся попомъ о началѣ знакомства ошца Аминпы съ Лордомъ Шербюри; но Аминпа отвращала снн вопросы. Она мыслила, чпто безъ позволенія ошца своего не имѣла права ошвѣчать на оныя, и чпто при состояннн, въ какомъ находилась она и ошецъ ея, не могла имѣть довольной осторожности. Чесполобие ея и нѣжность повелѣвали ей шакже скрывать отъ Морпимера почное положеніе ошца ея. Она не могла снести равнодушно и мысли той, чптобъ дашь знашь ему, чпто участь Фншзалана зависить

отъ Лорда Шербюри, не зная еще, выполнишь ли сей знашный Господинъ ожиданіе опца ея. Раскаивалась и въ шомъ, что хопя мало попустила себя проговориться о существующей связи между обоими опцами ихъ, и старалась опвратить рѣчь отъ сего разговора, въ чемъ Лордъ Моршимеръ и самъ ей помогъ; ибо проищаніе его слишкомъ велико было, дабы не догадаться, что приводилъ ее въ замѣшательство, и спрашивалъ у нее позволенія опять увидѣть ее. Хопя Аминша и весьма покушалась дать ему оное, но благоразуміе внушало ей отказъ, и она просила его не упорствовать въ шомъ. Неравенство, находящееся между нами, сказала она ему, запрещаетъ мнѣ принимать шаковыя посѣщенія; и говоря ему такъ, краснѣла, и вздохнувъ پوشуила глаза. Лордъ Морши-

меръ продолжалъ убѣждать ее, а она шверда пребывала въ своемъ отказѣ; но онъ не хотѣлъ оставить ее, не обязавъ около вечера придти въ одну часть Тудор - Гальскаго звѣринца, которую она еще не видала, и которую назначаетъ онъ ей для того, что она чрезвычайной и рѣдкой красоты. Просилъ у нее позволенія придти проводить ее сюда, чего она никакъ не хотѣла; и такъ принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, чтобы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея жилища встрѣтить ее.

Въ уреченный часъ она вышла, и нашла его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома ожидающаго ее. Какъ скоро только онъ обратился къ ней сильныя выраженія удивленія своего, цвѣтъ лица ея болѣе оживился; но не изъ однѣхъ вѣжливостей шаковыхъ состоялъ разговоръ Лорда

Моршимера ; оныя бы скоро отягошили нѣжный слухъ Аминты. Онъ касался различныхъ манерій ; чистота рѣчи его, справедливосшь примѣчаній , изобильное воображеніе , забавляли равно и занимали прекраснаго соповарища его. И дѣйствительно въ свойствахъ , поступкахъ и разумѣ Лорда Моршимера находилась оія щасливая смѣсь живоспи и крошоспи , копорыя забавляющъ умъ и занимающъ сердце ; никогда не препровождала Аминта сшоль сладчайшихъ и пріятныхъ часовъ. Приходя къ гуляню , которое онъ желалъ ей показашъ , признавалась , что не излишне выхвалялъ онъ красоты онаго. Пройдя многія весьма длинныя и пѣнистыя аллеи , пришли къ большому наилучшей зелености лугу , окруженному величественными деревьями , копорыя возвышаяся на землѣ , амфитеатръ со-

спавляли, и копорыхъ густая шѣнь и изобильное множество лисшьевъ возвѣщали, какъ говоритъ Мильшонъ, что птяжелые удары шопора никогда не успрашали Нимфѣ шого лѣса, и никогда не принуждали ихъ оставляшь сіе священное убѣжище. Лугъ шопъ съ пріяшною покашосшію просширался до маленькой излучисшой рѣчки, копорая въ чисшопѣ воды своей изображала близкіе предметы береговъ, и злато и пурпуръ украшающія небеса при захожденіи солнца. По шу сторону рѣчки въ нѣкопоромъ опдаленіи возвышалась гора, раздѣленная на бугорки и на небольшие зеленѣющіе рвы, и покрывалась благовонными кустами, коихъ цвѣшы пріяшнымъ запахомъ наполняли воздухъ. Лордъ Моршимеръ упросилъ Аминшу съсшь на простой скамьѣ, посшавленной прошивъ густаго дуба, пень ко-

пораго обвивался плющемъ. Не прошло нѣсколька минушъ послѣ того , какъ она сѣла, вдругъ царствующее вокругъ ихъ молчаніе прерывается благородною и пріятною музыкою , кошорая казалось происходишъ ошъ береговъ рѣки , какъ знакъ уваженія обитающей тамъ Наяды. Эхо горы повпоряло поны , съ великимъ искусствомъ посшепенно надуваемые , и придавало имъ могущественныя дѣйствія. Это было очарованіе ; и обращенные на Моршимера взоры Аминпы казалось говорили ему , что въ немъ находила очаровашеля. Насладясь ея удивленіемъ , онъ признался , что музыка сосшавлялась изъ его служителей, изъ кошорыхъ одинъ игралъ на рожкѣ , а другой на кларнетѣ , и посшавлены были въ ущелинѣ горы противъ нихъ. Не взирая на первыя свои заключенія о данной ей вечерней музыкѣ,

она возвратилась на эту мысль, что обязана ею Лорду Морпимеру; не нужно сказывать, что открытіе сіе утѣшало ее. Скоро утвердилась она въ сей мысли; ибо какъ она по убѣжденіямъ Лорда Морпимера опказывалась зацѣпъ, то онъ сказалъ ей, что напрасно не соглашаешься на то, потому что не въ первый разъ услышишь голосъ ея, да и его она уже слышала. Тутъ признался ей, что пѣсню Комвля онъ пѣлъ подъ ея окномъ. При извѣстіи семъ объяло Аминту небольшое замѣшательство, смѣшанное съ удовольствіемъ. Опъ смущенія сего скоро оправилась. Лордъ Морпимеръ проводилъ ее на средину простаго черезъ рѣчку сдѣланнаго моста, откуда музыканты могли слышать, чтобъ довольно хорошо акомпанировать ей, какъ и было имъ на то повелѣніе опъ

Морпимера. Нѣжныя и мелодическія ударенія голоса ея, по повсюряемая, по сопровождаемая уменьшеннымъ звукомъ рожка и клорнета, казались бышь гласомъ эхашой горы, и споль восхищительное производили впечатлѣніе, что упоенная душа мнила себя бышь пренесенною въ древнія поля Елисейскія, и раздѣляющею блаженство шамошнихъ жипелей.

Лордъ Морпимеръ въ первый разъ находилъ себя не въ состояніи изобразить все то, что онъ чувствовалъ; ошпуда проводилъ Аминшу въ лѣсокъ, гдѣ нашла она предспавленные плоды, мороженое, сливки, какъ бы очарованіемъ шуда принесенныя, ибо никого не видно было. Приближеніе ночи возвѣщило имъ о возвращеніи домой; но Морпимеръ не хошѣлъ ошпустить ея, не вкусивъ чего нибудь ошъ сего пріятнаго полдника.

Не могъ однако же Лордъ сей удовольствоваться видѣть Аминшу только часъ, или два въ вечернихъ прогулкахъ; и шакъ, приближаясь къ жилищу ея, спрашивалъ ее: не уже ли впредь только случаю и щасію встрѣпшсь съ нею онъ будетъ обязанъ удовольствіемъ видѣть ее? Снова убѣждалъ позволить ему упренія посѣщенія, обѣщая въ занятіяхъ ея не наводитъ ей ни малаго помѣшательства; что онъ будетъ доволенъ шѣмъ только, чтобъ бытъ близко ея, и читашъ ей что нибудь во время упражненія ея въ рукодѣльѣ. Спрошивленіе Аминшы непрестанно ослабѣвало. Наконецъ сказала ему, что съ обьясненными имъ договорами онъ бы могъ иногда приходишь. Легко догадающся, что онъ не преминавалъ воспользоваться симъ позволеніемъ; и пошому съ сего времени

не проходилъ ни одинъ день, въ которой бы онъ разными образы многіе часы не препровождали вмѣстѣ.

Оспорожность Аминты мало по малу спановилась менѣе жестока. Съ шѣхъ поръ, какъ узнала, что Лордъ Шербюри, благодѣтель родителя ея, былъ ошецъ Моршимеру, увѣряла себя, что не иначе могла взирать на сына его, какъ на простое знакомство. Поселившіяся въ ней чувства къ нему казались ей оправданными симъ открытіемъ, равно какъ и благодарностию, которою обязана она Лорду Шербюри за благодѣянія, ошцомъ ея отъ него полученныя, и думала, что оныя обязывали ее простирашь почтеніе къ сыну столь уваженія достойнаго отца. Не могла при томъ запрешить себѣ признавать въ Лордѣ Моршимерѣ достоинства, поощряющаго склон-

ность ея къ нему. Она находила его любезнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ. Не могла скрывать чрезмѣрнаго удовольствія, вкушаемаго ею въ обществѣ его, и едва считала должнымъ тайнить сіе, пошому что оное было настоящее послѣдствіе ея невинности и чувствительности. Наклонность къ нему называла дружбою. Но Моримеръ и адмиралъ упроницательны, чтобъ не видѣть въ ней нѣжнѣйшаго и живѣйшаго чувства. Усердными его стараніями и искренними угожденіями онъ такъ вкрался въ сердце Аминты, что учинился обладателемъ онаго прежде, нежели она сама примѣтила, и такъ, что впредь не могла уже избавиться отъ сего владычества. Онъ былъ собесѣдникомъ прогулокъ ея и утѣшителемъ въ прискорбіяхъ. Задумчивость, часто приходившая

омрачать ясность взоровъ милой сей дѣвицы, исчезала въ присушствіи друга сего, и разговаривая съ нимъ, всѣ печали забывала.

Много разъ Морпимеръ спарался получить отъ нее какое либо объясненіе о тѣхъ обстоятельствахъ, о коихъ нѣчто проговорила она при первомъ имъ учиненномъ ей посѣщеніи; и на кошорыхъ она вдругъ оспановилась. Аминша покраснѣвъ отвращала малѣйшій поводъ къ сему разговору. Нещасною уже считала себя отъ воображенія единого, чтобъ Морпимеръ узналъ, что Фитзаланъ въ горестномъ положеніи своемъ ожидалъ помощи отъ Лорда Шербюри; размышляла она, что ежели бы Лордъ Морпимеръ началъ убѣждать ее о семъ, и не мудроно ей было полагать, что сіе непременно случится, тогда уже не могла бы она вопрошивишься сказать

ему истинну; но до тѣхъ поръ твердо рѣшилась она не дѣлать ему о себѣ самой столь унижающую довѣренность.

Звѣринецъ и лѣса Тудор-Гальскіе составляли любимыя ихъ прогулки. Иногда сопровождаема была въ музыкальную залу; но какъ сіе рѣдко случалось, по Моршимеръ велѣлъ опнести къ ней люпню, на которой она также съ опымѣннымъ вкусомъ играла. И въ гротѣ маленькаго садика для него она пѣвала и игрывала. Въ семъ же самомъ убѣжищѣ онъ часто забавлялъ ее чтеніемъ, выбирая изъ лучшихъ Авторовъ пріятныя и прогашельныя піесы, къ кошорымъ сладость голоса его и истинныя выраженія прибавляли новыя пріятности; пошому что голосъ сей доходилъ до сердца и возбуждалъ чувствительность Аминшы гораздо болѣе, нежели самое повѣсшвованіе.

Часто бродя вмѣстѣ по лучшимъ вершинамъ долины, и разсматривая красоты, коими она усѣяна, и видя издали великій дубъ, раздѣляющій высокія горы отъ горизонта, Моршмеръ предавался своему краснорѣчію, чтобъ и образить восхитительныя сцены. и удивительныя взору представленія сею обширною частію земли; и всякой разѣ, какъ Аминна въ проснопѣ невинности своей оказывала ему желаніе увидѣть поближе сіи прекрасныя зрѣлища, онъ вздохнувъ обьяснялъ ей, что онъ бы самъ великое имѣлъ удовольствіе препроводить ее туда и представить примѣчанію ея красоты, копорыя никто бы не могъ почувствовать съ столь тонкимъ вкусомъ, какъ она.

Иногда сидѣли они на ближнемъ холму, съ котораго видѣли разсѣянныхъ туда и сюда

жителей сосѣднихъ избушекъ. Морпимеръ дѣлалъ описаніе блаженства смиренной жизни, препровождаемой въ такомъ убѣжищѣ съ предметомъ милымъ и нѣжно любимымъ. Проницательные глаза его обращались тогда на Аминшу, и казалось говорили ей, что она-то была единое твореніе, которое могло бы заставивъ существовать такой образъ жизни; и когда онъ спрашивалъ ея мнѣнія о семъ пріятномъ предлогѣ, ее разспройка, румянецъ и замѣшательство словъ обличали въ ней самыя шѣже чувства. Различные плоды и лакомства Тудоргальскія, не взирая на запрещенія, повсюрюемые Аминшою, ежедневно къ Э д в и н а м ъ присылаемы были. Иногда приглашали Лорда Морпимера обѣдать въ садовомъ грощѣ. Три недѣли, прошекшія въ такомъ пріятельскомъ и просномъ

обращеніи , привязали ихъ другъ къ другу гораздо болѣе , нежели бы могли по сдѣланъ мѣсяцы и годы , проведенные въ свѣтской шумности.

Г Л А В А 7.

Говель не безизвѣстенъ былъ о пріятныхъ часахъ , провождаемыхъ въ домѣ Эвина; паскался часто около онаго и хваталъ всѣ минушы опсущствія Лорда Моршимера , чшобъ предспавишься къ Аминшѣ. Движеніе его измѣняло чувствамъ , и Аминша посвзупала съ нимъ съ великою умѣренностію въ надеждѣ погасишь страсть , кошорая , какъ уже шогда начала она размышлять , была ужасна , когда безнадежна.

Говель сдѣлался добычею глубокой задумчивости не шоль-

ко собственно о себѣ самомъ, но отъ страха, копорой имѣлъ о безопасности и благополучіи Аминшы. Онъ боялся, чпобъ Лордъ Морпимеръ, какъ всѣ модные люди, превознесясь выгодно-спями богатства и породы своей, не вздумалъ бы обольстить сію молодую особу.

Онъ признавалъ его, эшо правда, за честнаго и добраго человѣка; но съ другой стороны видѣлъ въ немъ скорость и пылкость, и прелешалъ объ опасностяхъ, копорыя проходила съ нимъ невинная довѣрчивость Аминшы. Хопя уже для меня она не существуетъ, вскричалъ несчастный молодой человѣкъ, ахъ! не да существуетъ навсегда сія милая дѣвица для себя самой!

Многіе знаки имѣлъ онъ почтенія и дружбы Лорда Морпимера, и благодарность его обяза-

вала , при увѣдомленіи Аминшгъ о проходимыхъ ею опасностяхъ , не оскорбишь благодѣтеля своего. Онъ вздумалъ и пому и другому сей здравый совѣтъ подать на кафедрѣ , относясь вообще ко всѣмъ слушателямъ , уповая , что тѣ , къ которымъ особенно оный клонился , сами къ себѣ его примутъ , и ошанятъ на время предпріянія свои , ешьли оныя пагубны.

Въ слѣдующее Воскресенье , Лордъ Морпимеръ и Аминша присушествовали при служеніи , какъ ожидали шуда Говеля. Лавка Господина и ша , гдѣ находилась Аминша , были расположены одна прошивъ другой. Легко можно помыслить , что глаза ихъ часто встрѣчались.

Молодой Предикантъ возшелъ на кафедру ; текстъ его былъ взятъ изъ Пророка Еремія ,

и заключался въ слѣдующихъ реченіяхъ :

„Плачя плакася въ ноци, и
„слезы его на ланипѣхъ его, и
„нѣшь ушѣшай его отъ всѣхъ
„любящихъ его : вси дружащіеся
„сѣ нимъ отвергошася его, быша
„ему врази. „

Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ обьяснялъ сожалѣніе свое о томъ, что забвеніе правилъ нравоученія заспавляешъ его распространяшся о шой матеріи, которою намѣренъ заняшь своихъ слушателей. Началъ рѣчь. Описывалъ молодую особу, украшенную невинностію и красошою, сѣ отважностію идущую по степямъ добродѣтели, изрядствомъ воспитанія ей опкрытыми ; она соспавляешъ славу и ушѣху всему, что окружаетъ ее, какъ среди блаженства ея, скоропоспижная и неожидаемая напастъ повергаетъ ее въ пропасть бѣдъ.

ствій. Въ толь жестокомъ испытаніи величайшую помощь почерпаетъ она въ законъ и добродѣтели, напоющихъ душу ея. Сопровождаемая ими, не къ свѣту прибѣгаетъ любезная огорченная, дабы обрѣсти нѣкоторое утѣшеніе, но къ единому Богу, порже-спвенно обѣщавшему защищать праведнаго въ его печали. Одушевленная и утѣшенная, удобна она предаваться честнымъ упражненіямъ, дабы оными доспавишь себѣ возможность имѣть нужное въ жизни. Работу признавала она наилучшимъ знакомъ, ко-порой могла подать о покорности своей волѣ Небесъ, и въ ней находила спокойствіе совѣсти, ко-порого богашество одно доспавишь не можешъ. Тогда, какъ шакимъ образомъ вела она жизнь свою, увидѣлъ ее вѣроломный соблазнитель, назначаетъ ее себѣ въ добычу. Такъ какъ сія лю-

Безная не имѣетъ защиты, по
легко полагаешь уловишь ее хищ-
ростями своими чрезъ самую
благонадежность и легковѣрие,
предоставляемая невинностию.
Обольстивъ ее, становишься обла-
дашелемъ ея. Покрытая распла-
вленными имъ сѣпями, и скоро
покинутая вѣроломнымъ, котора-
го развращенность дѣлаетъ непо-
спорянымъ, вшорично повергаетъ
ся въ несчастія, и гораздо жесточайшія шѣхъ, каковыя прежде
побѣждашь ей надлежало. Какая
различность между первымъ и
впорымъ ея паденіемъ! Доброе
свидѣтельство ея совѣсти не до-
стаетъ уже защиты своей
прошиву обременяющей ея печа-
ли; опчаяніе заступаетъ мѣсто
надежды. Нѣтъ у нее друзей,
успокояющихъ горести ея, и
нѣтъ никакой сострадательной
души, помогающей сносить оныя,
обруганная можешь быть и ша-

кимъ нечувствительнымъ твореніемъ, которое опънаивящихъ погрѣшностей пѣмъ только сохранилось, что судьба не представляла ему подобныхъ искушеніи. Говель, произнося слова сіи, самъ пронушъ будучи объясняемыми имъ чувствами, невольно обратилъ глаза на Аминшу. Пронзенная его просьбамъ и умилительнымъ краснорѣчіемъ, она сама, поддерживая лице свое рукою, взоръ на него устремила. Моршимеръ взглядывалъ попеременно на Говеля и Аминшу, съ прискорбіемъ примѣчая въ ней произведенное имъ впечатлѣніе. Видѣлъ онъ нѣсколько слезъ, выкашавшихся изъ глазъ Аминшы; несчастія ея и происшествіе съ Бельгравомъ почти полагало ее въ описываемое Говелемъ положеніе. Лордъ Моршимеръ зрѣлицемъ симъ до чрезвычайности разшевожился, закры-

валъ себѣ лице -плашкомъ, дабы скрышь объявшае его движеніе, и не прежде успокоился нѣсколько, какъ по окончаніи службы. Аминша пошла домой, а Морпимеръ ожидалъ Говеля при выходѣ изъ церкви. Говель! сказалъ онъ ему, что за дьявольщина пришла вамъ въ голову дашь намъ сію предикку? Развѣ находите у себя въ приходѣ какую нибудь инприжишку, кошорую хошите испровергнуть? Говель смутился и опвѣчалъ невразумительно. Морпимеръ, идучи еще нѣсколько, шушилъ на сей счетъ, но веселость его была пришворная.

Въ первыя минушы знакомства его съ Аминшою, по всему слышанному имъ отъ Миссъ Абергвилли, и по собстввенному его примѣчанію, покушался мыслишь, что Аминша нѣчто тайное имѣла, и весьма свойспвенно было ему полагать, что сокровенность

еія какую либо погрѣшность заключала. Видѣшь молодую особу споль милую и прекрасную, оставленную въ крестьянскомъ домѣ, принужденную жить съ людьми, коихъ поступки и сообщество споль мало ей соотвѣтствовали; видѣшь ея пренебреженіе и замѣшательство при малѣйшемъ словѣ, касающемся до открытія причины ея удаленія: всѣ сіи обстоятельства легко способствовали возбудишь въ мысли Моршимера обидныя Аминшѣ подозрѣнія. Догадка заставляла его думать, что бѣдная дѣвушка впала въ какое либо заблужденіе, и лишилась чрезъ то покровительства родныхъ и друзей своихъ, что и принудило ее заключишься въ сіе убожище, и что не противно бы ей было встрѣишь случай оставишь оное. Послѣ сихъ размышленій полагаъ онъ, что безъ всякаго со-

мнипельства могъ онъ уступитъ желаніямъ, прелестями Аминшы въ немъ произведеннымъ. Находилъ также причину думать, что она сооружала уже предпріятіе вдохнуть ему къ ней склонность. Мисприсъ Абергвилли сказывала ему, что она о пріѣздѣ его уведомила жену Эдвина. Не сомнѣвался онъ, чтобъ сія новость не была сообщена Аминтѣ; и какъ она и послѣ сего продолжала по упряму и около вечера приходитъ въ Тудор - Галль, то ясно было, что она сама хотѣла предстать себя Милорду. Мисприсъ Эдвинъ въ истинну была извѣщена о пріѣздѣ Моршимера, но скрыла сіе отъ Аминты, опасаясь, чтобъ не прервашь посѣщеній ея въ Тудор - Галль, пошому что Мисприсъ Эдвинъ очень знала, что Аминта непременно бы то учинила.

По самой справедливости, Аминта предст. вляла въ глазахъ Мортимера всѣ свойства невинности: но наружность сія не могла совершенно ошврапитъ его подозрѣній; ибо онъ уже въ другихъ случаяхъ замѣчалъ иногда видъ честности и простоты, скрывающей коварства развращеннаго сердца.

Ахъ! говорилъ онъ самъ себѣ, отъ чего случается то, что милая женщина, отъ щедротъ Неба одаренная всѣми пріятностями, уничтожаетъ и главнѣйшую изъ оныхъ, то есть крошость? Въиренношю и забвеніемъ спыда лишаешься должнаго къ ней почтенія и уваженія, котораго бы никакъ не ошказашъ ей не могъ?

Не одной себѣ вредитъ она чрезъ то; она ослабляетъ добродѣшель, изощряетъ прошиву себя спрѣлы посмѣянія, и вразум-

ляепъ людей сооружашъ сѣпи
къ уловленію ея.

Горящаго солнца мы убѣга-
емъ, и преслѣдуемъ его тогда,
какъ умѣряетъ оно жаръ лучей
своихъ. Распуспившаяся во всей
красотѣ своей роза не сшоль
къ себѣ влечетъ, какъ та, копо-
рая только что развертывается;
и, по выраженіямъ нашихъ луч-
шихъ новѣйшихъ Авторовъ, пре-
леснѣйшія пріятности суть тѣ,
копорыя щцаются сокрывашъ себя
опъ взоровъ.

Лордъ Морпимеръ никогда
не слыжалъ, чшобъ Графъ опецъ
его произносилъ имя Дунфорша;
и по сей-шо причинѣ считалъ
возможнымъ не очень довѣряться
словамъ Аминшы о связи ея се-
мейства съ Лордомъ Шербюри, а
наибо. ъе и пошому, что видѣлъ
ее всякой разъ съ замѣшатель-
ствомъ опвращающую рѣчь, какъ

только доходила она до сей ма-
шеріи.

Скромность ея казалась ему
припворною, и льстился, что не
на долго поддержишѣ оную.

Таковы были виды и распо-
ложеніе Моршимера при первыхъ
сѣ Аминшою свиданіяхъ; но она
перемѣняла вѣ немѣ оныя по мѣрѣ,
какъ находясь сѣ нимѣ, гораздо
свободнѣе, доставила ему мно-
жество случаевъ познать вѣ
ней тѣму почтенныхъ качествъ,
твердость и справе ливость
разума ея, крошѣ ь, каждую
рѣчь сопровождающ. Дары сіи
и добродѣтели ея вдохнувѣ ему
великое удивленіе, толчасѣ осла-
били и совсѣмѣ разсѣяли подо-
зрѣнія его, и сѣ тѣхъ порѣ
оставилѣ онѣ первыя предпрія-
тія свои, копорыя сіи самыя
подозрѣнія внушали ему. Любовь
сѣ почтеніемѣ соединилась и
удивленіе уваженіемѣ умножилось.

Тогда только находилъ себя щасливымъ, какъ бывалъ подлѣ нее и опвращалъ мысль свою опъ послѣдшвій, которыя опъ такой привязанности рано или поздно произойти долженствуюшъ; но напослѣдокъ упоение любви удалило опъ него размышленія, произведенныя въ немъ рѣчью Говеля въ церквѣ. Съ важностію самъ себя вопрошалъ, какіе виды его были въ разсужденіи Аминшъ? Къ законному соединенію съ сею любезною особою онъ видѣлъ столь великія препятствія, что сожалѣлъ, такъ какъ по обыкновенно дѣлаюшъ соврашась съ пущи начертаннаго разсудкомъ, для чего не бѣжалъ пошчасъ, какъ замѣшилъ опасность. Препоны сіи казались ему столь непреоборимы, что онъ принималъ иногда намѣреніе прервать знакомство съ Аминшою, еспьлибъ могъ найши сред-

ство разстаться съ нею, не навлекни какой либо непріятности добруму ея имени споль усердно извъявляемыми ей угожденіями.

Но прежде нежели взяшь послѣднее рѣшеніе, хотѣль попробовашь узнатьь, какое въ самой почтності было положеніе Аминты. Даже удаляясь отъ нее, великимъ бы для него было утѣшеніемъ вѣдать, не можешъ ли онъ бысть ей полезенъ; и какому бы приномъ расположенію ни вздумалъ онъ послѣдовать, познаніе сіе всегда бы нужно ему было. Для того чрезъ письмо просилъ онъ сестру свою, Лади Араминту Дормеръ, которая находилась тогда съ Лордомъ Шербюри въ деревнѣ, провѣдашъ отъ отца его, не зналъ ли кого имени Дунфорта, и прислашъ ему объясненія, которыя моглибъ получишь о фамиліи сей и о положеніи оной. Просилъ ее приномъ,

не давашь знать, что сіи вопросы ошъ него происходили, говоря ей, что послѣ увѣдомилъ ее о причинѣ шому. Онъ продолжалъ угожденія свои Аминшѣ, съ неперпбливоспю ожидая отвѣта на письмо свое. Смертельное было для него неудовольствіе слышать ошъ сестры своей, что Лордъ Шербюри никогда никого имени Дунфоршане знавалъ. Тутъ-но возвратились первыя сомнѣнія его; но прежде нежели совершенно имъ предашь, разсудилъ опнестись къ самой Аминшѣ, и не споль опвлеченными вопросами узнать ошъ нее, когда и какъ онецъ ея соединенъ былъ пріязнію съ Лордомъ Шербюри, рѣшился, ежели она безъ замѣшательства и ясно будетъ ему опвѣчашъ, сообщитъ Лади Араминшѣ всѣ полученныя ошъ Аминшы объясненія, дабы увѣришь, что опвѣшъ Лорда Шер-

бюри былъ единое дѣйствіе забвенія его. Когда онъ выходилъ изъ лѣса въ намѣреніи идти увидѣть Аминпу, то замѣтилъ Эдвина и жену его возвращающихся изъ города, въ копорой носили они на рынокъ дичь и плоды. Подумалъ онъ, что люди сіи по прошествіи своей могли ему все рассказать, что знаетъ ему желалось о настоящемъ положеніи Аминпы, и избавивъ его отъ тягостной необходимости предлагать ей вопросы, на которые можетъ быть и отвѣчать она не хотѣла, развѣ только узнавъ подлинныя причины, по копорымъ оныя дѣлаются, отъ чего Моршимеръ весьма удаленъ былъ.

Онъ остановился подождать Эдвиновъ, и подходя къ нимъ съ обыкновеннымъ ему благопріятствомъ, спрашивалъ ихъ, удачно ли продали шоваръ свой. Они

съ почтеніемъ отвѣчали ему. Онъ предложилъ имъ отдохнуть на минушу въ замкъ, ибо казалось, что они очень устали. Добрымъ симъ людямъ весьма лестна была такая ласковость, зашли сопровождаемы хозяиномъ дома, кошорой пошчасъ пошелъ приказашъ принестъ имъ чтонибудь для прохлажденія ихъ. Кормилица, довольно распоропная женщина въ своемъ сорпѣ, въ минушу догадалась, что дѣлая имъ такое привѣщствіе, цѣль его была провѣдашъ ошъ нихъ чтонибудь касающееся до Аминшы. Какъ скоро только онъ вышелъ: Давыдъ! сказала она своему мужу, скидая свой передникъ и порядочно складывая его: такъ вѣрно, какъ то, что вопѣ эшо яицы, что молодой Лордъ не для чего инова просилъ насъ зайши къ себѣ, какъ для шого, чшобъ вывѣдашъ ошъ

насѣ что нибудь объ Аминѣ. Она такъ хороша, что и не дивно любопышество его узнать, кто она; но надобно намъ быть поосшорожнѣе и не сказать ни сѣ лишкомъ много, ни сѣ лишкомъ мало. Ешъли мы скажемъ много, шо она можешъ досадовашъ, да и спросишъ, откуда мы шолько узнали; и не имѣла бы объ насѣ шоль хорошихъ мыслей, ешълибъ могла подозрѣвашъ, что мы болшали объ ней сѣ Жемми - Гавпорномъ, какъ онъ ее изъ Лондона сюда провожалъ. Намъ шолько шеперь ошашаешся сказать ему нѣсколькo словъ о ея положеніи, чшобъ дать ему пушь самому о прочемъ дѣлать ей вопросы, такъ она сѣбъ какъ разумѣешъ, такъ и будешъ ошвѣчашъ. Не забудь же эшова, Давыдъ. — Хорошо, перехвашилъ Давыдъ, надѣйся на меня: старой солдатъ шакже гладко о сѣмъ

смыслишь, какъ и всякой другой. Послѣ сего вошли они въ залу, гдѣ Моршимеръ ожидалъ ихъ. Трудно ему было уговорить ихъ сѣсть за столъ, на кошорой поставили имъ холоднаго мяса и вина. Лордъ Моршимеръ спрашивалъ Эдвина, доволенъ ли онъ своимъ опкупомъ, и въ добромъ ли состояніи домъ его. Миѣ очень хорошо, отвѣчалъ ему Эдвинъ, много благодаря его за привѣпливый вопросъ. Лордъ Моршимеръ потомъ началъ говорить о его семействѣ. Слава Богу! робяпишки мои добрые парни будутъ. Лордъ Моршимеръ, не добираясь еще до пункта столь близкаго сердцу его, смущался и приходилъ въ замѣшательство; наконецъ расположа себя какъ можно лучше, спрашивалъ у нихъ, долго ли еще Мисъ Дунфортъ здѣсь пребудетъ? Пришла оче-

редь кормилицѣ отвѣчать; а до сихъ поръ она сидѣла улыбаясь на Милорда и дѣлая ему поклоны, отвѣчала она, смотря по обстоятельствушвамъ. Бѣдная молодая госпожа, прибавила она, находишь себя и здѣсь щаспливою, хопя маленькой нашъ уголокъ очень различенъ отъ того, какимъ она наслаждалась. Опцуея должно бышь весьма безъ нее скучно, сказалъ Лордъ Морпимеръ. Конечно такъ; любезное дитя весьма нужно къ его благополучію, сказала кормилица; но ежедневно странности на свѣтѣ случаются. Я бы никогда не воображала, чшобъ сей бѣдной баринъ принужденъ былъ разлучиться съ своею дочерью. А что же бы такое случилось, что его къ тому понудило? вскричалъ Лордъ Морпимеръ, топчасъ остановясь среди комнашы, по которой ходилъ онъ до сихъ поръ. Корми-

лица отвѣчала ему, что хотя ей никакъ не прилично вмѣшиваться въ дѣла людей выше себя, но какъ Милордъ, такой жалоспливой, такой доброй и ласковой, ничего о томъ не знаетъ, то не можешь она удержаться, чтобъ не сказать ему, что Аминта не то совсѣмъ, чемъ бытъ она кажется. Однако, Милордъ, прибавила она, ежели бы она узнала, что я вамъ о томъ рассказываю, то никогда бы мнѣ сего не простила. Бѣдная дѣвушка! она бы въ отчаяніи была о томъ, что узнали ея положеніе, хотя она не первая, съ которой повстрѣчался злой человекъ; но да будетъ проклятъ сдѣлавшій несчастіе ей и опцу ея!

Лордъ Моршимеръ довольно изъ того понялъ. Всѣ его сомнѣнія объяснились и подозрѣнія его ожили; онъ не хотѣлъ, да и

не могъ далѣе продолжашъ вопросы. Ясно казалось ему, что Аминша не заслуживала его почета, и подробное свѣдѣніе обстоятельствъ, учинившихъ ее недоспойною онаго, послужило бы только къ бесполезному его мученію. Позвонилъ съ досадою, и приказавъ Мисприссѣ Абергелли сдѣлать компанію двумъ Эдвинамъ, ушелъ, полагая, что тогда имѣлъ онъ причину и случай прервать съ Аминшою знакомство, ни мало не укоряя себя, чтобы чрезъ то могъ повредить чести ея. Но открытіе сіе, вмѣсто доставленія ему удовольствія, преисполнило его печалію, униженіемъ и опчаяніемъ; видъ честности и простоты гораздо болѣе, нежели красота Аминши плѣнили душу его, и принудили рѣшиться; чтобы, ежели впрочемъ найдетъ ее достойною себя, то для соединенія съ нею пре-

одоле́ть всѣ препятствія. Досада его была чрезмѣрна, помышляя, что Аминша имѣла только личину прелестныхъ ея качествъ, и что представляла оныя единственно для того, чтобъ разсвѣпить ему сѣшь, и что ложная ея крошость была лишь вѣрнымъ ей средствомъ принудить его сдѣлать ей честныя предложенія. Менѣе почитая ее, началъ находить ее менѣе прекрасною, и мыслилъ, что пристойно бы наказалъ ее, и благородную бы одержалъ надъ самимъ собою побѣду, естли бъ преодолѣлъ спрась свою, или по крайности забылъ бы предметъ, возродившій оную. Наполненъ сими мыслями и досадою за обманъ, которому онъ полагалъ себя бытъ добычею, рѣшился потчасъ исполнить предприятие, сопровождающее его въ Валлиское Княжество, и посѣ-

жить пріятеля своего на Англескомъ островѣ. Но сколь слабы рѣшенія, и самая досада противъ любви! Едва приказывалъ о приуготовленіяхъ къ своему отъѣзду, какъ уже опять отсылалъ коляску, увѣряя впрочемъ, что перемена сія не была дѣйствиемъ какого либо ослабѣванія перваго рѣшенія его. Говорилъ самъ себѣ, что еще долѣе оставшись въ Тудор - Галлѣ, не выдавъ ея и не осудомляясь о ней, весьма бы доказалъ ей, что она не имѣетъ шѣхъ могущественныхъ и побѣдоносныхъ прелестей, какъ о томъ мыслилъ. Послѣ сей хорошей выдумки переменяетъ планъ жизни въ Тудор - Галлѣ. Съ пріѣзда своего отъ всѣхъ приглашеній съѣздей онъ постоянно отказываясь, чтобъ только существовать для одной Аминты, впредь рѣшился соглашаться на оныя. Сіе служило еще въ

добавокъ средствъ къ поддержа-
нію его рѣшенія не видашь Амин-
ты и изгнать ее изъ мысли
своей. Но сей былъ самый лож-
ный изъ всѣхъ путей провести
его къ назначенной имъ себѣ
цѣли. Сообщество, въ которое
онъ пускался, было столь раз-
лично отъ вкупаемаго имъ, что
безпрестанное сравненіе одного
съ другимъ уму его предста-
влялось, и всегда съ выгодою
Аминты. Пошерявъ покой, сдѣ-
лался грустенъ, и на послѣдокъ
чувствовалъ, что для приобрѣще-
нія нѣкотораго успокоенія и ка-
кого либо благополучія надлежа-
ло опять узрѣть Аминту. Очень
также предвидѣлъ, что если-
либъ она отказала принять пред-
ложеніе единое токмо, которое
послѣ полученной имъ объ ней
мысли ей представилъ можешь;
то весьма бы онъ былъ неща-
сливъ: сколько нужнымъ для

него сдѣлалось сообщество сей любезной дѣвицы, и столько онъ былъ уловленъ крошестію поступокъ и прелестями лица ея! Онъ принялъ сіе намѣреніе за большимъ споломъ у Баронета, сосѣда его, откуда весьма скучившись послѣ обѣда рано уѣхалъ, чшобъ отправишься къ Эдвину.

Бѣдная Аминта не была покойна во все продолженіе сего времени. Первый день опсупствія Моршимера она имѣла нѣкоторое прискорбіе, которое принуждала себя разсѣивать, помышляя, что какимъ нибудь дѣломъ былъ захваченъ. На другой день не оставляла своей комнаты, всякую минушу надѣясь увидѣть его; но скоро надежда сія уничтожилась. Услышала она, что одинъ изъ дѣшей Эдвиновыхъ рассказываетъ другимъ, что онъ встрѣтилъ великое собраніе гостей къ Сиру Левисъ въ Сен-

ризъ, и между прочими Лордъ Моршимеръ; служители Милорда сказывали ему, что въ прошедшій день господинъ ихъ обѣдалъ у Г. Жонеса, гдѣ было множество госпешей, и ввечеру балъ. Сердце Аминшы пронзаешся симъ повѣствованіемъ. И такъ не дѣла, но удовольствіенные выѣзды препяшествовали Лорду Моршимеру ее видѣшь. Часто выражалъ онъ, что сіи ложныя забавы не были для него столь приманчивы съ шѣхъ поръ какъ узналъ, говаривалъ онъ, пріятность ея сообществова; слѣдственно говоря такимъ образомъ, онъ не имѣлъ искренности, или къ ней перемѣнился. Осуждала себя, для чего позволила ему продолжашъ посѣщенія и оказывашъ усердіе; укоряла его за расшочаемыя ей услужливости, какъ за обманъ, на которой бы не надлежало ему пушкаться, полагая безъ сомнѣнія

что онъ по дѣлалъ какъ въпре-
ной и непостоянной человѣкъ. Во
зло оскорбленнаго самолюбія, про-
ливала она избыльныя слезы;
по щастію никто не примѣчалъ
оныхъ. День для нее казался
безконечной долгой, и ни на что
не могла обратить вниманія
своего. Около вечера она вышла,
чтобы въ уединенной прогулкѣ
предаться всей своей печали.
Убѣжала она пужи, ведущаго къ
Тудор - Галлу, и не зная, какимъ
образомъ шла дорогою, лежащею
къ дому, гдѣ Лордъ Моршимеръ
обѣдалъ. Погруженная въ мы-
сляхъ своихъ, она тихо спупа-
ла, не занимаясь ничемъ окру-
жающимъ ее, какъ вдругъ шо-
рохъ приближающагося къ ней
человѣка извлекаетъ ее изъ за-
думчивости; она оборачивается
и видитъ предъ собою самый
шопъ предметъ, который един-
ственно занималъ ее. Во всемъ

смущеніи и удивленіи повинуюсь движенію честолюбія, х о ш ъ л а уйши; но какъ размыслила, что съ такою поспѣшностію и споль примѣшнымъ образомъ убѣгая Моршимера, польстила бы самолюбію его. Остановилась выслушашь усердные вопросы его о состояніи ея здоровья. Ошвѣчала ему на то съ пришворною холодностію, и намѣревалась продолжашь свою прогулку, но Лордъ Моршимеръ остановилъ ее; взявъ руку ея, спрашивалъ, для чего она такъ спѣшила убѣгашь его? Аминша иначе не ошвѣчала, какъ шолько просила оставишь ее. Ни для чего вѣ свѣшѣ, вскричалъ онъ, до шѣхъ поръ, какъ вы вѣ посшупкахъ со мною не уменьшите жестокости. Ахъ! ешлы бы знали вы, что я прешерпѣлъ вѣ печеніи двухъ дней, не видя васъ, то бы вы сжалились надо мною. Сердце Аминшы шрепешало ошѣ

удвольствія ; но скрывала она движеніе свое , разсуждая , что великая была прошивность между скрываемою имъ печалію и разбѣздами въ пріятныя собранія. Оскорбляясь мыслію , что Морпимеръ обьяснялъ ей неощущаемое имъ чувствіе , болѣе еще дѣлала усилія , чтобъ вырвать руку свою , но не могла успѣшь въ томъ. Онъ видѣлъ , что она въ истинну досадовала , и тѣмъ еще болѣе увѣрился о успѣхахъ своихъ въ сердцѣ Аминшы. Какъ она сшоль горячо принимала его небрежность , то безъ сомнѣнія великую полагала цѣну вниманію его. Не показывая ей , что сіюто замѣчалъ причину оказываемой ею холодности , оправдался , говоря съ нѣкоторою справедливостію , что недавно полученное имъ письмо такъ сильно встревожило его , что сдѣлало неспособнымъ къ сообществу , и что

онъ упошребилъ сіе время печали своей и грустныхъ мыслей, удовольствовашь приглашенія шѣхъ, копорымъ непремѣнно когда нибудъ да должно оказашь сію учшивость, дабы не разспроишься съ сосѣдами своими, и что чрезъ то предопредѣлялъ для нее минушы, въ которыя возврашишь душевное спокойшвіе, къ наслажденію ея сообществомъ пошребное. Симъ обьясненіемъ облегчалось сердце Аминшы; опъ любимаго предмета легко извиненіе принимается. Она подняла глаза, до сихъ поръ пошупленные, щеки покрылись румянцемъ, пріятная улыбка невинности и любви всѣ чершы лица ея украшала. Казалось забыла она на шопъ часъ, что рука ея крѣпко держалась Лордомъ Моршимеромъ; ибо она не старалась вырвашь оную; не препяшшводала, когда онъ легко сжималъ ее въ своихъ, и

попустила вести себя въ любимое ихъ гудянье въ Тудор - Гиллѣ. Краснѣя, но съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ слушала она выражающаго Лорда Морпимера съ большимъ еще жаромъ, нежели какой былъ въ прежнихъ его разговорахъ и спростныхъ объясненіяхъ. Что иное могла понимать проспосердечная, невинная Аминша, какъ не то, что онъ имѣлъ намѣреніе, соединяя ихъ судьбу, утвердить себѣ сосбщество, которому онъ сшоль высокую полагалъ цѣну? Что могла заключить она, какъ не то, что открышо хошѣлъ обѣяснить ей сіе намѣреніе? Мысль сія была надмѣру ей пріятна, чшобъ не произвесшь въ ней сильнаго волненія. Тогда, какъ продолжали они прогулку свою въ лѣсу, небо, бывшее во весь день покрышо облаками, вдругъ пошемнѣло, и возвѣщало насшупающую бурю. Лордъ Мор-

шимеръ болѣе тому не пропи-
вился, чшобъ она возвратилась
домой; но едва лишь выступили
они на ту дорогу, какъ молнія
умножилась и жестокой прескв
грома эхомъ горъ повпорялся.
Тудор - Галль находился гораздо
ближе, нежели ея жилище. Лордъ
Моршимеръ къ дому онаго ша-
щилъ Аминшу, но не успѣли еще
они достигнуть покрова, какъ
заспалъ ихъ сильнѣйшій дождь.
Лордъ Моршимеръ схватилъ съ
Аминшы шляпу и шаль, копорыя
были совсѣмъ намочены, и спра-
шивалъ чаю и кофе, попому чшо
Аминша отъ всякаго другаго
полдника отказалась. Воэхищен-
ные глаза его на нее успремле-
ны были: никогда не видалъ онъ
ее столь прелесшну! Отъ по-
спѣшности, съ какою шли, цвѣшъ
лица ея оживился, прекрасные
кудревашые и ясноспію шолку
подобные волосы ея въ пріят-

номъ безпорядкѣ около нее раз-
вѣвались; глаза ея живѣйшимъ
огнемъ блиспали; тогда же, какъ
являлось въ оныхъ милое смуще-
ніе, производимое удовольствіемъ,
нѣжными попеченіями Лорда Мор-
шимера причиненнымъ, онъ не
могъ болѣе воздержать чувствъ,
колеблющихъ сердце его. О! ка-
кое благополучіе! вскричалъ онъ.
Не удивляюсь, находя всякое со-
общество несноснымъ послѣ на-
слажденія вашею бесѣдою. Гдѣ
бы нзшелъ я столько пріятно-
сти и чувствительности, душу
столь крошкую и разумъ столь
оживленный, столь восхититель-
ную красоту и столь хорошую
о ней безизвѣстность? О любез-
ная Аминша! какъ сладостно по-
печешъ жизнь для того, кто съ
вами провождаетъ ее спанешъ!...
Аминша принуждала себя умѣ-
рять его восхищенія, но она ими
была нѣжнѣйше шронуса; ибо

признавала ихъ за изображенія
чистой любви и чистой привер-
женности чрезъ осязаемое сю
въ томъ удовольствіе; не забы-
вала однакожъ благоприсойно-
сти. Чаю напились; небо почи-
стилось; она объяснила, что хо-
четъ идти; Лордъ Моршимеръ
убѣждалъ ее помедлить; и дабы
склонить ее къ тому, показы-
валъ въ окно, что дождь еще не
совсѣмъ унялся, и какъ онъ пре-
рвется, обѣщавъ самъ проводить
ее; между тѣмъ просилъ ее про-
пѣть арію. Аминца не могла
ему въ томъ отказать. Но слу-
шая ее, онъ съ такою силою
выражалъ свое восхищеніе, что
она бывъ тѣмъ устрашена, по-
слѣ первой арии, не езярая на всѣ
его прозбы, встала изъ зафор-
шепано. Спрашивала свою шля-
пу и шаль, которыя Мисприсъ
Абергвилли унесла просушить.
Наконецъ Лордъ Моршимеръ съ

нрудомъ повинясь, опсправилсѣ
сыскашь ихъ.

Аминша подошла къ окну, прошивъ кошораго видъ былъ прекрасный; небо спало чисто, зрѣлись въ немъ только одни легкія облачка, края которыхъ украшены были пурпуровымъ цвѣтомъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Деревья были живѣйшей зелености; на лисьяхъ оныхъ видны еще блиспающія капли воды, освѣжившей ихъ; надъ долиной простиралась прекрасная радуга, священный залогъ примиренія Бога съ чловѣками. Вся Природа казалась оживающею и одушевленною. Пшцы воспѣвали ихъ милья пѣсня, и слышно было бляеніе спадъ, пасущихся на ближайшихъ пригоркахъ. О! какъ прелесненъ видъ сей! какая каршина восхишительная! вскричала Аминша съ восшоргомъ, какой зрѣлищемъ

Природы, въ ея тишинѣ и свѣ-
жести, не пропускаетъ никогда
возбудиться въ душѣ благочестивой
и чувствительной.

Въ истинну прелестенъ видѣ
сей, повпорилъ Лордъ Морпи-
меръ, кошорой входилъ и увѣ-
рялъ, что шляпу ея сей часъ
принесутъ; но я удивляюсь оно-
му для того, что вы удивляетесь
ему со мною; безъ васъ глазамъ
моимъ не предспавлялъ бы онъ
сполько пріятностей. Скажите
мнѣ, вскричалъ онъ схватя ея
за руки: на что сія поспѣш-
ность меня оставишь? Найдете
ли вы гдѣ нибудь шакое суще-
ство, кошорое бы споль дорого,
какъ я, цѣнило вашу бесѣду?
Найдете ли вы сердце нѣжнѣе,
и кошорое бы споль было вамъ
предано, какъ мое? О моя любез-
ная Аминта! крайне бѣ вы об-
манулись; подумая о томъ.

Аминша краснѣла и ошвра-
щала лице, не вѣ сосшояніи бу-
дучи ошвѣтшвовашь. Ахъ! на
что, продолжалъ онъ, преслѣ-
дую ошвращаемые Аминшою взо-
ры; на что же намъ разлучаясь
еще дѣлать впредь самихъ себя
нешасшными?

При сихъ словахъ Аминша
подняла на него глаза съ уди-
вленіемъ, кошорое ясно во взорѣ
ея означалось. Лордъ Морши-
меръ понялъ смыслъ сего движе-
нія: онъ позналъ, что до сей
минушы она полагала вѣ немъ
различныя намѣренія ошъ шѣхъ,
кошорыя онъ вѣ шчности имѣлъ.
Безчеловѣчно бы было долѣе ос-
тавляшь ее вѣ семъ заблужденіи.
Безъ церемоніи обнявъ ее клялся,
что жизнь его безъ нее кошоря-
ла бы всѣ свои пріятности; что
всю ее желалъ бы посвящашь на
услуги ей, и что богашство и

сердце его совершенно были бы ей преданы.

Аминта, съ трудомъ вырвавшись изъ рукъ его , съ нѣкото-рою важностію спрашивала , что онъ разумѣлъ чрезъ шо? Вопросъ и видъ, съ каковымъ произнесенъ оный , удивили и смутили его ; но вспомнивъ , что сія-шо была минуша извясненія , отвратилъ глаза и въ прерывающихся словахъ далъ ей выразумѣшь свои надежды, желанія и намѣренія. Удивленіе, ужасъ и негодованіе на нѣсколько минутъ повергли Аминту внѣ самой себя; но пош-часъ собравъ чувства и присущ-ствіе духа, съ удивительною швердостію поспѣшно удаляясь отъ него, бѣжала къ двери. Лордъ Моршимеръ останоилъ ее. Куда идете вы, Аминта, вскричалъ онъ, находясь въ такомъ, какъ вы теперь, замѣшательствѣ?

Удаляюсь отъ гнуснѣйшаго изъ человекѣвъ, сказала она, спараясь уйши. Онъ заперъ дверь и убѣждалъ ее сѣсть. Бывъ смѣшенъ и приведенъ въ ужасъ взорами Аминшы, ясно видѣлъ, что печаль и опчаяніе, представляемая ею, не были прищворны; что глубокое и ужасное волненіе, каковыя она испыывала, происходили единственно отъ чистыхъ и нѣжныхъ чувствъ, которыя онъ оскорбилъ въ ней. Румянецъ лица ея исчезъ, и мѣсто онаго заступила смертная блѣдность; мушныя глаза ея, усурменныя въ землю, выражали уныніе и злощасіе. Лордъ Моршимеръ началъ думать, что онъ жестоко ошибся въ мысляхъ о свойствахъ милой сей дѣвицы, или по крайности о настоящемъ расположеніи ея; и мысль оскорбить добродѣтель, или водворить раскаяніе, была для него громовымъ уда-

рождѣ. О дражайшая! вскричалъ онѣ, сжимая руку Аминпы въ своихъ рукахъ: какое намѣреніе ваше, такъ грубо шеня остав-ляя?

Мое намѣреніе, Милордѣ, сказала она ему вспавая, столько же теперь легко понятъ, какъ и ваше. Я удаляюсь навсегда отъ человека, кошорый подѣ видомъ усердныхъ попеченій сооружалъ прошивъ меня столь мерзкій умыселъ. Довѣрчивость моя могла послужить вамъ заба-вою, но недоставила вамъ ника-кого повода къ побѣдѣ. Нѣжностъ, кошорую вы чаяли вдохнуть мнѣ, и въ коей признаюсь, была про-изведена во мнѣ воспріятими мною мыслями о добродѣтели ва-шей; она исчезаетъ теперь съ ослабленіемъ, давшимъ ей бытіе. Невинное чувство сдѣлалось бы впредь порочнымъ. О Небо! пре-должала она, сжавъ руки съ шре-

непомѣ и ушопая въ слезахъ: не уже ли меня, кошорая ешь чадо нещасія, Лордъ Моршмеръ считалъ возможнымъ принести въ жертву безчеловѣчной любви? Рукою ли сына Лорда Шербюри долженъ быль сей ударъ нанесенъ нещасному Физзалану?

Лордъ Моршмеръ запрепеталъ. Физзаланъ! повпорилъ онъ за нею. О Аминша! на что скрыли вы отъ меня истинное ваше имя? и что же могъ я заключить изъ сей пайны?

Все, что бы вы ни захотѣли, оказала она ему. Я весьма равнодушна ко мнѣнію обо мнѣ такова человека, кошораго уже не почитаю болѣе. Однако же, продолжала она, чтобъ не оставалось вамъ никакова извиненія въ вашемъ прошивъ меня неспуцкѣ, знайте, что имя мое скрывала я только по повелѣнію отца моего, кошорой, пришедъ въ нещаснѣй-

шее положеніе, предосторожностъ сію считалъ нужною для меня.

Увы! вскричалъ Моршимеръ, сія - шо пайна стубила меня, повергнувъ въ заблужденіе, которое я во всю жизнь мою opakливашь спану. О. Аминша! удоспойше: выслушашь обспояшельства, доведшія меня до сей злощасной ошибки, и шогда я буду въ глазахъ вашихъ меньше виновнымъ, нежели шеперь кажусь; вы найдете для меня нѣкоторое и звиненіе.

Нѣтъ, Милордъ! я не допущу болѣе добровольно себя обманывашь; а сіе бы непременно произошло, ежелибъ я думала, что вы можете извинишь, какимъ бы шо ни было обспояшельствомъ, поступокъ вашъ, или шо, что вы называете заблужденіемъ своимъ.

Естьли бы для привлеченія вашего вниманія упошребляла я

какую нибудь хитрость, или какое жеманство: тогда бы вы были можешъ бышь извинительны; но когда вы меня преслѣдовали, я удалилась, и узнавъ только, что вы сынъ Лорда Шербюри, благодѣтеля отца моего, я попустила себѣ принимать ваши посѣщенія. Позволила же вамъ продолжать ихъ для того, что онѣ вамъ были пріятны. Несчастная вѣжливость! безчеловѣчный Мершмеръ! сколь мало вы великодушны! и сколь много употребили вы во зло мою доверчивую простоту!

Оканчивая слова сѣи, она еще приблизилась къ двери. Успрашенный взоромъ ея, смятенный своими укоризнами, мучимый угрызениями совѣсти, и нѣсколько инрокушый тѣмъ, что она отказывала выслушать какое либо защищеніе, онъ выходу ея болѣе не прошивился. Слѣдовалъ за нею

однако же за воропы. Чего пребуете вы, Милордъ, сказала она ему, слѣдуя за мною?

Хочу васъ въ безопасности препроводить къ вамъ, перехватилъ онъ съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ досадою.

Лордъ ли это Моршмеръ, сказала она, успрямивъ на него взоръ, кошорой предлагаешся защищать мою безопасность?

Онъ топнулъ ногою, и съ же сш о о сш і ю ударивъ себя рукою въ лобъ, вскричалъ: вижу, ясно вижу, что я преврѣнный въ глазахъ вашихъ! Но, Аминца, я не могу снести вашихъ укоризнъ. Дайте мнѣ нѣсколько минушъ, и вы увидите, что я не столько оныхъ заслуживаю, какъ вы по себѣ воображаете.

Она не отвѣчала ни слова; но ошчасу болѣе поспѣшала

уйши, до шѣхъ порѣ, какѣ уже не далеко. онѣ дома онѣ еще оспановилѣ ее, и сѣ видомѣ заблужденнымѣ сказалѣ ей: не возможно мнѣ такимѣ образомѣ различиться сѣ вами! вы взираете на меня какѣ на послѣднѣйшаго изѣ чловѣковѣ; вы гоните меня изѣ своего сердца! Я спановлюся вѣ ономѣ ужасомѣ вашимѣ.

Справедливо, Милордѣ, ушвердишельно сказала она ему.

Какѣ! раскаяніе мое не удобно заспавишь васѣ забышь мое заблужденіе?

Не раскаяніе, сказала она, прогаешѣ васѣ, а сожалѣніе, что не успѣли вѣ намѣреніяхѣ вашихѣ.

Нѣшѣ, сказалѣ онѣ ей; божусь вамѣ вѣ шомѣ всемѣ, что еспѣ священнѣйшаго. Одно шолько угрызеніе совѣспи сохранию во всю жизнь мою, что имѣлѣ ешоль оскорбительную для васѣ

мысль. Но я вамъ повшорю: ежели вы удостоите меня выслушать, шо не сполько найдете вы меня виновнымъ. Увы! сдбайте мнѣ сію милосшь, оставьте мнѣ упованіе, что моя жизнь еще можешъ бышь вамъ посвященна, и что шакимъ образомъ по крайности опчасши возмогу поступокъ мой оправдать въ глазахъ вашихъ. Ахъ, дражайшая Аминша! (упадая къ ногамъ ее) не удаляйте меня отъ васъ тогда, какъ несу вамъ мое раскаяніе.

Безполезны убѣдительныя ваши прозьбы, повшорила Аминша. Онъ всшалъ въ опчаяніи; шакъ-шо, сказалъ онъ, съ шакрою - шо. холодною нечувспвительностію оставленъ я Аминшою! Но скажите мнѣ шолько, что вы меня не ненавидите; скажите мнѣ шолько, что не гнусно вамъ воспоминаіе о шѣхъ пріящ-

ныхъ часахъ, кошорые вы мябъ позволяли проводить съ вами.

Онъ былъ блбденъ и пренещущъ, и нбсколькo слезъ капились изъ глазъ его. Аминта не могла удержашъ своихъ; она опвращила лице, чшобы скрышь ихъ; но онъ примбшилъ оныя. Вы плачете, сказалъ онъ ей, любезная А м и н т а ! наконецъ прогаешъ васъ нбкощорое обо мнб соспраданіе!

Нбшб, нбшб, Милордб! сказала она ему: я знаю и вбрю, чшо вы имбете нбкощорую чувствившельность; и мысль, чшо вы сами себя жестоко укоряете за вашб проливб меня поступокб, опнимаешб у меня возможное дблать вамб новыя укоризны. Но, Милордб, воспользуйтесь угрызениями вашими, чшобб защитишь себя ошб спрасшей, опровергаемыхъ добродбтелію, и кошорыхъ разумб оправдашь не

можетъ. Такъ говорилъ Ангелъ; и поученіе важное и строгое, данное молодостию и красою, приняло во устахъ ея непобѣдимую пріятность. „

Аминша избавилась наконецъ отъ рукъ Лорда Моршмера; и вошедъ въ свое жилище, съ шоропливостію заперла ворота. Кормилица увидя, ее, ужаснулась взоровъ ея. Она слышала отъ одного изъ своихъ сыновей, что Аминша, во время грозы, скрылась въ Тудор-Галлѣ; увидѣла ее безъ шаля, безъ шляпы, лице блѣдное, волосы въ беспорядкѣ, и немогущую опвѣчать, какъ только вздохами и слезами.

Что такое, любезное дитя! что съ вами приключилось?

Облегченная слезами своими, Аминша сказала кормилицѣ, что она нездорова, и размысливъ о крайней неприличности продол-

Жасть свиданія съ Лордомъ Морпимеромъ, она ее просила, естъ-ли онъ ояшь придетъ, не впускашь его.

Добрая женщина покачала головою, и сказала, что безъ сомнѣнїя между ими произошла какая нибудь ссора; но ежели Лордъ учинилъ что либо не прїятное ея любезной Аминшъ, то она его засшавишъ раскаявашься. Аминна очень запреща-ла ей никогда ни слова не говорить о шомъ Лорду Морпимеру; и принудивъ ее дасть обѣщаніе, чшобъ не принимашъ его болѣе въ своемъ домъ, ушла въ свою комнату, слаба, усшала и нещасна. Полковникъ Бельгравъ оскорбилъ добродѣтель ея и про-нулъ чесполобіе, но онъ не пронзилъ шопъ чувствительный пунктъ сердца ея, котораго Морпимеръ одинъ достигнуть могъ.

Разрушилась пріяшность, до сихъ поръ услаждающая горестна ея. Одушевляема живѣйшею досадою, она была убиша печалію обманутой любви. Увы! родитель мой! вскричала она: вошѣно вѣрное и спокойное убѣжище, которое вы чаяли для меня обрѣсти. Жестокая ошибка! меньше надлежало мнѣ спрашиваться порока, представляющагося съ дерзкою наглостію, нежели добродѣтели, покрытой обманчивою личиною. Грубость Бельграва предувѣдомила меня объ спасеніи, но сама невинность моя расположила довѣренность мою къ Моршимеру, и благонадежность заслупила мѣсто подозрѣнія. Не уже ли опредѣлено мнѣ бышь жертвою жестокости и лукавства людей, и выключая сердце нѣжнаго отца моего, не уже ли найду я всѣ прочія преисполненныя ко мнѣ

обмана и предательства? Увы! ежели въ юныхъ лѣтахъ преждевременная опытность свѣта заставляешъ насъ шерять довѣренность и надежду, какую же сохранить намъ пріятность бытіе наше? Унылая душа, сама собою сжимаясь, не дорожитъ болѣе жизнью. Бельгравъ хотѣлъ моего безчестія, но Моршимеръ одинъ могъ смерщельнымъ ударомъ пронзить печальное сердце мое. Ахъ, Моршимеръ! опъ швоей шолько руки могла я получить споль жестокой ударъ; опъ шебя, копорого признавала моимъ кровешелемъ, шоварищемъ^с и другомъ.

Моршимеръ съ своей спороны былъ добычею всѣхъ горешей, копорыя можешъ испышывашъ искренняя душа, опягченая укоризнами опъ самой себя, получаемыми за великую погрбщность. Самое непримиримое

мщеніе не могло бы излишь ему жесточайшаго наказанія предѣшбмъ, кошорому подвергали его собспвенныя угрызенія совѣспи. Развращенная спраспъ, приведшая его въ минушное заблужденіе, пошеряла все свое владычеспво, и чеспъ и разумъ взяли надѣ нимъ обыкновенную и приличную дмъ власпъ. Размышляя о свойспвѣ невинности, единообразномъ и швердомъ, каковое всегда заключали посшупки Аминшы, не могъ себѣ проспипъ ни сомнѣній своихъ, ни дерзости, какую имѣлъ, оказавъ ихъ оскорбипъ ея. Приводя же на мысль печали, ею понесенныя, озлоблялся на самого себя за то, что умножилъ ихъ.

Ахъ, моя любезная Аминша! вскричалъ онъ, несчастія швои, равно какъ и добродѣшель швоя, не должны ли бы шебя свѣ

ценнѣйшимъ учинить для меня предметомъ?

Находилъ онъ еще нѣкошорое облегченіе мыслишь, что получишь отъ нее позволеніе, представишь ей всѣ обстояшества, доведшя его къ столь обидному ей и къ столь недостойному его поспупку. Объясненіе шакого рода долженствовало бы возвращишь ему привязанность и довѣріе Аминшы, и порѣшишь ее приняшь то, что онъ пошчасъ нимѣренъ предложишь ей, то естъ руку свою; ибо гордосшь и самолюбіе не могли ему болѣе бышь препонами къ возмездію, кошорымъ казалось долженъ Аминшѣ. Ежели же бы оное не было приняшо, то онъ не могъ бышь щасливѣ. Аминша была ему дороже жизни его, и не въ силахъ былъ представляшь себѣ блаженство, къ кошорому бы Аминша не была главнѣйшимъ

средствомъ. Съ пылкостью въ
спрасняхъ своихъ, не смогъ онъ
рѣшиться подождать до завтра
объяснить ей свое раскаяніе,
испросить ея прощеніе, и сообщитъ
о намѣреніяхъ своихъ. Приближался
онъ къ дому Эдвины, и готовый уже
положить руку на задвижку воротъ,
остановился, не желая симъ крестья-
намъ оказать своего стыда и
замѣшательства. Все въ домѣ
предалось сну. Луна крошкѣй-
шій лучей своихъ изливала на
сію соломенную кровлю, и ни
одинъ листокъ дерева не колеба-
лся ни малѣйшимъ въпромѣ.

Щасливые обитатели по-
лей! говорилъ самъ себѣ печаль-
ный Моршимеръ: въ нѣдрѣ удо-
вольствія и невинности, сонъ
сладостно сжимаетъ зеницы ва-
ши! Моя Аминта, также какъ и
вы, покоится; ибо, равно какъ и
вы, она невинна. Обходя вокругъ

дома, онъ увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ; подошелъ и сквозь стекло узналъ, что пошла сама Аминна, которая съ смущеннымъ видомъ ходила по комнатамъ своей, подносила платокъ къ глазамъ своимъ, дабы упереть слезы. Зрѣлище сіе привело его въ себя самого. Обременялъ себя пысачью проклятій, укоряя въ томъ, что былъ виною пролитія слезъ сихъ. Ударилъ часъ по полуночи на часахъ ближняго городка; Великій Боже! вскричалъ онъ, сколько еще протечетъ оныхъ, прежде нежели возмогу пасть къ ногамъ милой жертвы! отъ сладчайшаго гласа ея испросишь себѣ прощенье, и (какъ онъ льстилъ самому себѣ) въ ѡсхищеніяхъ нашего примиренія прижмешь ее въ шрепещущему отъ нѣжности и радости сердцу моему, какъ ту, которая впредь должна быть неразлучный товарищъ жизни моей.

Наконецъ Аминша погасила огонь; онъ не могъ еще рѣшиться идти искать покоя, и продолжалъ, какъ несчастная шѣнь, бродить около дома до нѣхъ поръ, какъ начало разсвѣшанья. Увидѣлъ крестьянъ, идущихъ на работу, и удалился, чтобъ не быть примѣченнымъ ошъ нихъ.

Г Л А В А 8.

Какъ скоро только думалъ Моршимеръ, что можетъ увидѣшь Аминшу, спѣшилъ идти въ домъ Эдвина. Кормилица хранила обязанность, не дѣлала ему никакой укоризны; но ея сердитый видъ довольно показывалъ, что она была на него въ досадѣ, и что полагала его въ чемъ нибудь виновникомъ предъ ея любовью дѣшящей. Миссъ Фишза-

ланъ, сказала она ему, очень больна, чтобъ принимашь посѣщенія (ибо Лордъ Моршимеръ спрашивалъ о здоровьѣ Миссы Фипзаланъ, проклиная имя Дунфоршъ, которому онъ относилъ, большую часть несчастнаго проливъ нее учиненнаго поступка). Кормилица говорила ему сущую правду о нездоровьѣ Аминцы. Движеніе было надмѣру велико, для столь нѣжнаго сложенія; поупру посѣтила ее лихорадка и удерживала въ постелѣ. Въ уныніи, которое овладѣло ею, она желала только уединенія. Прежде сего съ нетерпѣливостію ожидала возвращенія дня, для того, что наслаждалась съ Моршимеромъ прохладностію благорасшвореннаго воздуха и упреннею шишиною; но теперь уже бо-дѣ не ждала Моршимера.

Около вечера Моршимеръ дѣ-
лалъ новыя покушенія; и нашедъ,

Елену одну, послалъ ее просить покорнѣйше Аминшу принять его. Она вспавала; и Мистриссѣ Эдвинѣ чай для нее гошовила. Румянецъ покрылъ лице ея: скажи ему, отвѣчала она Еленѣ, что пребываніе его удивляетъ меня, и что рѣшеніе мое уже отъ меня ему объявлено, чтобъ онъ въ другихъ мѣстахъ искалъ сердца, сходнѣйшаго съ своимъ, и чтобъ болѣе не превожилъ покоя моего. Морпимеръ всѣ слова сіи слышалъ, дожидаясь въ ближней комнатѣ, и въ опчаяніи вышелъ изъ дома. Чрезъ минушу послѣ пришелъ шуда Говель, и узналъ отъ Елены всю ссору. При сей вѣдомости тайная въ сердцѣ его возродилась надежда, и просилъ онъ Елену чрезъ полчаса придти къ нему въ вершину, что въ концѣ сада, въ намѣреніи поручить ей тогда какое нибудь посланіе къ Аминшѣ.

Какъ Предикантъ никогда не оказывалъ Миссѣ Фитцаланъ никакихъ исканій, копорыя бы въ очахъ простонародія могли подать мнѣніе, что онъ занятъ ею, и какъ онъ свободно разговаривалъ и смѣялся съ Еленою, то дѣвушка сія взяла себѣ въ голову, что Говель сдѣлался ея обожашелемъ; и когда Шипова къ ней приверженность возбуждала завись въ сосѣдкахъ ея, то сколько уже велико будетъ порожество ея, естли побѣдила преновѣдника! Обольспясь сею надеждою, старалась получше нарядиться къ свиданію, Говелемъ ей назначенному. Тогда какъ занималась она сею важною заботою, зошелъ честной и вѣрной Шипъ въ праздничномъ платьѣ своемъ. Онъ зашелъ за нею, чшобъ вводить ея въ панцамъ. При первомъ сдѣланномъ о шомъ предложеніи, Елена надулась; полю-

Билея ей поспупокъ, какимъ Амине-ша оправила Моршимера, и краснорѣчивое препорученное ей посланіе. Вздумала послѣдовашь сему примѣру.

Тимоеей! сказала она ему, шуда и сюда вершя головою: и подумашь не лъзя, какъ не у мѣспа швое предложеніе; и мнѣ никакъ не благоприсшойно принять оное. Скажу тебѣ, Тимоеѣюшка, продолжала она, поднимая конецъ своего передника и вершя оный, дабы болѣе придашь себѣ пріятности, что смѣлосшь швоя меня удивляешь; не безпокой меня болѣе увѣреніями о любви; ищи между швого сорпа людей сердца подобнаго своему, и не шревожь моихъ удовольсьвій.

Шипъ съ минушу пребылъ въ молчаніи, какъ бы съ шрудомъ понимая, что она ему говорила. Наконецъ, Еленушка, сказалъ Шипъ, вся эша красивая рѣчь, я думаю,

значитъ то, что намъ съ по-
бою больше не чего говорить!

Это правда, подтвердила
жеманная Елена. Очень хорошо,
сказалъ онъ съ великимъ движе-
ніемъ; придешъ шакое время,
Еленушка, когда попужишь, что
такъ худо поступила съ доб-
рымъ парнемъ, который любилъ
тебя! и послѣ сихъ словъ онъ
съ скоростію вышелъ.

Разряженная Елена сама на
себя съ великимъ удивленіемъ
взирала, и приугошворялась не-
къ чему иному, какъ къ скорому
полученію руки. Предиканша; на-
шла его въ назначенномъ къ сви-
данію мѣстѣ, сбли они на ска-
мѣечкѣ. Елена! сказалъ онъ ей
взявъ ее за руку: думаеше ли
вы, чтобъ для меня оспавалась
какая либо надежда?

Безъ сомнѣнія, правду ска-
зашь, Г. Говель, говорила она ему
съ видомъ и пономѣ жеманства:

это для меня весьма странной
опѣ васѣ вопросѣ.

Но, сказалѣ Говель, можешѣ
бышѣ ссора прекратитсѣ.

Нѣтъ, божусѣ вамѣ! сѣ жи-
востію перехватила она; вы
единственнo и причиною оной
были.

Возможно ли! вскричалѣ онѣ
вѣ испуленіи опѣ удоволь-
ствіѣ. И такѣ я могу говоритсѣ
о моей спраспѣ?

Ахѣ! любезный мой Госпо-
динѣ Говель! вы очень поспѣш-
ны. Развѣ думаете вы, спросилѣ
онѣ ее, что она слишкомѣ боль-
на, дабы со мною увидѣшьсѣ?

Больна! Кшо?

Кшо! прервалѣ Говель. Да
Миссѣ Фипзаланѣ (ибо сѣ шой
минушѣ, какѣ Елена узнала, что
Лордѣ Моршимерѣ извѣстенѣ о
настоящемѣ имени Аминшѣ, она
не преминовала увѣдомитсѣ о шомѣ
Говеля).

Миссѣ Фитзаланѣ! повтори-
ла Елена, перемѣняясь въ лицѣ.

Такъ, Елена! любезная и ми-
лая Миссѣ Фитзаланѣ, копорую
я люблю гораздо болѣе, нежели
бы возможно было, что о томъ
скажешь, или представишь въ во-
ображеніи.

Простише Еленины надежды;
она не могла скрыть своей горе-
сти, и слезы ея полились. Пре-
думавшѣ съ искреннимъ участі-
емъ спрашивалъ о причинѣ ея
печали. Хотя щещеславна, но
овкровенна была, и не могла при-
дуриться. На что, сказала она
ему, зашѣвали вы со мною такіе
разговоры? Я считала . . . и по-
томъ вы на меня смошрѣли
такимъ образомъ но напо-
сѣдокъ о томъ уже ни слова
Солѣ; я думаю, что всѣ мущи-
ны обманщики.

Слезы Елены и прерываю-
щаяся рѣчь ея начали въ Гове-

лѣ производить подозрѣніе о истиннѣ, и чувствительная душа его оскорблялась мыслию, что причинилъ ей печаль. Въ неперпѣніи однако же узнатьъ обѣ участи своей, спрашивалъ Елену, возможно ли ему было увидѣть Аминшу. Она ему съ нѣкоторымъ прискорбіемъ отвѣчала, что она о томъ ничего не знаетъ, и грубо оставила его, дабы удалиться домой, гдѣ она горестъ свою облегчила пролипіемъ испочника слезъ. Для нее было весьма прискорбно нарядиться съ такимъ щаніемъ и напрасно. Рѣшилась идти на танцы, ушѣшая себя пословицею, что хорошо жить съ запасомъ. Хотя Шипъ не былъ столько же пріятенъ, какъ Священникъ, но всеѣмъ шѣмъ не стыдно было съ нимъ показаться. Дорогою встрѣтился съ нею мальчикъ, которой подалъ ей письмо отъ Шипа.

Увѣрена будучи, что она подастъ поводъ къ примиренію, спѣшила развернуть его, и читала слѣдующее :

„Елена ! послѣ швей ко мнѣ жестокости не могу болѣе здѣсь оставаться ; не въ силахъ уже буду отъ добраго сердца шопоромъ спукнуть ; всякое деревцо, всякая былинка прибавитъ мнѣ несчастія, напоминая о любви къ бѣдному Шипу милой дѣвицы, копорую нѣжно любилъ, и копорая уже болѣе меня не любитъ. И такъ, когда получишь письмо сіе, я буду тогда въ службѣ на одномъ изъ кораблей Королевскихъ, и, Богъ вѣсть, увидимся ли мы когда нибудь ; но, какъ бы шо ни было, я всегда буду любить Елену, хошя она и могла бытъ споль безчеловѣчна прошивъ своего вѣрнаго слуги

Тимоея Шипа. „

Такимъ - то образомъ щеще-славіе Елены скорое получило наказаніе. Нѣсколько дней печаль ея была жестокая ; но она облегчилась попеченіями Аминшы , которая подавала ей надежду нѣкогда увидѣшь своего бѣлаго героя.

Говель упросилъ наконецъ о свиданіи , и осмѣлился говорить о своей спрасши. Аминша благодарила его за оказанныя къ ней чувства ; но сказала ему , что она никакъ не можетъ по желанію его отвѣчать на оныя , увѣряла при томъ въ почтеніи своемъ и искренной дружбѣ.

И такъ я симъ однимъ довольствоваться спану , сказалъ онъ. Печаль и обманушыя надежды суть не новыя для меня вещи ; и когда несчастія мои надѣбру опягошашъ сердце мое , я мысль мою опнесу къ вамъ , какъ къ Ангелу хранищелю , и

по крайности на нѣсколько минутъ облегчу симъ бремя мое.

Лордъ Морпимеръ различныя дѣлалъ покушенія увидѣть Аминшу; но всегда тщетно. Онъ писалъ, и письма его не были получаемы. Наконецъ, помощію одной жипрости, успѣлъ выпросить свиданіе. Вспрѣшился онъ со вторымъ сыномъ Эдина, возвращающимся изъ города, имѣя съ почты письмо къ Миссѣ Фипаланъ. Не трудно было Морпимеру выманить оное у мальчика, сказавъ, что онъ пошчасъ самъ опнесетъ его къ ней. И въ самомъ дѣлѣ онъ полетѣлъ къ Эдину. Теперь, сказалъ онъ, неумолимой Аминшѣ непременно должно показаться, еслили только хочешь получить свое письмо. Кормилица пришла ей сказать, что Лордъ Морпимеръ дожидается ее съ письмомъ къ ней съ почты. Она отказалась

появляясь къ нему, и требо-
вала письмо. Божусь, что я ее
не обманываю, сказалъ онъ; но
не хочу никому, кромѣ собствен-
ныхъ рукъ ея, отдать конвертъ
сей.

Эпо весьма безчеловѣчно, ска-
зала Аминша, выходя изъ своей
комнаты. Подайте мнѣ письмо,
и просягивала руку съ нетерпѣ-
ливостію получить его.

Еще другое условіе оснанае-
ся заключить, сказалъ Морпи-
меръ. Я пребую, Миссѣ Фишза-
ланъ, чтобъ вы оное письмо въ
присутствіи моемъ прочитали.

Великій Боже! какъ вы му-
чите меня, вскричала она!

Согласны ли вы на шо? про-
должалъ онъ.

Хорошо! сказала она, и при-
няла письмо изъ рукъ его.

Сильнѣе еще возчувствовалъ
Морпимеръ печаль и угрызенія
свои, когда разсмащивалъ по-

блѣднѣвшее и гораздо перемѣнившееся лице Аминты, которая тогда читала слѣдующія строки ошца своего :

„Сообщая тебѣ о благополучіи нашемъ, любезная Аминта, облегчаю сердце свое отъ всего претерпѣннаго мною въ нѣскольکو мѣсяцовъ нашей разлуки. Отри слезы твои, любезное дитя мое ! ты, которая столь рано познала несчастіе. Источникъ бѣдъ нашихъ иссушается чрезмерно благоспсію Лорда Шербюри, который учинилъ для меня гораздо болѣе, нежели я желать могъ, доставивъ мнѣ средство сдѣлать впредь мою Аминту щастливою, столько по крайности, сколько посредственное состояніе можетъ способствовать къ благополучію. Въ будущемъ моемъ письмѣ я извѣснюсь пространнѣе, а теперь минушы свободной не имѣю; что конечно

извинитъ краткость настоящаго. Добрая Эдвина порадуется, узнавъ благопріятную переѣзную дѣль отца любезной его Аминши.

Августъ Фитцаланъ.,,

Аминша не могла удержатъ движенія своего. Письмо выпало изъ препенущихъ рукъ ея. Возвела на Небо омоченные слезами глаза свои, и съ самою прогашельною чувствительностію сказала: благослови Великій Богъ! благодаренія отца моего за столь доброе дѣйствіе, и да не посѣлшитъ его никогда печаль и несчастіе!

Кто сей щастливый смертный, вскричалъ Моршмеръ, который заслужилъ, чтобъ Аминша обращала къ Небу столь усерднѣйшую о немъ молитву?

Смотрите, сказала она ему, подавая письмо. Внутренно радовалась, что въ сію минушу могла

предъ глаза его представить доказательство сказаннаго ею о связи отца ея съ Лордомъ Шербюри.

Лордъ Морпимеръ весьма пронупъ былъ письмомъ симъ. Глаза его наполнились слезами. Онъ опворопился, чтобъ скрыть движение свое. Напоследокъ, нѣсколько поправясь, подошелъ къ Аминтѣ и сказалъ ей: не уже ли тогда, какъ столь прогашельно молише о благополучіи отца, рѣшились сына повергнуть въ бездну отчаянія? Ежели чистосердечное раскаяніе можетъ изгладить вину и удостоиться милосердія, то вамъ должно просить меня.

Аминта всшала, съ намѣреніемъ удалиться; но Морпимеръ схватилъ ея руку. Не думаете ли вы, говорилъ онъ, чтобъ я захопль поверять столь долго изыскиваемый мною случай, и

которой съ такимъ трудомъ нашель, дабы оправдать поступокъ мой предъ вами? Какимъ бы образомъ ни было принято оправданіе мое, для себя самого я долженъ предспавить вамъ оное; ибо, какъ никогда добровольно не оскорблялъ невинность: то не могу снести, чшобъ признавали меня за похищителя оной и невѣдующаго правъ ея. Между заблужденіями, въ которыя весьма часто повергала меня неосмотрительная молодость, никогда сердце мое не имѣло укоряшь меня какимъ либо дѣйствіемъ, оставившимъ въ совѣсти моей жало угрызенія: добродѣтель всегда для меня была священна, а особливо несчастная добродѣтель.

Аминта почти столько же довольна была видѣшь Моршимера въ состояніи оправдать себя, какъ и онъ самъ, получа возможность защищиться. Она опять сѣла, и

внимала его. Онъ объяснялъ всѣ обстоятельство, приведшія его въ заблужденіе, касательно принятаго имъ мнѣнія о ней. Восхищеніе Аминпы было чрезмѣрно. Когда она, выслушавъ его, признавала, что онъ всегда былъ милый, великодушный, благородный Морпимеръ, каковымъ она въ мысляхъ своихъ начершала его, вновь пошекли слезы удовольствія, столь же сладостныя, какъ шѣ, которыя она нѣкогда съ нимъ проливала: ибо, какое чувство восхищенія того, чтобъ найти еще заслуживающимъ наше уваженіе тошѣ предметъ, которой любить никакъ себѣ воспрепятствовать не можемъ! Такъ-то, продолжалъ Морпимеръ, впалъ я въ столь грубое заблужденіе; заблужденіе же сіе много сожалительно для меня только потому, что вамъ нанесъ онымъ прискорбіе; а

впрочемъ оно гораздо болѣе, нежели бы могло по сдѣлать всякое другое обстоятельство, доставило мнѣ познанія о превосходныхъ качествахъ души вашей, и оно — по удалило меня отъ предразсудковъ, которые имѣлъ я въ разсужденіи вашего пола. Хотя они не совсѣмъ безъ основанія, но вы представляете онымъ споль знаменише исключеніе. Ежели бы всѣ женщины въ подобныхъ вашимъ обстоятельствахъ такъ поступали: то меньше бы слышно было жалующихся на вѣроломство и вѣтренность мужчинъ.

Теперь всѣ мои намѣренія къ тому только спремяшся, чшобъ скорѣе именовать васъ своею с у п р у г о ю : блаженство жизни моей отъ вашего рѣшенія зависитъ. О! любезная моя, сдѣлайте его благопріятнымъ, и позвольте, чшобъ я писалъ къ

Г. Физзалану, пребуя соизволенія его на величайшее благо, копорое шолько можеть чело-вѣкъ подобному себѣ доставить, любезную жену, одаренную всѣми качествами и всѣми дарованіями, кои вы въ себѣ соединяете!

Аминта услышавъ, что Моршимеръ хочеть опнестись къ Физзалану, чтобъ отъ него испросить ее, не сомнѣвалась болѣе о честныхъ намѣреніяхъ его. Въ собсшвенномъ своемъ сердцѣ нашла она гораздо краснорѣчивѣйшаго ходатая, нежели самъ Моршимеръ. Не подавала она ему руки своей, но не преляшпствовала взять ее. И такъ я прощенъ, сжимая оную, сказалъ Моршимеръ! Дражайшая Аминта! цѣлые годы нѣжныхъ попеченій никогда не вознаградытъ такое щастіе!

Какъ скоро первыя восхищенія утикли, онъ писалъ къ Физзалану. Сказывалъ Аминтѣ,

что просилъ у него скорбѣйшаго отъвѣта. Юная пара о благополучіи своемъ сообщила Эдвину, котораго Лордъ Моршимеръ щедро наградилъ за вѣрность ихъ къ Аминшѣ, и самъ извинялъ нѣсколько грубыя выраженія ихъ, упошребляемыя ими иногда, къ опдаленію его, видя, что происходили оныя отъ простоты ихъ и усердія угодишь Аминшѣ. Не осуждалъ также способа, которымъ достигли они правды кой-что о положеніи Аминшты, выпрашивая о томъ добраго дѣшину изъ Лондона, ее къ нимъ проводившаго.

Чрезъ день, по примиреніи ихъ, Лордъ Моршимеръ сказалъ Аминшѣ, что принужденнымъ находилса на нѣсколько дней ее оставишь; что она легко могла быть увѣрена въ великомъ прискорбіи его, съ каковымъ удаляется отъ нее; но какъ посѣ-

щеніе, которое онъ долженъ сдѣлать въ Англезей, споль долго позамедлилось: по другъ его, выходя изъ шерпѣнія, грозилъ ему, что самъ прїѣдетъ въ Тудор-Галль провѣдать, что составляетъ ему такую долговременную остановку; и шакъ, дабы предупредить сію непріятность, которая бы лишила его удовольствія бытъ съ нею, онъ бѣдиль на нѣсколько дней въ Англезей, что по возвращеніи своемъ надеется найти опвѣщъ Фитзалана, утверждающій союзъ ихъ. Аминша желала бы скрыть печаль, причиняемую ей сею разлукою; но никакъ не могла успѣть въ томъ. Однако же скоро успокоила ее мысль, что опсущствіе его будетъ непродолжительно. Въ слѣдующій день Морпимеръ побѣхалъ.

Никогда Аминша не находилась въ споль щасшливомъ по-

ложеніи. Она видѣла себя приближающуюся къ возвышенію чрезъ любимаго ею человека на такое сословіе, которое предоставляло ей всевозможныя средства къ удовольствованію сладчайшихъ чувствъ сердца ея, приводя въ дѣйство благословительность свою и наимилѣйшія склонности, образуя дарованія въ Наукахъ, къ коимъ прилѣплялась. О! сколько сладостно было ей помышлять, что она оживотворила бы престарѣлыя лѣта отца своего, распочая ему всѣ услажденія, которыя въ старости становящіяся пошребны; что она помогала бы Оскару въ достиженіи пути къ щастію и чести! Какое для нее восхищеніе воображать, что присутствіе ея жертвамъ несчастія принесетъ надежду къ лучшей участи, и уюваніе ихъ ею совершится. Таковы были умоначертанія Аминшы будущаго

расположенія , кошорыя дѣлала богашству, предопредѣляемому ей великимъ благополучіемъ. Казалось ей , что главнѣйшее наслажденіе онаго состояло въ возможности подѣляться. Не спрашилась она препяшствія браку ихъ со стороны Лорда Шербюри. Рожденіе ошца ея никакъ не было ниже ошца Морпимерова , и не могло бытъ ошановки въ разсужденіи разницы состоянія ея и Моршимера : ибо великая душа , говорила она , для соешавленія благополучнаго союза , не взираетъ на богашство , когда съ одной изъ двухъ споронъ есть довольно не только къ удовлетворенію необходимыхъ нуждъ , но и къ спокойной и роскошной жизни. Таковы были мысли невинной и нѣжной Амиллы ; съ оными она на воздухъ сооружала вымышленное зданіе ,

кошорого малую прочность одна
опышность могла показать ей.

Г Л А В А 9.

Въ четвертый день послѣ
отъѣзда Лорда Моршимера,
около вечера, Аминша, сидя въ
грозѣ Эдвинова сада, услышала
шукъ коляски. Сердце ея запре-
пешало, и она побѣжала къ дому.
Какъ только приблизилась къ
оному, почтовая коляска остано-
вилась у воротъ, и, къ великому
удивленію своему, увидѣла она
выходящаго изъ оной отца сво-
его.

Остановясь на томъ мѣстѣ,
гдѣ тогда находилась, нѣсколь-
ко минутъ была она не въ со-
стояніи изъяснить ему свою ра-
дость, и ли соотвѣтствовала
на ласки, коими онъ осыпалъ ее.

Я прїѣхалъ, любезная Аминша, сказалъ онъ ей (не внимая прїѣхавшиму Эдвина), чшобъ увезши тебѣ съ собою, и на прїуготовленїя свои къ отъѣзду не могу болѣе одного часа дать тебѣ времени.

Великій Боже! вскричала съ трепешомъ Аминша, чрезъ часъ увезши меня съ собою?

Такъ, сказалъ онъ; и какъ я знаю, что ты любишь сію добрую дѣвушку, продолжалъ, указывая на Елену: то я очень буду доволенъ, естли родители ея позволятъ ей къ тебѣ присоеди-
нишься.

Эдвины, гошovy будучи со всею своею семьєю на край свѣта слѣдовашъ за Фишзаланомъ и дочерью его, охотно на то согласились. Елена же имѣла къ Аминшѣ великую приверженность, и, находясь въ грусти съ самага отъѣзда ея любезнаго, ушѣща-

лась мыслию оставишь страну свою.

Не таково было состояніе Аминшы. Зрѣль себя увлекаемую опѣ Лорда Морпимера во время примиренія ихъ, было для нее н а д м ѣ р у жестокиѣ ударомъ, чшобѣ имѣшь возможность принять оный безѣ мучительнѣйшихъ спраданій. Пришомъ думала, чшо можетѣ быть отецъ ея не получилъ еще письма Морпимерова; и шакъ, для шого и другаго, надлежало ей увѣдомишь Фипзалана о настоящемъ ея положеніи. Оставя полуукладенный чемоданъ свой, сошла къ опцу поговорить о шомъ. Но Фипзаланъ, увидя, чшо уста ея шрепещуть, глаза мушны, и какъ бы не знаетѣ, съ чего начашъ, понялъ намѣреніе ея, и, взявъ ее за руку, сказалъ: Любезная Аминша! опложимъ шеперь къ споронѣ всякое обѣясненіе и переговоры.

Минушы драгоцѣнны ; какъ можно поспѣшай одѣться и укладывашься ; иначе же мы весьма опоздаемъ достигнуть шуда , гдѣ я ночевашь расположился . Аминта , повинуюсь опцу , въ молчаніи возвратилась въ свою комнашу . Слезы ея проливались . Въ первый разъ еще обѣята была ужасомъ , видя себя увозимою опъ Лорда Моршимера , дабы убѣгать его , не зная тому причины . Нѣжность ея къ нему , равно какъ и честь , требовали , чтобъ она сообщила ему о причинѣ столь скорого отбѣзда ; но когда хотѣла взять перо въ руки для увѣдомленія его о томъ , трепещущая рука ея въ ономъ ей отказывала ; къ тому же кормилица и дочери ея , ходя ежеминутно шуда и сюда , пріуготовляя все нужное къ отбѣзду ея , такъ мѣшали ей , что она одной строки не могла написашь . Наконецъ , какъ

хотѣла еще разъ за то приняшь-
ся, отецъ ея, вошедъ въ комнату,
безпрестанно понуждалъ къ отъ-
ѣзду, и, не теряя ее изъ виду, от-
нялъ всю возможность, оста-
вить кормилицѣ какое либо при-
казаніе къ Лорду Моршимеру.
Фитзаланъ столько спѣшилъ
уѣхать, что не согласился опло-
жить своихъ лошадей, ниже при-
нять какую нибудь пищу у Эдви-
новъ, не взирая на всѣ ихъ
усильныя о томъ прозъбы. Не
хотѣлъ также отвѣчать на во-
просы ихъ о предпринимаемъ
имъ пуши, говоря, что онъ ихъ
скоро о семъ увѣдомишь; напо-
слѣдокъ обнялись прощаясь.
Аминша съ весьма стѣсненнымъ
сердцемъ сѣла въ коляску. Водво-
рилось молчаніе между путеше-
ственниковами. Всѣ они, хотя раз-
личнымъ образомъ, но весьма бы-
ли разтревожены. Видъ жилища
и приходская церковь возбужда-

ли въ Фитзаланѣ горестнѣйшія воспоминанія ; слезы текли изъ глазъ его, когда обращалъ мысль къ его любезной и несчастной Мальвинѣ. Аминша вздыхала, перья изъ виду Тудор - Гальскія башни; а Елена всхлипывала, проѣзжая мимо избушки, бѣднымъ Шипомъ оставленной. Скорость, съ какою ѣхали, похипила ошъ глазъ оскорблявшіе ихъ предметы, не истребляя' однако же въ душъ произведенное ими впечатлѣніе. Фитзаланъ первый разрушилъ молчаніе, всячески спараясь прогнать видимое имъ въ дочери его уныніе. Поворотясь на настоящую дорогу, скоро достигли Конвайскаго парома, на которомъ переѣзжать надлежало. Если бы Аминша имѣла спокойнѣй духъ, то могла бы пріятно наслаждаться зрѣлищемъ остатковъ Гопического великолѣпія, сохраняющагося въ Конвай-

Кастлѣ; не могла однако же безъ движенія видѣть ихъ, и, пробѣгая, отказать вздохъ сему упавшему величію. Въ Конваѣ остановивались они только для того, чтобъ перемѣнить лошадей и коляску, и весьма скоро добрались до удивительныхъ каменистыхъ Пенмаенмаврскихъ горъ. Сцена сія была для Аминты столь же новая, какъ и ужасная. Господи помоги намъ! вскричала Елена. Какая мерская дорога! того и гляди, что копорая нибудь изъ сихъ ужасныхъ каменистыхъ горъ взвалился на нашу коляску. Опять остановились они уже въ Бангорѣ, гдѣ надлежало имъ препроводить ночь. Сила и бодрость Аминты столь испожились, что упала бы отъ слабости, еслибъ не принудили ее выпить рюмку вина; напоследокъ тягость сердца ея облегчилась пролишемъ изобильныхъ слезъ.

Отецъ ея, оставя ичѣ съ Еленою, пошелъ сдѣлать распоряженія для путешествія слѣдующаго дня.

Аминша, подошедъ къ окну, подняла его, чшобъ вкусить прохладный воздухъ горъ. Темношаночи побѣждалась прекрасною луною. Трепещущіе лучи ея на поверхности водъ колебались, и, разбрасывая шуда и сюда на разные предметы множество пѣни и свѣша, обнаруживали сцены, копорыя бы восхитили Аминшу во всякомъ другомъ, нежели каково было ея положеніе. Все вокругъ ея пребывало спокойно; она слышала шолько одинъ глухой шумъ нѣсколькихъ голосовъ въ нижней комнашѣ. Тогда, какъ погружена она была въ глубокую задумчивость, вдругъ извлекается изъ оной шорохомъ веселья судна, перебѣжающаго рѣку и приближающагося къ берегу, на кошоромъ она находилась. Виднѣ вышедшихъ изъ онаго и

входящихъ на ихъ кварширу многочисленную толпу людей, которые, по виду ихъ и по свисѣ, казалось, сославляли добрую компанію и ѣздили погуляшь. Ночь не позволяла разсмотрѣшь лицъ; но спавъ одного изъ нихъ показался Аминшѣ столь похожимъ на Моршимера, что сердце ея зашрелепало; сколько возможно ей было высунулась въ окно, чшобъ хорошенько разсмотрѣшь, и въ ту же самую минушу слышишь голосъ его, столь довольно ей извѣстный. Онъ отдавалъ приказанія почталіону, къ полуночи изгоповишь лошадей, для того, говорилъ онъ, чшобъ воспользуясь хорошею погодою, поскорѣе пріѣхашь въ Тудор-Галлѣ. Немедленно вся компанія собралась въ комнату, раздѣляемой одною перегородкою отъ той, гдѣ была Аминша; суеша служивелей и звукъ различныхъ приугошвле-

ній возвѣщали большой ужинѣ. Не лзя изобразить движенія Аминшы, размышляя, что въ одну минушу могла бы о своемъ положеніи Лорда Морпимера увѣдомишь; но надлежало ей молчать. Однако же обѣявшее ее движеніе не болѣе одной минушы продолжалось, и пошчасъ ушихло, какъ пришло ей въ мысль, что, увѣдомивъ Лорда Морпимера, причинила бы отцу своему смертельную печаль. Когда занималась она сими мыслями, съ скоростію вошелъ Фитзалацъ. Видъ его и поступки увѣряли Аминшу, что онъ, также какъ и она, зналъ о присущствіи шупѣ Лорда Морпимера, и боялся, чтобъ она съ нимъ не увидѣлась; ибо пошчасъ опшелъ ее отъ окна, и въ первой разъ въ жизни ея бросилъ на нее свирѣпый и сprogій взглядъ. Сіе было громовымъ ударомъ для сердца Аминшы;

одна мысль о потеряннй дружбы отца своего обьяла ее чувствомъ ужаса, и опасеніе нещасія сего тревожило ее почти сполько же, какъ бы она имѣла чѣмъ укоряеть себя въ заслуженнй погѳ. Требуемый Фипзаланомъ ужинъ нѣсколько замедлился приугошвленіями большаго спѳла для веселыхъ его сосѣдей. Очень бы онъ хотѣлъ имѣеть другую комнату, но всѣ были заняты. Обѣ женщины не могли ѣсть: Аминша разспроена, а Елена боялась, сама не зная чего. Слуга былъ опосланъ, и всякой разговоръ конченъ.

Непринужденная веселость, царствовавшая въ сосѣдней комнатѣ, и все, что тамъ говорилось, весьма ясно слышно было въ той, гдѣ была Аминша; рюмки часто повшорялись, и скоро начали пить за здоровье. Дошла очередь до Моршимера. Спраши-

вали его, кто была особа, занимающая мысли его. Тотчасъ представлю вамъ ее, сказалъ онъ тономъ ушвердительнаго голоса, и шакимъ, кошорой означалъ необычайное къ ней уваженіе; представлю вамъ Ангела. Сердце Аминпы жеспоко билось, и щеки покрывались живѣйшимъ румянцемъ. Имя сей красоты небесной? спросилъ одинъ изъ поварихей. Аминша! сказалъ Моршимеръ. Ахъ! право Моршимеръ, сказалъ другой, мы не спанемъ пипь за швоего Ангела, когда всего имени ея не скажешь! Миссѣ Фипзаланъ! не запинаясь сказалъ Лордъ Моршимеръ. А га! вскричалъ шрешій, громко захошавъ; повинуюсь поздравляшь, какъ надлежишь, начинаю проникашь шайну. Ну право, я не могъ до сихъ поръ придумашъ, чшобы себя шакъ долго въ Тудор - Галлѣ удерживало: ибо я

знаю домашнихъ женщинъ, и ничего не видалъ привлекательнаго; но сія Аминша безъ сомнѣнія молодая и здоровая дочь какого нибудь бѣднаго и сосѣднаго Викарія, кошорой для Тише! прервалъ Моршимеръ сердитымъ голосомъ; помыслише о томъ, что говорите, и не заставляйте меня раскаяваться, что сіе столь почтенное имя произнесъ въ семъ сообществѣ. Миссъ Фитзаланъ не то, что вы воображаете; но довольно для васъ знать, что она такого достоинства, которое долженствуемъ защищать ее всякаго на счетъ ея легкомыслія, и хотя бы не имѣла она заслупниковъ, по пріятности и добродѣтели ея въ силахъ укрыть ее отъ всякаго поруганія. Въ продолженіе разговора сего въ огнѣ было лице Фитзалана; ужасные на Аминшу бросалъ взоры. Сказалъ, чтобъ шла съ Еленою взять

покой, и приготовишься къ слѣдующему дни на продолжительную и безпокойную дорогу, для копорой имѣ надлежитъ рано вспашь. Въ первой разѣ въ жизни своей съ нѣкоторымъ удовольствіемъ Аминта оставила отца своего. Онъ самъ проводилъ ее въ спальню, находящуюся надъ шою комнатою, гдѣ была бесѣда. Не возможно было Аминтѣ вкусить какое - либо успокоеніе; суровые взгляды отца ея, послѣшное его путешествіе, съ сокрытіемъ отъ нее, куда она сопровождается, но съ явнымъ намѣреніемъ удалишь ее отъ Лорда Моршимера, наполняли душу ея смущеніемъ и печалію. Елена съ простосердечіемъ своимъ всячески старалась ушѣшать ее. О чемъ вы задумались, Миссѣ! говорила она ей; не сойшли ли мнѣ внизъ и скажи Милорду, что вы здѣсь; вы бы легко могли на минушу въ

саду съ нимъ повидаться ; или лучше , я бы сюда его провела ; а ежели бы зашелъ къ намъ Капишанъ , то бы мы его легохонько спрятали за занавѣсъ . Аминта засшавила ее молчать , заботясь не поперячь ни единого звука Моршимерова голоса . Не взирая на величайшее свое желаніе увидѣть его , твердо рѣшилась никакого на то покушенія не дѣлать въ прощивноснѣ волѣ отца своего . На послѣдокъ слышно было , какъ выводили лошадей изъ конюшни , и госпи сходяшъ внизъ . Аминта очень шихо подняла окно , и видяшъ , что Лордъ Моршимеръ проворно садится на лошадь , прощается съ друзьями своими и пускается навскачь . Оспальная компанія въ то же время разбѣхалась , но совсѣмъ въ другой путь . Аминта до пѣхъ поръ оспавалась высунувши голову въ окно , пока уже попопъ

лошадиной былъ вовсе не слышенъ. Прекрапился звукъ ; она впала въ жесточайшее уныніе , и , опойдя ошъ окна , горько плакала . Мысль о возчувсшвваемой Лордомъ Моршимеромъ печали , не найдя ее у Эдвиновъ , умножала скорбь ея ; не прошивилась уже болѣе сдѣланному отъ Елены предложенію раздѣсть ее . Упомленная безпокойсшвомъ , предалась сну , и въ мечпаніяхъ своихъ преносилась въ Тудор - Галль и приближалась къ Моршимеру .

На разсвѣшѣ постшучались у дверей ея комнашы , и вырвали ее изъ сего сладчайшаго заблужденія . Она слышитъ , голосъ ошца своего , понуждающій ее скорбе всшавать . Имбѣя удрученный духъ , сколь ни велика была надобность еще уснуть , но повинуется и возбуждаетъ Елену . Въ нѣскольکو минушъ были онѣ гошовы . Ожидало ихъ судно , кошорымъ

переправились на другую сторону морского залива, раздѣляющаго Карнаванъ съ Англезейскимъ островомъ; тамъ нашли они коляску. Возсіалъ день; бѣловатый туманъ сокрывалъ горы и препящивовалъ въ долинѣ различашь предметы; но скоро атмосфера освѣтилась. Свѣшлыя облака Восшочной стороны украсились золошымъ цвѣтомъ, и солнце во всей блестящей и величешвенной красощѣ своей предспало на горизонтѣ, ѳживля всю Природу благошворною теплошою своею. Деревья и кусты, колеблемые освѣжающимъ ушреннимъ вѣщеркомъ, казалось, преклоняли главы свои, омоченныя росою, для поздравленія дневнаго свѣшила, погда какъ крылаше обиташели ихъ, паривъ на воздухъ, заснавляли слушащъ сладощную мелодію свою.

Аминта въ жесткой печали своей съ удивленіемъ на зрѣлице сіе взирала, а Фипзаланъ съ пріятностію разсмапривалъ оное. Вся Природа, вскричалъ онъ, научаетъ человека должной признательности къ Божественному всѣхъ благъ Подателю! Тотъ безъ сомнѣнія въ груди своей каменное заключаетъ сердце, въ которомъ чувство сіе не возбуждается сладостными и возхитительными наслажденіями, сею минутою ему сообщаемыми. Аминта улыбкою подтвердила сіе размышленіе; ибо она никакъ не въ силахъ была говорить. Они оспанавливались только въ Гвиншеи, гдѣ завпракали, а оппуда прибыли въ Голи - Гадъ, при вѣздѣ въ которой Фипзаланъ ей наименовалъ его. Тогда только догадывалась она, что отецъ ея везъ во Ирландію. Скоро онъ и подтвердилъ ей то, пошедши

тотчасъ освѣдомишься, нѣтъ ли
какого пакетбота, готоваго
вспулить въ путь. Весьма обра-
довался, что нашелъ одинъ, от-
правляющійся въ шесть часовъ
вечера. Нанялъ въ ономъ при-
мѣста, и попросивъ ранній обѣдъ,
отослалъ Елену въ другую ком-
нату. Сѣлъ подлѣ Аминшы,
взялъ ее за руку и ласковымъ
голосомъ говорилъ ей:

Любезное дитя! много спра-
дало мое сердце, огорчая швое;
но честь обязывала меня пред-
принять такія мѣры, и я увѣ-
ренъ, что извинишь моя Амин-
ша, когда узнаешь мои на по
причины, которыя я расскажу
ей по порядку. Какъ только при-
ѣхалъ Лордъ Шербюри въ Лон-
донъ, по возвращеніи его изъ Фран-
ціи, я тотчасъ чрезъ его слу-
жителей былъ о томъ увѣдом-
ленъ, и писалъ къ нему. Едва
лишь прочиталъ онъ мое пись-

мо , какъ со всею ревностію испинной дружбы прилетѣлъ ко мнѣ , и увезъ меня къ себѣ въ домъ , дабы обдумать , чшобы лучше предпринять . Скоро распорядилъ онъ планъ , преисполнившій меня и радости и благодарности , доставляя мнѣ средство къ безнужному себя содержанию , не лишая меня при томъ независимости . Средство сіе есть , управление одного великаго помѣстья въ Сѣверной Ирландіи , доставшагося ему послѣ жены , его покойной Графини Шербюри , которая была въ Ирландіи богатѣйшая наследница . Онъ предложилъ мнѣ жить въ Замокъ , опредѣлилъ довольноую сумму для первыхъ моихъ расходовъ , и старая уменьшивъ видъ своихъ благодѣянія , извѣснялъ мнѣ , что собственная его выгода прощряла его для меня по дѣлать ; что весьма нужно ему было сыскашь

честнаго и надежнаго чловѣка ; бывъ премогаго обманушимъ отъ того , кошорому до сихъ поръ были препоручены дѣла его. Я принялъ великодушныя предложенія его , и видѣлъ себя чрезъ то избавленнымъ отъ гоненія Бельграва. Вкушалъ спокойствіе , до сего времени долго убѣгавшее меня , и собирався бѣжать тебя посѣтивъ , какъ вдругъ отъ Лорда Морпимера письмо прилетѣло , подобно громовой стрѣлѣ , разрушивъ спокойствіе мое. Великій Боже ! я шрепешалъ отъ мысли , что въ ту минуту , когда Лордъ Шербюри осыпалъ меня благодареніями , лестныя надежды его , сооружаемыя имъ для любезнаго сына , испровергались моею собственною дочерью. Онъ увѣдомилъ меня о предложеніи весьма почешнаго и богашѣйшаго брака , въ успѣхъ коего онъ принималъ живѣйшее участіе. Несмысленной

молодой человекъ нѣкошорымъ образомъ самъ не безвизвѣстѣнъ о расположеніи отца своего; ибо въ безразсудномъ его письмѣ пребываетъ отъ меня тайны, отношительно до намѣренія его къ тебѣ. Безъ сомнѣнія не потребовалъ бы онъ моего согласія, ешьлибъ могъ безъ онаго получишь тебя; но догадался, что щещны бы были его покушенія разлучишь насъ. Онъ считалъ меня за шакого человека, котораго нужда и честолюбіе побудили бы воспользоваться случаемъ, досшавишь дочери своей великое богатство и высокій степень на счетъ чести своей. Никогда бы не могъ онъ такъ жестоко ошибишься; ибо хошя ты мнѣ гораздо драгоцѣннѣе воздуха, коимъ я дышу; хошя ты дочь обожаемой поперянной мною супруги, кошорой заступаешь мѣсто; хошя нѣжностъ моя къ

тебѣ удобна заставишь меня все предпринять и все прешерпѣть, лишь бы учинишь тебя щаспливою; но охотнѣе бы согласился видѣть тебя мершвую у ногъ моихъ, нежели заслужишь и внимаешь укоризны въ подлости души. Бросилъ въ огонь письмо Лорда Моршимера, и, не желая оплагашь опѣвѣзда моего въ Ирландію, претовалъ опѣ Графа послѣднихъ его повелѣній. Состояніе твоего здоровья заставляло меня желать, сказалъ я ему, взять тебя съ собою. Онъ на то согласился, и я пошчасъ, сыскавъ почтовыхъ лошадей, рѣшился разлучить тебя съ Лордомъ Моршимеромъ, хотя бы обоихъ васъ нашелъ предъ олшаремъ. Не думай однако же, чшобъ благодарность моя къ Лорду Шербюри, или стараніе о чести моей, были единешвенныя причины моего поступка. Нѣтъ!

благополучіе швое было также цѣлю моею. Нѣжная и чувствительная душа, какова швоя, не могла бы никогда бышь щасплива, находясь предметомъ отвращенія въ семействѣ мужа своего, и наиболѣе, когда бы она могла укоряшь себя въ томъ, что заслуживаешь сего обращенія противъ воли онаго, вошедъ въ нѣдро его. Возмогъ ли бы я снести, чшобъ на дочь, столь любезную нравомъ и пріятносшями вида, рожденную отъ почетной фамиліи, взирали, какъ на пронырливую лукавицу. По союзѣ швоемъ съ Лордомъ Морпимеромъ не преминула бы Публика придашь тебѣ свойство сіе. Я обязанъ Творцу Природы, ввѣрившему тебѣ попеченіямъ моимъ, сколько о благополучіи швоемъ пецишь, сколько то отъ меня зависить; я обязанъ симъ швоей матери, кошорой послѣднія слова были

препорученіемъ себя моей нѣжности. Сія любезная супруга для меня живетъ еще ; я зрю ее подлѣ себя. Во всѣхъ дѣлахъ моихъ не прежде на какое либо дѣйствіе рѣшаюсь , какъ увѣривъ себя, что и она дала бы на то свое согласіе. Сшоль - то велико могущество добродѣтели , переживающей разрушеніе брэннаго соспана нашего. Привязанность твоя къ Лорду Морпимеру исчезнетъ , когда ты съ опважносшію и орудіемъ разсудка побѣдишь ее. Что до него , то, удаляясь отъ предмета, обольщающаго сердце его , скоро забудетъ переходящее движеніе ; но когда онъ будетъ сшолько смѣлѣ , чтобъ , не взирая на мое сопрошвленіе , упорспвовашь : то найдетъ рѣшеніе мое непоколебимымъ : честь , единое наслѣдство праопцами моими въ цѣлости мнѣ осшавленное. Я хочу также

невредимо, какъ получилъ, сохранилъ его; оно придавало нѣкоторое сіяніе моимъ первымъ лѣтамъ въ печеніи несчастной жизни; оно же лучами своими позластитъ вечеръ дней моихъ.

Въ продолженіи разговора сего движеніе Аминшы лишило ее способности ко всякому отвѣту, или къ какому либо дѣйствию: она имѣла видъ испукана тогда, какъ отецъ ея твердою и непресѣкаемою рѣчью возвѣщалъ разрушеніе всѣхъ упованій ея. Онъ, оскорблясь молчаніемъ ея, грубо всталъ съ своего стула и съ видомъ смущеннымъ большими шагами ходилъ по комнатамъ. Вижу, вижу! сказалъ онъ, обращая на нее печальный взглядъ, что мнѣ опредѣлено всегда быть несчастнымъ. И такъ единственное добро, спасенное мною отъ кораблекрушенія, и кошораго бы доспашочно было поддержать

меня и утѣшишь, оно для меня поперяно. Ахъ, родитель мой! вскричала Аминта, вспавая и бѣжавъ броситься въ его руки; вы мнѣ пронзаете сердце. О, наилучшій отецъ! прибавила она рыданіями пресѣкаемымъ голосомъ; присутствія вашего цѣлый свѣтъ мнѣ замѣнить не можетъ; могли въ равновѣсіе полагать благополучіе ваше съ благополучіемъ Лорда Морпимера, которъй впрочемъ былъ для меня совсѣмъ посторонній. О! нѣтъ, даже самыя движенія сердца моего опнынѣ будутъ воли вашей преданы. Физзланъ до слезъ былъ пронутъ. Пылкость добродѣтели, объявъ шого и дугую, распочало имъ сіи сладостныя утѣшенія и щедро вознаграждала жертвы ихъ.

Обѣдъ былъ готовъ, Аминта утѣшалась благополучіемъ отца своего, которое означалъ

онъ сладостною улыбкою, да и она сама обрѣла нѣкую веселость. Вечеръ былъ прекрасный, когда они опять пустились въ море, и корабль имѣлъ въпрѣвъ попушный. Морская болѣзнь скоро принудила Аминшу и Елену сойти въ каюшу; но первая съ прискорбіемъ бросила послѣдній взглядъ на горы Валлійскаго Княжества. На другой день рано по упру вслупилъ пакетботъ въ Дублинскій заливъ. Они вышли въ морскую приспань, гдѣ позавтракали, и отправились въ Капельспреешской кофейной домъ. Тушъ расположились осшашься нѣсколько дней, чшобъ провести ихъ съ Оскаромъ, кошораго полкъ стоялъ въ Дублинѣ, и при томъ одѣлашь нѣкоторыя закупки до отъѣзда своего на Сѣверъ. Какъ коляска ихъ пробѣжала Капельспреешъ, Аминша увидѣла молодого Офицера, осшановившагос я

подлѣ угла Моризабея, кошорой показался весьма похожимъ на ея брата. Сердце ея запрепешало; она посмошрѣла поприлѣжиѣе, и узнала, что то былъ самъ Оскаръ. Коляска пробѣжала слишкомъ скоро, чшобъ можно ему было узнать Аминшу; но увидя прекрасную ручку, дѣлающую ему знаки, преслѣдовалъ повозку, и достигъ до воротъ кварширы ихъ почти въ одно время съ путешественниками.

Г Л А В А 10.

Трудно изобразить восхищеніе Оскара и Аминшы при свиданіи ихъ, а особливо Оскарово; ибо весьма умножилось оное нечаянноспію. По несчастію, онъ въ шомъ день былъ дежурный, и шакъ на одну шолько минушю,

могъ увидѣться съ опцемъ и сестрою своею. Физзаланъ далъ Аминтѣ денегъ для покупокъ, какія разсудитъ за нужныя, и Оскаръ провожалъ ее въ лавки. Она запаслась для себя платьемъ и уборами, небольшимъ собраниемъ хорошихъ книгъ и всѣмъ, что принадлежало къ рисованію; не забыла также и попребнаго для Елены. На кварширу возвратились они около обѣда, гдѣ нашли своего ошца, исправляющаго нѣкошорыя дѣла въ помѣ городѣ для Лорда Шербюри. Въ семъ положеніи благополучіе его казалось несомнѣннымъ; ибо находился окруженъ дѣтьми своими и безпеченъ впредь о главнѣйшихъ нуждахъ въ жизни. Но увы! несчастіе часто случается у ворошѣ щаспливаго чловѣка, ожидая шолько минушы войпишуда, и Физзаланъ имѣлъ шому печальный опышѣ, примѣчая ве-

ливую перемену, произшедшую въ Оскарѣ. Глаза онаго уже не блиснали тою свѣтлостію; поблекъ румянецъ щекъ его; веселость его казалась принужденною и припворною, дабы только скрыть печаль свою. Фитзаланъ, со всею оскорбленною нѣжностію отца и ласковостію друга, объяснилъ ему желаніе узнать причину состоянія, въ какомъ онъ находился, чтобъ сыскать средство доставить надежнѣйшее лѣкарство, давая ему разумѣть, что ежели онъ былъ въ какомъ либо неблагоразумномъ поступкѣ, каковымъ молодость, не предвидя иногда послѣдствій, подвергается: то онъ весьма расположенъ былъ извинить его, увѣренъ будучи, что раскаяніе его было бы искренно. Оскаръ зашрепепалъ отъ одной мысли, чтобъ дать знать вину своей печали, просивъ отца своего, такъ

какъ, по несчастію, онъ ему оказалъ оную, не мыслишь, чѣмъ сѣ было дѣйствіе какой неосторожности. Это такая рана, сказалъ онъ, которая, не бывъ распространяема, сама собой излѣчится. Но Фитзаланъ въ сѣбѣ дѣлѣ надѣру великое бралъ участіе, чѣмъ шакъ скоро, какъ шого хотѣлъ Оскаръ, оставитъ оное. Поглядѣвъ на сына своего съ прилѣжнымъ и печальнымъ вниманіемъ, вскричалъ: увы! любезное дитя мое; спашусь, чѣмъ зло не было гораздо болѣе, нежели какъ ты опасешься признаться въ шомъ. Подлинно, Оскаръ, сказала ему Аминша съ пріятною улыбкою, спараясь извлечь его изъ замѣшательства, въ какое повергался вопросами опца, и разогнашь шакже грусть и уныніе, означаемое на лицѣ Фитзалана; шочно шакъ, хошя и не имѣю въ сѣбѣ случая большой

опытности; но закладъ держу, что сердце ваше несвободно. Онъ опвѣчалъ Аминшѣ съ прищворною веселостію, и чтобъ перемѣнить разговоръ, началъ говорить о Полковникѣ Бельгравѣ, который теперь, сказалъ онъ, въ оплукѣ опъ полку, и не примѣшилъ перемѣны въ лицѣ опца и сестры своей, причиненной симъ напоминаніемъ о имени Бельграва. Знаете ли вы Госпожу Бельгравѣ! сказала Аминша, поправясь опъ своего замѣшательства. Знаю ли я Госпожу Бельгравѣ? повторилъ онъ изпуская вздохъ. О! очень знаю, и помолчавъ нѣсколько минушъ, оборотясь къ опцу, сказалъ онъ: помнишься мнѣ, я увѣдомлялъ васъ, что она дочь вашего добраго и стариннаго друга, Генерала Гоней Воода, коптой, по любви къ вамъ, съ великою благосклонностію меня принялъ. Домъ его есть храмъ госпе-

примесива ; богиня вѣ ономѣ дочь его. Щаслива ли она ! сказала Аминша. О ! конечно опивчалъ Оскаръ , не догадываясь о сокровенной причинѣ , которую имѣла Аминша сдѣлать ему сей вопросъ , еспли можно быль таковою , имѣя все то , что вѣ глазахъ людей признается величайшими средствами къ достиженію благополучія !

Фипзаланъ сказывалъ своему сыну , что онъ принудилъ Аминшу оставишь Девонсгиръ , для того , что воздухъ тамошній былъ вреденъ ея здоровью ; говорилъ ему о дружбѣ Лорда Шербюри , опъ котораго онъ могъ надѣяться скорого повышенія ему , Оскару. Будь при томъ увѣренъ , любезный мой Оскаръ , сказалъ онъ ему , что я ничего такого не имѣю , чѣмъ бы не согласился пожертвовашь , чтобъ только состояніе швое сдѣлать лучшимъ , и

умножить благополучіе свое. Мое благополучіе! печально повспорилъ Оскаръ, коего глаза наполнились слезами, и копорый спарался скрыть ихъ, обращаясь къ окну. Аминпа съ великимъ движеніемъ послѣдовала за нимъ. Любезный мой Оскаръ! сказала она ему, схвативъ его обѣими руками за шею, никакое выраженіе не въ силахъ обьяснить, сколь печаль ваша меня прогаешъ!

Оскаръ, опушя голову на грудь сестры своей, омочалъ ее слезами своими. О Небо! вскричалъ Фипзаланъ, какое для меня зрѣлище! О дѣши мои! я не могу бышь щаспливъ, какъ шолько вашимъ благополучіемъ, и, кажешся, что жизнь мнѣ сдѣлаешся въ шягосшь, ежели мои надежды для васъ будущъ обманушы. Подошелъ ближе и говорилъ имъ: однако же, среди ошущаемой мною скорби, вкушаю удовольшвен-

ную минушу, видя между вами столь крѣпкое и столь нѣжное дружество; оно будетъ взаимною вамъ подпорою и утѣшеніемъ вашимъ, когда возьмется отъ васъ слабая помощь, копорую вы имѣете во мнѣ. Тогда, мой Оскаръ, сказалъ онъ, соединяя руки сына и дочери въ своихъ, ты будешь другомъ и защитникомъ милой сей дочери, и ты воспрепятствуешь ей слишкомъ жестоко возчувствовать и надмѣру горько оплакивать потерю ея нѣжнаго и нещаснаго отца!

При сей прогательной рѣчи умножились слезы Оскара и Амисты. На послѣдокъ Оскаръ, преодолевъ себя, сказалъ Фипзалану: родители мой! желанія ваши будутъ исполнены, воля ваша для меня будетъ священна; спыжусь оказанной мною слабости; не опдамся оной болѣе;

забудьте, что вы были ей свидѣ-
телемъ ; или , ешъли вы и вспо-
мните объ оной , по чшобъ это
было меня прощая въ ней. При-
мите отъ меня торжественное
объщаніе въ томъ , что побѣ-
дишь оную наивеличайшія сдѣлаю
надъ собой усилія , дабы немно-
гіе дни , которые намъ остаются
проводить вмѣстѣ , не были омра-
чены печальными мыслями.

Спустя нѣсколько минутъ ,
Оскаръ сказывалъ отцу своему
и Аминтѣ , что въ Марбург -
Грѣенѣ былъ праздникъ , и пред-
ложилъ проводить шуда Аминту ;
что было принято. Елену пре-
поручили молодому солдату , при-
верженному къ Оскару. Собраніе
было многочисленно и наполнено
Офицерами , коихъ взоры скоро
привлекла Аминта , которая ка-
залась имъ прекраснѣйшею осо-
бою изъ всѣхъ выдаемыхъ ими.
Тотчасъ окружили брата ея ;

емой обязанъ былъ удовольствоваться любопытствомъ ихъ, сказывая, кшо она, и представляя ихъ къ ней. Привѣтствія ихъ препятствовали ей дать празднеству большее вниманіе; но примѣчаніе Елены, позади ее сидящей, много позабавили окружающихъ ее. Навѣрное бы полта Офицеровъ провожали Аминшу до кварширы ихъ, ежели бы Оскаръ въ шомъ не возрощивился.

Слѣдующій день употребленъ былъ на посѣщеніе публичныхъ строеній, парка и нѣкошорыхъ близкихъ загородныхъ домовъ. На другой день Фишзаланъ и Аминша продолжали путь свой къ Сѣверу, куда, сказалъ имъ Оскаръ, надѣялся онъ въ будущее лѣшо послѣ смотру полка нрѣхашь. Подавая руку сесшрѣ, чшобъ посадить ее въ коляску, вручилъ ей записную книжку, въ кошорой находились

банковые билеты. Отецъ его съ симъ намѣреніемъ далъ ему оную.

Мы оставимъ своихъ путешественниковъ, чтобъ извѣстить нашимъ Читателямъ причину Оскаровой печали.

Г Л А В А II.

Когда Оскаръ въ первый разъ отправился къ своему полку въ Ирландію, гарнизонный корпусъ находился тогда въ Эннискелленѣ. Оный былъ изъ хорошихъ людей составленъ, а жители города ласковы и гостеприимны. Оскаръ радовался, какъ бы и всякой горячій и проворный молодой человекъ, входя въ такой путь, коимъ чаятельно достигашь славы и удовольствія. Въ свободные отъ должности своей дни оббѣзжалъ ту сторону, иногда въ сошоващицествѣ

нѣкоторыхъ Офицеровъ, а иногда одинъ.

Нѣкогда, проѣзжаясь одинъ вдоль прекрасныхъ береговъ Лунгерна, и въ лѣсахъ, проспирающихся до рѣки и изобилующихъ дичью, объѣздивъ уже нѣсколько миль, и имѣя ружье за плечомъ, чувствовалъ себя опягченнымъ чрезмѣрношю жара: ибо тогда была самая середина лѣта. Не въ дальнемъ разстояніи примѣтилъ онъ садъ, деревья коего осыпаны плодами. Какъ онъ зналъ, что плоды изъ окружности города привозятся на рынокъ, то и разсудилъ спросить, не можешъ ли онъ ихъ купить шустъ. Опворилъ калишочку, и проходя шропинку сквозь очень хорошій огородъ, обнесенный заборцомъ, концомъ ружья своего пошучался въ двери небольшого домика, и увидѣлъ вышедшую изъ онаго маленькую прелестную

дѣвочку. Скажи мнѣ, милое дитя! говорилъ онъ ей: не могу ли я купить вошѣ сихъ видимыхъ мною прекрасныхъ яблокъ! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказала ему дѣвочка съ чистосердечнымъ удивленіемъ . . . Оскаръ бросилъ глаза впередъ чрезъ отворенную дверь, примѣтилъ прекрасную особу, внимающую, что шутъ происходило. Онъ былъ пораженъ, и, оставя дѣвочку, спустился далѣе. Дверь въ комнату отворилась, нашелъ въ оной пожилую женщину благороднаго вида и пріятной фізіогноміи. Государыня моя! сказалъ онъ, поклонясь ей, спрошусь сдѣлаюсь виновнымъ въ величайшей неосторожности. Не могу иначе оправдаться, какъ только сказавъ вамъ, что я въ сей землѣ чужестранецъ, и зная, что большая часть садовъ въ окружности имѣютъ продажные плоды, я

требовалъ купить оныхъ. Ошибка ваша, сказала ему Госпожа съ благосклонною улыбкою, не столь великой важности, чтобъ требовала шакого извиненія.

Просила его по томъ пройти въ приемную, гдѣ онъ имѣлъ довольно время разсмотрѣть съ столь же великимъ удовольствіемъ, какъ и удивленіемъ, прекрасную особу, которую прежде мѣлькомъ видѣлъ. Она едва семнадцатъ лѣтъ имѣла, и была образецъ, которой бы художникъ могъ избрать для изображенія юной и смѣющейся Гебеи. Спанъ ея былъ гораздо ниже посредственнаго, но совершенной стройности. Кожа ея удивительной бѣлизны и столь прозрачна, что всѣ жилы видимы были. Природный румянецъ оживлялъ прекрасныя и свѣжія щеки ея; маленькой ротъ, улыбку коего тысяча пріянностей сопровождали;

глаза ея , соотвѣшствуя цвѣту головы, были небснаго, пріятнаго лазуря; однако же полны огня , и возвѣщали равно , какъ какъ и вся фізіогномія ея , невинность , разумъ и чувствительность. Свѣшлокшпановые и глянцовыше волосы ея развѣвались по плечамъ и шеѣ. Хотя одѣта въ простомъ кисейномъ платьѣ , но имѣла видъ женщины свѣтской и высокаго степени. Примѣшилъ Оскаръ , что такимъ образомъ принимала она взгляды его , какъ бы уже къ удивленію о себѣ привычку имѣла , и что оказываемое имъ казалось для нее непршивно. Не посредственно было впечатлѣніе, произведенное ею въ Оскаръ; и онъ мнилъ иногда усмашривать на лицѣ ея улыбку удовольствія , когда видѣла она , что взоры иностранца невольно на нее обращаются.

Принесли Оскару корзину прекрасныхъ яблокъ и превкуснаго сока оныхъ; хозяева его казались ему споль же обязательны въ обхожденіи съ нимъ, какъ и ласковы въ разговорахъ.

Простоша наружности дома не предвѣщала изрядства внутренности онаго; прибранъ былъ съ хорошимъ вкусомъ, и зала была украшена прекрасными гравированными картинами. Большая стеклянная дверь изъ оной пропускала въ весьма пріятный садъ. Аделія, симъ именемъ называлась молодая и прелестная особа, разговаривала съ довольною свободностію и живостию, и рассыпавъ на споль корзину, выбрала наилучшія яблоки, и своими руками подавала Оскару. Не нужно рассказывать, съ какимъ движеніемъ онъ принималъ ихъ; но сколь крашки благополучные часы! На сѣбныхъ ударило шри,

и сіе возвѣстило ему, что уже два часа проводилъ онъ въ семъ прелестномъ домѣ. О, небо! сказалъ онъ вспавая, великую учинилъ я неоспорожностъ. Вы видите, мои государыни! говорилъ онъ почтительно имъ ошкланиваясь, чему подвергаюшя чрезъ такую учшivosть и споль обязательную ласку, и послѣ многой благодарности, изображаемой живѣйшимъ и пріяшнѣйшимъ образомъ, вышелъ, но не безъ того, чтобъ нѣсколько разъ оглянущя на оставляемое имъ мѣсто.

Проходя огородъ, примѣшилъ, что Госпожи шли шою же дорогою. Онъ ошановился, чтобъ въхвалять удивительный видъ глазамъ съ шой вышины; гдѣ онъ стоялъ, представляющійся озеромъ и разсѣянными шупъ островами. Я думаю, сказала ему Аделія, прикасаясь ружью, на дошорое онъ оперся, что вы се-

годни воспользовались искусствомъ вашимъ застрѣлить нѣсколько дичи. Такъ, сказалъ онъ; но какъ вы видите безъ всякаго успѣха. Увѣряю васъ однако же, говорила она, что въ нашихъ дѣсахъ множеству дичи; оспается только любую выбираешь. Ахъ! сказалъ Оскаръ, я примѣчаю, что здѣсь можно сдѣлать гораздо лучшее употребленіе своего времени. Пойдемъ, пойдемъ Аделія! сказала старая Госпожа; вѣдь мы задерживаемъ сего Господина. Тутъ взяла она молодую особу за руку, и возвратились домой. Оскаръ преслѣдовалъ ихъ глазами, и поглощая вздохъ, вснупилъ на большую дорогу. Не могъ запретить себѣ признавать сію встрѣчу за одно изъ романтическихъ приключеній, каковыя онъ читывалъ Аминтѣ, тогда какъ она занималась работою; и чтобъ довершить сходство, помышлялъ

онъ , что не возможно ему было избавиться отъ того , чтобъ не быть влюбленнымъ въ сію юную Героиню. Ахъ ! Оскаръ , берегись такой неосторожности ; защищай сердце свое отъ нѣжныхъ впечатлѣній до тѣхъ поръ , какъ счастье къ тебѣ будетъ нѣсколько благопріятнѣе ! Вошь , продолжалъ онъ , чтобы мнѣ сказалъ отецъ мой , если бы онъ здѣсь находился , представя бы припомъ глазамъ моимъ испытанныя имъ ужасныя послѣдствія злощасія. Я постараюсь вести себя , такъ какъ бы я былъ предъ его глазами. Пойдемъ , продолжалъ онъ , закинувъ на плечо свое ружье ; отнынѣ еще на нѣсколько времени слава будетъ единственная моя обладательница , которой долженъ оказывать мои исканія !

На другой день охотникъ взялъ ружье , и безъ сомнѣнія

направилъ стопы свои къ тому же мѣсту, гдѣ былъ наканунѣ. Убѣгалъ со товарищества своихъ Офицеровъ, опасаясь, чтобъ ктонибудь изъ нихъ не предложилъ съ нимъ идти; ибо онъ уже великое ощущалъ отвращеніе спознакомить ихъ съ молодою особою и яблоками сгарой Госпожи. Пришедъ туда, нашелъ калишочку распворенну, и, пройдя еще нѣсколько шаговъ по пропинкѣ, увидѣлъ домъ; но никто не показывался. Оскаръ слишкомъ былъ скроменъ, чтобъ предѣшпашъ безъ приглашенія; и шакъ ворошился назадъ, началъ чувствовашъ жаръ и усталость, и сѣлъ подлѣ дерева на камнѣ, мохомъ покрытомъ, близъ береговъ озера, не въ дальнемъ разстояніи отъ дома, шляпа и ружье у ногъ его, и прохлаждался въ пріятной тѣни. На поверхности соединенныхъ водъ разбѣжалѣ

довольное число судовъ и лодокъ съ парусами во всей исправности, что оживотворяло милый видъ озера. Когда наслаждался онъ зрѣлищемъ симъ, вдругъ разсѣянъ сталъ женскимъ голосомъ. Оборачиваясь и видя подлѣ себя Аделию. Боже мой! сказала она, кто же ожидалъ васъ здѣсь увидѣть! Взоръ вашъ означаетъ великую усталость, и для прохладенія вамъ нужны яблоки, такъ какъ и вчера. Тутъ сѣвъ на то мѣсто, съ котораго онъ вспалъ, сняла свою шляпу, кошорая, говорила она, шагнула ее несноснымъ образомъ; начала разбирать въ маленькомъ ручодѣльномъ мѣшкѣ, висѣщемъ на рукѣ ея; вынувъ опшуда нѣсколько яблокъ, подала ему. Оскаръ, схвативъ лежащую на полу шляпу ея, положилъ туда сіи яблоки, объясняя, что это для нихъ была бы прекрас-

нѣйшая корзинка ; сѣлѣ у ногѣ
ея , и о щ у щ а л ѣ движенія ,
до сихѣ порѣ ему совсѣмѣ не-
извѣстныя . Щеки его украсились
живѣйшимѣ румянцемѣ , а глаза
его сѣ нѣжиѣйшимѣ удивленіемѣ
успремились на Аделію . Не могѣ
удовольствовашься однимѣ обв-
ясненіемѣ взоровѣ своихѣ , при-
соединилѣ еще къ нимѣ нѣсколь-
ко прерывающихся словѣ , копо-
рья Аделія безѣ смущенія слу-
шала ; но просила его сѣбѣспѣ
поскорѣ яблоки , или положишь
ихѣ вѣ карманѣ , пошому что
она хотѣла возвратишься домой ,
и ей нужна была шляпа . Онѣ
повиновался , испрося позволеніе
надѣшь на нее оную . Развращен-
ный человекѣ худо бы исполко-
валѣ веселосшь и сннзхожденіе
Аделіи , и покусился бы воспользо-
вашься оными ; но впечатлѣніе
добродѣтели , начерпанной вѣ серд-
цѣ Оскара Природою и воспнша-

ніемъ, было глубоко и неповрежденно ; не подозрѣвалъ никакого жеманства въ Аделіи, и ни для чего въ свѣстѣ не помыслилъ бы нималѣйшаго сдѣлать оскорбленія ея невинности. Онъ объ ней судилъ такъ какъ она въ самомъ дѣлѣ была, то есть, молодая дѣвица, простая и чистосердечная, коюрой дѣтскія забавы самою невинностію внушались.

Увѣряю васъ, сказала она ему вспавая, что весьма, въ прошивность себѣ, принужденною нахожусь оправить это хорошее мѣсто ; но когда еще долѣе пробуду здѣсь, то наведу прискорбіе. Не можно ли мнѣ васъ проводить къ вамъ, говорилъ Оскаръ, опворяя для нее калипочку. Ежели бы вы меня до двора проводили, сказала она ему, то не иное бы подумали, какъ то, что мы во все ушро другъ друга искали. Ну, что же ! сказалъ

Оскаръ смѣючись сему не много легкому размышленію Аделии , ежели бы и сказали эшо. Чшо до меня касаеться, не ошиблись бы въ шомъ. Прости , прости ! говорила она ему, прогоняя его рукою ; я не хочу болѣе ни слова слушашь.

Какая смѣсь красоты и чистосердечія ! сказалъ Оскаръ , провождая ее глазами до самаго входа въ домъ. Возвращаясь отъ своей пріятной прогулки, встрѣтилъ нѣсколько крестьянъ , отъ копорыхъ навѣдался , кому принадлежалъ домъ , и узнавъ , чшо оный былъ одной почтенной вдовы , называемой Лади Марловъ.

Осваръ , по возвращеніи своемъ въ Зниискеленъ , узналъ отъ Офицеровъ , чшо старой Генералъ Гоней - Воодъ , имѣющій прекрасную маешность , около чешырнадцати миль отъ города , пріѣжалъ поушру сдѣлашъ имъ

посѣщеніе , и просишь къ великому празднеству и на балъ , кошорой онъ всякой годъ даетъ первое Іюля въ воспоминаніе одной изъ знаменитыхъ побѣдъ Короля Вильгельма. Всѣ особы сосѣдства всякаго званія и чина на оный приглашаемы были , а Офицерамъ съ великою поспѣшностію надлежало шуда явиться : ибо съ давняго уже времени желали они увидѣшь дочь Генерала, кошорой красота споль провозглашаема была.

Генералъ , какъ испинный воинъ , сохранялъ спраспную приверженность къ ремеслу воинскому , кошорому посвѣщаль онъ не только молодость свою , но и зрѣлыя лѣта , и кошораго не оставилъ бы еще , еспьлибъ не былъ къ тому принужденъ распроенымъ и ослабѣвшимъ здоровьемъ своимъ. Расположась въ домъ предковъ своихъ , возчув-

спововалъ нужду въ поварищѣ ,
которой бы придалъ цѣны на-
слажденіямъ спокойной жизни ,
и усладилъ бы немощи лѣпѣ .
Скоро нашелъ выгоды сіи въ су-
пружествѣ своемъ съ одною изъ
его сосѣдства молодую особю ,
которая инаго приданого не
имѣла , какъ невинность и красо-
шу свою . Великая разность лѣпѣ
заставляла говорить , что она
вышла за Гоней-Воода для де-
негъ его ; но поведеніе ея скоро
злословію наложило молчаніе : ибо
находили въ ней наинѣжнѣй-
шую изъ супругъ . Никогда не
видали щастливѣйшей чешы .
Блаженство сіе было разруше-
но смертію молодой жены , ко-
торая оною похищена была
чрезъ два года , даровавши мужу
своему дочь . Вся нѣжность Ге-
нерала обратилась на дитя сіе .
Многія Госпожи въ сосѣдствѣ
обольщаемы извѣстнымъ для нихъ

благополучіемъ, каковымъ наслаждалась Лади Вудъ, или великимъ богатствомъ Генерала, очень желали обязать его новыми узамы; но онъ съ великою твердо-спію отъ всѣхъ опрекался, шоржественно объявляя, что онъ никогда бы не согласился дать ма-чуху дочери своей. Въ ребячествѣ ея она была его забавою, а приходя въ лѣта, спановилась ему ушѣшеніемъ. Изнѣжена, ласкаема и обожаема съ самой минушы ея рожденія, едва ли разумѣла смыслъ строгихъ словъ противорѣчія; но природная крошость и попеченія превосходной женщины, кошорая ей заступала мѣсто матери, предохранили ее отъ пагубныхъ слѣдствій сего излишняго попворства. Совершенно чуждо ей было всякое лукавство и лицемѣріе. Всѣ чувства ея были открыты; шаковую же

искренность она и въ другихъ полагала, часто сказывая сущую правду, или безъ обиняковъ объясняя свою склонность, къ чему и отворачиваніе заставляло относить оное къ неблагоразумію; когда же давали ей сіе замѣтить, она тому лишь только смѣялась; ибо Генералъ единожды навсегда объявилъ, что она во всякомъ случаѣ права, да и она во всякое время находила увѣреніе въ собственномъ своемъ сердцѣ о правотѣ ея намѣреній. По мѣрѣ возраста ея, отчасу пріятнѣе составляла она домъ отца своего. Генералъ хотя дряхлѣ, воспріялъ шаринную свою веселость и гостепріимный нравъ, ушѣшался сообществомъ друзей своихъ, и могъ еще полсшую шпросъ свою наподобіе ружья вскидывать на плечо и рассказывать о шаринныхъ сраженіяхъ своихъ.

Оскаръ, влекомый склонно-
стію, копорую не спарался раз-
шолковывать себѣ, продолжалъ
прогуливатьса въ окружностяхъ
сада, но не видя Аделии.

Наконецъ пришелъ день пир-
шества, даваемого Генераломъ Го-
ней - Воодомъ. Офицеры и много-
численная компанія городскихъ
ошправились въ Воодъ - Лавнъ,
имя Генеральскаго дома. Оный
былъ расположенъ на берегахъ
озера, гдѣ нашли они барки, ко-
порыя доставили ихъ къ ма-
ленькому острову. Оный былъ
мѣстомъ ушренняго собранія.
Завтракъ изгошвленъ былъ въ
средиѣ древняго зданія, замѣча-
тельнаго почшенными его ошпаш-
ками Гошической красоты и
древностію посвященной религіи.
Куча старыхъ деревьевъ, возвы-
шающихся надъ главою ея, со-

спавляли балдахинъ, непроницаемый солнечными лучами. Плющъ, извиваясь по стѣнамъ, закрывалъ многія опшверспія, нѣкогда окнами бывшія, а стѣ, кои еще оставались свободными, давали прекраснѣйшій видъ на озеро. Оставшіеся надъ составомъ церкви своды были мохомъ покрыты; изъ каменныхъ щелей выходили различные цвѣты, свободное произведеніе Природы. Сіе - шо особенное мѣсто избрано было для пригошвленія завпрака; столы преисполнены были величайшимъ изобиліемъ и лучшимъ вкусомъ.

Офицеры входя ощущали пріятнѣйшее удивленіе; но Оскарово и объявшія его чувства съ всѣмъ различны были, когда въ дочеръ Генерала Гоней - Воодъ позналъ милую Аделію. Она ушѣшлась его удивленіемъ, а Мис-

присѣ Марловѣ сдѣлала ему знакъ, чшобѣ приближился. Онѣ обошелѣ кругомѣ стола, и Аделія сама назначила ему мѣсто. Ну, другѣ мой! сказала она ему, Генеральскіе плоды будущѣ ли для васѣ сшоль прелестны, какѣ мои? Ахѣ! вскричалѣ Оскарѣ, вздыхая и улыбаясь вдругѣ, ваши подобны наполняющимѣ Гесперидскій садѣ, коихѣ и рвань не позволено. Попеченіе Аделіи о гостяхѣ во время завтрака не дозволяли ей иначе заняшь Оскара, какѣ шолько сказашь ему нѣскольکو словѣ, и опнести кѣ нему нѣкошорые взгляды и улыбки. Ввечеру надлежало танцовать: шо послѣ завтрака вся компанія разсѣялась разными паршіями, кому куда за благо-разсудилось.

Положеніе ошрсва было пріяшнѣйшимѣ образомѣ из-

пещрено маленькими пригорками и ровками; густые лѣса, разсѣянные шуда и сюда, спебельки и вѣшки, покрытые душистыми цвѣтами, воздухъ благовоніемъ наполняющъ. Подъ шапками, соспавленными изъ лавровыхъ листьевъ и лилей, находили плоды, мороженое и прочія прохладительности. На берегу озера отъ полковыхъ Офицеровъ раскинута была большая палашка, которую Полковникъ Бельгравъ велѣлъ принести, дабы принять въ оной Генерала; надъ нею развѣвалось знамя и на небольшомъ бугоркѣ было нѣсколько пушекъ; служители вездѣ были разсѣяны въ бѣломъ плащѣ съ лентами оранжеваго цвѣта; гребцы, также одѣтые, отвозили различныя партіи къ сосѣднимъ островкамъ; множество барокъ, украшенныхъ флагами, по волѣ

прохладнаго вѣтерка развѣвающимися, разсѣкая воды озера, сославляли прелестную картину, тогда какъ музыка, временѣмъ тихая и вдругъ пошомъ огромная, повторяемая эхомъ ближайшихъ горъ, къ симъ восхитительнымъ сценамъ прибавляла еще пріятности.

Оскаръ ни на минушу не удалялся отъ Аделии; но когда увидѣлъ ее освобождающуюся отъ окружающей ее многочисленной компаніи, тогда Генераль, сидя на скамьѣ подъ тѣнію, далъ знакъ молодому человѣку подойти къ нему. Какъ онъ приблизился, Генераль, взявъ его руку, дружески пожалъ оную. Милости прошу, любезное дитя! сказалъ онъ ему; вы сынъ храбраго чловѣка, которой особенно мнѣ былъ извѣстенъ. Я пошчасъ вспо-

мнилъ имя Фитзалана, какъ скоро только мнѣ васъ наименовали, и весьма радъ былъ, узнавъ отъ Полковника Бельграва, что я не обманулся, щипая васъ сыномъ стариннаго моего пріятеля; по томъ дѣлалъ ему различные вопросы касательно Фитзалана; говорилъ о томъ весьма обязательнымъ и ласковымъ образомъ. Оскару сіе льстило до безконечности. Однажды онъ спасъ мнѣ жизнь, подвергая опасности свою собственную, сказалъ Генералъ, и этого - то во весь мой вѣкъ не позабуду.

Генералъ, который какъ Донъ Гусманъ Жилбазовъ, любилъ рассказывать о своихъ баталіяхъ, началъ вспоминать различныя происшествія Американской войны, гдѣ онъ съ Фитзаланомъ въ одномъ корпусѣ служилъ.

Охотно бы избавилъ его Оскаръ отъ сего повѣспованія; но Генералъ не могъ помыслишь, чшобъ не имѣли сподлько же удовольствія его слушать, какъ онъ рассказываетъ, продолжалъ безпрестанно. Наконецъ Аделія, давъ ему довольное время поговорить, сама вышла изъ терпѣнія, да примѣшила, что и Оскаръ оное перялъ, подошла къ отцу. Папинька! сказала она ему, не удерживайте его долѣе, пошому что намъ надо по озеру покашаться; а пока мы возвратимся, вы еще совершеннѣе распорядите всѣ расположенія башаи, хошя бы и можно мнѣ мимоходомъ сказашь, что не кстапѣ бы старому воину устрашать молодаго челошъка своими ужасными рассказываніями о кровопролитныхъ сраженіяхъ. Генералъ назвалъ ее своевольницею, съ

восхищеніемъ поцѣловалъ ее и съ удовольствіемъ видѣлъ ее, прыгающую съ своимъ молодымъ новымъ другомъ, кошорой воспользовался сею благопріятною минушою испросишь у нее согласія бышь ему парюю при первомъ панцованьѣ. Около чешырехъ часовъ компанія собралась въ Аббашство къ обѣду. Во время шпола играла музыка, пишье за здоровье провозглашаемо было при звукѣ шрубъ, и отвѣщсшвано нѣсколькими выспрѣлами маленькой аршиллеріи, на пригоркѣ посшавленной. Въ шесць часовъ Дамы возвращились въ Воодѣ-Лавнѣ, чшювъ переодѣшсья въ бальное плашье, и скоро вооружились всѣми ихъ пріятношьями. Подавали чай и кофе, и около одиннаццати часовъ большая зала была наполнена великолѣпнѣйшимъ собраніемъ; му-

щины особенно расположены были къ удовольствіямъ бала изобильными прихлебываніями, къ копорымъ принуждаемы были Генераломъ въ память Короля Вильгельма.

Аделія одѣша со вкусомъ и стараніемъ, какова Оскаръ никогда еще не видалъ въ ней, казалась ему гораздо прекраснѣе, нежели когда нибудь. Образъ одежды ея, сдѣланной изъ пончайшей блесками шишой кисеи, придавалъ ей почной видъ прелестной Нимфы. Оскаръ хошѣлъ напомнить ей обязательство, упрямъ ему данное, какъ Полковникъ подошелъ къ ней съ предложеніемъ себя. Она безъ замедленія отвѣчала ему, что уже дала слово Г. Фипзалану. Г. Фипзалану! сказалъ Полковникъ, съ видомъ и тономъ надмѣнности шакого че-

ловѣка , копорой считалъ себя обиженнымъ. Г. Фитзаламъ весьма поспѣшенъ ; но какъ щаспю его можно позавидовать , то и не лзя никому удивляться поропливости его къ полученю онаго.

Танцы начались. Никогда Аделія не казалась въ спль выгодной для себя пріяшности. Генералъ преслѣдовалъ ее глазами, и не перялъ ни одного движенія ея. Она безпримѣрна, Ангельское подобіе ! шаковы были извясненія его восторга , внушаемаго ему щеславіемъ и нѣжностію, коими родительское сердце его преисполнено было. Оскаръ, имѣющій пріяшнѣйшую и весьма опличную фігүру, заслужилъ шаже его удивленіе , и онъ обвяснялъ Полковнику Бел ь граву, что онъ не вѣрилъ , чтобъ можно было въ цѣломъ свѣтѣ сы-

скашь сшоль хорошую пару. Сіе замѣчаніе не могло нравиться Полковнику, котораго шщеславіе весьма сходствовало съ шѣмъ, какое бы имѣла какая либо молодая прелѣстница, и копорой явердо увѣренъ будучи, что онъ обладалъ всѣми совершенствами, не могъ и мысли шой снеспи, чшобъ имѣлъ соперника въ Дамскихъ благосклонностяхъ, да и соперника столь опаснаго, каковъ Оскаръ. Аделія, окончавъ кондрѣдансѣ, говорила, что она очень усшала, и шшшла къ окну, куда Оскаръ послѣдовалъ за нею. Ошшуда видимо было озеро и полуостровъ и Аббашсшво, гдѣ завшракали поушру. Луна въ полночѣ своей сребристый свѣтъ свой распространяла на всѣ предметы, и придавала полямъ кропкій блескъ, гораздо пріятнѣйшій можешъ бышь, нежели кошо-

рый сообщаетъ имъ солнце во всемъ своемъ сіяніи. Аделія въ шапкахъ уронила ленту, коею волосы ея были перевязаны; Оскаръ поднялъ оную, и хошблб удержашъ ея; Аделія спаралась опняшъ; но Оскаръ, нбжно взявъ ея руку, сказалъ ей: позволъше мнб ея сохранишъ; завпра же она вами бросишся какъ ненужная вещь, а я сб такимъ щцаніемъ буду беречь ея, какъ бы безцбнбйшее сокровище; оставъше мнб, уббдишельнбйше прошу васъ, сей памятникъ щасливыхъ минушъ, кошорыя я препроводилъ сб вами!

О! избавъше пожалуйста, сказала ему Аделія, ошб подобныхъ обвясненій. Эшо, прибавила она (не препяшшвуя однако же Оскару положишъ ленту за пазуху) обыкновенныя нарб.

чія ласкашельства, которія пы-
сяча тысячъ разъ упошреблялись
и впредь еще повтораються спа-
нушъ. Какъ! сіе - то есть ваше
мнѣніе о томъ, сказалъ ей Ос-
каръ. Да, прервала она. О! дай
Небо, чтобъ мнѣ позволено было
увѣришь васъ, что въ разсужде-
ніи меня оно ложно! Аделія смѣю-
чись сказала ему: весьма шруд-
ное было бы сіе предпріятіе! Ос-
каръ призадумался. Я размыш-
ляю, говорилъ онъ, ежели бы я
былъ постигнушъ нещасіемъ:
то сіе древнее Аббашство пред-
почелъ бы я всѣмъ прочимъ убѣ-
жищамъ. Точно, сказала Аделія!
Расположеніе его весьма способ-
но сдѣлать шумъ пущыню, и еже-
ли когда придетъ вамъ въ голо-
ву вещь уединенную жизнь:
то прошу васъ увѣдомишь меня
о томъ заранѣе, дабы я имѣла
особенное удовольствіе приугошо-

вишь вамъ дерновую постелю и умбренную пищу. Причина моего выбора, сказалъ онъ ей, не можешъ вамъ бышь безвизвѣспна; опшуда я бы имблѣ въ виду Воодѣ - Лавнѣ. А! а! перехватила Аделія, развѣ Воодѣ - Лавнѣ имбешѣ какую особливую пріяпность, кошорая дѣлаешѣ вамъ видѣ онаго споль прелѣспнымъ, какъ вы шо даеше выразумѣшь!

Въ сію минушу возвѣспили имѣ новые шанцы, и какъ ему, шакъ и ей увѣдомленіе сіе не было пріяпно, пошому чшо прекращало весьма важный для нихъ разговорѣ. Полковникѣ просилѣ уже Аделию на первый кондрѣдансѣ, и хошя Оскарѣ не имблѣ никакова желанія шанцоватѣ сѣ новою парою; но чшобѣ избѣжатѣ примѣчаній злословія, предложилѣ одной весьма пригожей молодой

особѣ. Аделія, какъ будто отъ
усталости, ни мало не имѣла въ
панцахъ того оживленнаго вида.
Полковникъ относилъ къ ней нѣ-
кошорыя учтивыя привѣтствія.
Но она грубо прервала оныя, да-
бы спросить у него: Миссъ
Онеаль (пара Оскарова) очень ли
хороша и столько ли, какъ во-
обще говорятъ о томъ. Полков-
никъ слишкомъ много имѣлъ
остропы, чтобъ не проникнуть
причины, побудившей Аделію сдѣ-
лать ему сей вопросъ. Правда,
сказалъ онъ, прилѣжно въ лор-
нетъ посмотрѣвъ на Миссъ
Онеаль, дѣвушка сія имѣетъ
нѣкошорыя пріятности; но сколько
помраченныя шѣми, копорыя те-
перь въ глазахъ моихъ (бросивъ
на Аделію помящійся взоръ), что
можетъ быть я не могу ей от-
дать заслуживаемой ею справед-
ливости; но Фишзаланъ, распочая

ей угожденія, кажется, хочетъ вознаградишь за всѣ тѣ, кои другими ей отказывающся. Аделія поблѣднѣла, и послѣ шанца воспользовалась первою минутою, кошорая казалась удобною спросишь у него свою ленту. Онъ смѣючись отказалъ ей въ оной, объясняя, что это былъ памятникъ благополучія, съ каковымъ онъ препроводилъ день сей, и что ей надлежало уже слышашься ошъ Генерала, родителея ея, что солдатъ никогда не оставляешъ столь достохвальнаго трофея. Опдайше мнѣ мой, подшвердила Аделія, и возмише оный ошъ Миссъ Онеаль!

Нѣтъ! сказалъ онъ, никогда не сдѣлаю обиды ея прелѣшямъ и моей искренности, чтошбъ пошребовашъ ошъ нее шакой даръ, кошорому я никакой цѣны не

полагаю. Аделія избавилась отъ своего унынія, и болѣе не требовала ленпы.

Танцы опять начались послѣ ужина съ весьма малыми отдохновеніями, и продолжались до семи часовъ утра; тогда вся компанія отправилась на другую сторону для завтрака, послѣ котораго разстались. Генералъ ошлично сдѣлалъ прощеніе съ Оскаркомъ, сопровождаемое знаками особенной пріязни. Просилъ его ошны и бѣщипашъ Вооп-Лавнѣ за главную свою кварпиру. Будь увѣренъ, милой человекъ! сказалъ онъ ему, что сынъ моего храбраго и достойнаго друга будетъ всегда любезенъ сердцу моему, и хорошо принятъ въ домъ; и, дай Боже! чтобъ въ шихій вечеръ жизни нашей родителъ вашъ и я имѣли бы шапры

наши гораздо поближе одинъ къ другому.

Съ сего времени домъ Генерала Оскаровымъ учинился. Генералу онъ споль пріяшенъ былъ, что онъ грустилъ въ его ошсущствіи. Усердіе, оказываемое ему Оскаромъ, было шаково, какъ бы онъ благороднаго сына къ нѣжному ошцу. Когда почтенный другъ его собирался нѣсколько прогуляшья, Оскаръ подавалъ ему руку, сопровождалъ его въ посѣщеніяхъ, копорья онъ дѣлалъ своимъ хозяйственнымъ заведеніямъ, чашывалъ ему что нибудь, дабы усыпить его, и слушалъ безъ малѣйшаго знака неперпѣливости его длинныя и инсгда и скучныя повѣсшвованія о сраженіяхъ и башаліяхъ, оказывая доброму сшарику различныя угожденія. Оскаръ повиновался

своимъ чувствамъ признашельно-
спи и почшенія къ нему , и до-
спавлялъ удовольствіе доброхопи-
ному и человѣколюбивому распо-
ложенію , которое заспавляло его
ощущаць нѣкую пріяпность ,
покачивая , шакъ сказаць , колы-
бель спароспи.

Но время , опредѣляемое Ос-
каромъ для Генерала , не препяп-
спвовало ему шакже многіе еще
часы дня посвящаць Аделии ; онѣ
разговаривалъ , читалъ , пѣвалъ
сѣ нею ; они пробѣгали вмѣстѣ
пустынные прогулки , предспа-
вляющіяся пріяпными берегами
Лунгерна и горами , вѣ окружно-
спи лежащими . Почти всегда со-
проводжалъ ее на гулянья , къ
коимъ была приглашаема сосѣ-
дзми своими , и сѣ большимъ еще
удовольствіемъ вѣ убѣжище ни-
щеспы , гдѣ видалъ онѣ ее щед-

рою рукою помогающую въ нещастьяхъ, извлекающихъ изъ глазъ ея слезы нѣжнаго состраданія. Довольно ясно, сколь прудно было Оскару въ сихъ опасныхъ прогулкахъ защищиться отъ нѣжнаго чувства; но оно пребывало сокрыто въ сердцѣ его, и языкъ никогда не изъяснялъ онаго. Довѣренность, оказанная ему Генераломъ въ позволеніи споль свободнаго обращенія съ его дочерью, дѣлала ее для него священнымъ предметомъ, котораго не могъ во зло упошребить; но въ то же самое время, когда честь его прошивоборствовала, здоровье спрадало отъ сраженія чувствъ его съ добродѣтелію.

Аделія же, которая до сихъ поръ всегда искала сообщества, вдругъ сдѣлалась задумчива; убѣ-

гала свѣта , и , казалось , гораздо болѣе находила удовольствія въ своихъ прогулкахъ съ Оскаромъ , нежели въ самыхъ великолѣпнѣйшихъ собраніяхъ . Любимое ихъ почти всякой вечеръ посѣщаемое ими мѣсто была пропинка на берегахъ озера , вдоль подошвы горы , покрытой лѣсомъ , гдѣ сидя видали скрывающееся солнце за прошиволежащіе холмы ; наслаждались благошворительными его лучами , которые , при изчезаніи своемъ , пурпуромъ и златомъ покрывали шрепещущія воды озера ; отсюда съ пріятнѣйшею слушали они пѣснь , воспѣваемую хлѣбопашцемъ , приближающимся къ его смиренному жилищу ; пѣніе птицъ въ лѣсахъ окружныхъ , бляніе стадъ , съ полей возвращающихся . Всѣ сіи обстоятельство дають Природѣ въ сію минушу дня наислад-

чайшія пріяшности, умягчаюшѣ и еще чувствителькѣе дѣлаютѣ сердца, нѣжнымѣ чувствомѣ уже одно кѣ другому пронупыя. Аделія снисходила иногда на прозьбы спѣшь паспущескую и просшую арію; облокошясь небрежно на руку Оскара, казалась полнымѣ погда наслаждашься блаженствомѣ. Но не таково было бѣдному Оскару, кошорой шыгостное испышывалѣ сраженіе, опказывая себѣ вѣ извясненіи колеблющихѣ его чувствѣ.

Такое было положеніе Оскара, какѣ одно происшествіе сдѣлало его еще любезнѣе Генералу. Вѣ одинѣ день были они вмѣстѣ вѣ фашонѣ; когда пробзжали косогорѣ, лошади испугавшись выспрѣла, учиненнаго на озерѣ, опаснѣйшимѣ образомѣ шарахнулись, повозка обрапилась кѣ

пропасши, а служители, ужасомъ объявше, никакой помощи не подавали. Оскаръ увидѣлъ, что оставалось только одно отчаянное средство, которое могло ихъ спасти. Съ легкостью выскочилъ вонъ, забѣжалъ впередъ, схватилъ поводъ лошадей, съ очевидною опасностью упасъ въ ровъ, по краямъ кошораго долженъ былъ идти. Между тѣмъ служители, нѣсколько поправясь отъ страха, прибѣжали ему на помощь. Все зашумало, и бѣдный Генералъ, оплеченный лѣтами и дряхлостью, почти безъ чувства былъ принесенъ домой. Аделія, увидя его въ семъ состояніи изъ окна своей уборной комнаты, бѣжала ему навстрѣчу, и услыша объ опасности, которой онъ избѣгнулъ, бросилась ему на шею почти въ изступленіи отъ дви-

женія , смѣшаннаго съ радостію и ужасомъ. Лобзанія любезной дочери скоро оживили его , и онъ шопчасъ искалъ глазами своего избавителя. Оскаръ шущъ находилъ , взирая на него съ прискорбіемъ и удовольствіемъ. Генералъ взялъ его руку , шакже какъ и Аделіну , прижалъ къ груди своей , и съ наполненными слезъ глазами сказалъ имъ : вы оба дѣши сердца моего , и вами шолько могу я бышь щаспливъ ! Оскаръ почишалъ слова сіи изліяніемъ благодарности Генерала за оказанную ему опъ него услугу , и ни мало не подозрѣвалъ мысли , поселившейся въ головѣ добраго человѣка , чаяшельно уже и съ дочерью своею о шомъ совѣтовавшаго. Сей великодушный шарикъ , кошораго иные назовущъ романическимъ , возчувшвавъ къ Оскару величайшую нѣж-

ность и неограниченную благодарность, рѣшился доставить ему въ помѣ непосредственное доказательство, дасть ему свою любезную дочь, богашую наследницу, которая призналась отцу своему въ склонности ея къ Оскару. Гоней-Вудъ зналъ, что молодой человекъ былъ благородной фамилии, пріятнаго и добраго свойства, и отважный человекъ. Союзомъ симъ на остатокъ дней своихъ утверждалъ себя присутствіе дочери своей; онъ желалъ отдать ее за мужъ; но боялся, чтобъ зятемъ не была она удалена отъ него. Оскаръ, приверженный благодарностию, охотно бы согласился остаться въ Вудъ-Лавнѣ. Предпринялъ онъ сообщить о своемъ намѣреніи Полковнику Бельграву, котораго щипалъ онъ хорошо расположеннымъ къ Оскару. Оный сказывалъ ему, да и въ самомъ

дѣлѣ думалъ бышь опчасти Бельграву чиномъ своимъ одолженнымъ.

Бельгравъ пріѣхалъ въ Вудъ - Лавъ поутру на другой день, послѣ того къ Генералъ принялъ послѣднее рѣшеніе; Гоней-Вудъ просилъ его иди съ нимъ въ павиліонъ сада. Бѣдный Оскаръ былъ объявъ великимъ уныніемъ. Онъ имѣлъ предчувствіе о содержаніи разговора ихъ, и не сомнѣвался, чтобъ Генералъ не взялъ намбренія пожаловаться его начальнику за чрезмѣрные его къ Миссѣ Гоней - Вудъ опношенія. Генералъ однако же сдѣлалъ Полковнику свою довѣренность.

Для Бельграва сіе было громовымъ ударомъ : удивленіе, зависшь, бѣшенство нѣсколько минушь удерживали его въ молчаніи. По томъ лукавство пришло

ему на помощь; онъ попробовалъ, заикаясь, изъяснить похвалы такому великодушiю; однакоже, милоспивый государь! продолжалъ онъ, ввѣряшь столь драгоцѣнное сокровище, о которомъ бы поспорили многіе искатели высокаго степени и съ великимъ богатшвомъ, молодому человѣку, ни шой ни другой изъ сихъ выгодъ не имѣющему, и кошораго склонности столь легко могутъ перемѣнишься. . . . Позвольте сказать вамъ, Господинъ Полковникъ! говорилъ ему Генералъ, прерывая его, ударивъ объ полъ тросилекъ, и поворачиваясь назадъ, дабы идиши домой: я не боюсь перемѣны со стороны человѣка, кошорой будешъ имѣшь женою такую дѣвицу, какъ моя Аделія; и шакъ прошу васъ не говорить мнѣ о шомъ ни слова болѣе. Возвѣстите шолько мое намѣреніе моло-

дому челоѡѡку ; ибо все сіе при-
водитъ меня въ такое замѡша-
пельство , что я , разсердясь и
вышедъ изъ себя , забуду весь по-
рядокъ , и не во время велю бишь
превогу .

Пасмурный и встревоженный
видъ Полковника , послѣ бывшаго
разговора , наполнялъ страхомъ
Оскара ; онъ относилъ оный къ
дружеству , которое имѣлъ къ
нему Полковникъ . Неперѣливо
желалъ узнать , что ему говорилъ
Генералъ , и для сего поскорѣ
убѣжалъ изъ Вудъ-Лавна . Полков-
никъ самъ былъ въ мученіи ; онъ
сооружалъ побѣду Адельи , кото-
рой богашство и красота соспа-
ляли ее весьма желательнымъ
для него предметомъ . Никакъ
не могъ онъ рѣшиться оставить
сіе упованіе , не сдѣлавъ какого
либо усилія ополкнущъ Оскара ;

и когда уже самому неудобно надбъяться сего блаженства : по пославляя себѣ ушбшеніемъ похишишь оное у своего соперника ; швердо рбшился все испышашь , лишь бы досшигнушь той или другой цѣли.

Наконецъ они ошправились вѣ Эннискелленѣ. Бельгравѣ ошслалъ своего слугу впередѣ , чшобѣ возможно было безѣ принужденія веспи разговорѣ , кошорой начашь Оскарѣ великое оказывалѣ желаніе.

Конецъ первой Части.

